

**Военные
Приключения**

ЭКСПАНСИЯ-1

ЮЛИАН СЕМЕНОВ

Штирлиц

Юлиан Семенов

Экспансия-1

«ВЕЧЕ»

1984

Семенов Ю. С.

Экспансия-1 / Ю. С. Семенов — «ВЕЧЕ», 1984 — (Штирлиц)

ISBN 978-5-4484-7894-9

Издательство «Вече» в рамках популярной серии «Военные приключения» представляет новый проект по произведениям известного русского писателя Юлиана Семенова — полный рассказ о жизни и опасной работе легендарного литературного героя-разведчика Исаева-Штирлица. Действие романа «Экспансия-1» разворачивается в конце 1940-х годов, когда начал оформляться союз нацистских преступников СД и гестапо с ЦРУ. Главный герой — Максим Максимович Исаев (Штирлиц) оказывается во франкистской Испании, где живет по подложным документам. Он снова попадает в сферу интересов разведок — в свою игру его включает шеф новой немецкой разведки генерал Гелен.

ISBN 978-5-4484-7894-9

© Семенов Ю. С., 1984

© ВЕЧЕ, 1984

Содержание

Информация к размышлению. (19 июня 1945 года)	6
Штирлиц. (Мадрид, октябрь сорок шестого)	8
Мюллер. (Мадрид, октябрь сорок шестого)	11
Штирлиц. (Мадрид, октябрь сорок шестого)	20
Штирлиц. (Мадрид, октябрь сорок шестого)	31
Гелен. (Осень сорок пятого)	32
Штирлиц. (Мадрид, октябрь сорок шестого)	42
Штирлиц. (Мадрид, октябрь сорок шестого)	47
Информация к размышлению – ИТТ. (1927–1940)	54
Штирлиц. (Мадрид, октябрь сорок шестого)	59
Информация к размышлению. (Братья Даллесы, осень сорок пятого)	69
Макайр	82
Штирлиц. (Мадрид, октябрь сорок шестого)	89
Гарантированная тайна переписки	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Юлиан Семенов

Экспансия-1

© Семенов Ю. С., наследники, 2007

© ООО «Издательство «Вече», 2007

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Информация к размышлению. (19 июня 1945 года)

Сталин осторожно, как-то замедленно, отодвинул от себя папку со страницей машинописного текста, медленно поднялся из-за стола, прошелся по кабинету, постоял возле окна, наблюдая за тем, как на кремлевской площади медленно и валко расхаживали голуби, цветом похожие на брусчатку; если долго и неотрывно смотреть на них, возникало ощущение, что сама брусчатка движется; мистика какая-то; нечто похожее рассказывал на занятиях в семинарии отец Дионисий: вещие птицы, чистилище, райские кущи.

Обернувшись, Сталин посмотрел на начальника разведки, несколько раз пыхнул трубкой, чтобы раскурить ее, и, вернувшись за стол, спросил, кивнув на бумагу:

– Ну, и как вы мне это объясните?

– Я обязан проверить и перепроверить это сообщение. Оно носит чрезвычайный характер, поэтому его надежность я должен подстраховать с разных сторон.

– А что за человек передал вам это сообщение? Надежен?

– Вполне. Но смысл любой игры в разведке заключается в том, чтобы именно надежному человеку отдать ложную информацию.

– Спасибо за разъяснение. Вы очень популярно объяснили мне суть разведывательной работы. Тронут.

Он подвинул к себе текст телеграммы, пробежал ее еще раз:

«В течение трех дней, начиная с середины июня, в Пентагоне проходили секретные совещания руководства военной разведки США и чинов ОСС¹ с начальником управления “Армии Востока” генерал-лейтенантом вермахта Геленом. В ходе этой встречи было достигнуто соглашение о том, что Гелен возвращается в Германию и разворачивает свою работу. Гелен согласился передать свою агентуру американской разведке, включая руководителей “русского освободительного движения” генерала Власова, активистов “украинской повстанческой армии” Мельника и боевиков Бандеры; достигнуто соглашение о том, что отныне американцы будут контролировать работу Гелена с агентурой, внедренной им в ряды польского правительства в Лондоне, со словацкими, хорватскими, венгерскими, болгарскими, чешскими и румынскими антикоммунистическими группировками, эмигрировавшими на Запад.

Однако в итоговом коммюнике было отмечено, что после того, как в Германии к власти будет приведено немецкое правительство, Гелен намерен начать работу лишь на новый немецкий режим. Пентагон заверил его в том, что ему будет оказано содействие в этом вопросе. Было подчеркнуто, что Вашингтон найдет возможность оказать давление на новое немецкое правительство в том смысле, чтобы организация генерала Гелена была преобразована в разведывательную службу режима демократической Германии, интегрированной в систему западного мира. Он получил заверения, что останется шефом разведки. Было подчеркнуто, что сейчас в Германии рискованно создавать единый центр разведки; необходимо определенное время для того, чтобы западные демократии смогли по-настоящему укрепиться в своих зонах оккупации, сделав их недоступными для коммунистического проникновения. Поэтому генералу Гелену было предложено продумать вопрос о создании нескольких конспиративных центров, в первую очередь в Испании; санкционированы его контакты с соответствующими службами генералиссимуса Франко.

После того как совещание в Пентагоне завершило свою работу, генерал Гелен провел трехчасовую беседу с Алленом Даллесом, который, как здесь считают, привез сюда генерала и **заставил** Пентагон сесть с ним за стол переговоров. Итоги этих бесед неизвестны, однако

---

¹ ОСС – Организация (Отдел, Управление) секретных служб (разведка США, созданная по указанию Рузвельта для борьбы против гитлеризма). – *Здесь и далее примечания автора.*

предполагают, что речь шла о практических шагах в направлении развертывания антикоммунистической активности в странах Восточной Европы. Не отвергается также возможность проработки конкретных мер для оказания немедленной помощи группировкам украинских антикоммунистических отрядов, сражающихся против Кремля в районах Львова».

Сталин долго ходил по кабинету в молчании, потом остановился перед начальником разведки, изучающе посмотрел ему в лицо, словно бы обняв своими рысьими желтоватыми глазами, и спросил:

– А теперь скажите, как мне после этого, – он, кивнул на стол, – сидеть рядом с Трумэном и обсуждать проблемы послевоенной Европы? Что молчите? Не знаете, как ответить? Или не решаетесь?

– Скорее – второе, товарищ Сталин.

– Почему? Вы же не навязываете мне свою точку зрения, а лишь отвечаете на вопрос. Большая разница. Так что?

– Я исхожу из того, что на Западе нам противостоят две силы: здравомыслящие политики – а их, мне кажется, все-таки немало – открыто выступают за продолжение дружеского диалога с нами. Противники, что ж, они и останутся противниками, ничего не поделаешь. Но чем круче мы прореагируем на такого рода информацию, тем труднее будет здравомыслящим, то есть тем, кто хочет с нами дружить.

– Но вы-то верите, что эта информация не сфабрикована для того, чтобы мы заняли жесткую позицию? И – таким образом – поставили наших симпатиков в трудное положение?

– Надо проверять. Времени на это не было.

– А возможности?

– Есть.

– Как вы думаете, близкое окружение покойного Рузвельта понудит Трумэна отмежеваться от его слов, сказанных в начале войны по поводу того, что помогать надо тому, кто будет выигрывать битву: одолеют немцы – немцам, возьмут верх – русские – русским?

– Думаю, он готов сделать все, чтобы эти его слова были преданы забвению.

– А если ему помочь в этом? Если я сделаю все, чтобы помочь ему в этом? Как полагаете, будет он стоять за диалог?

– Не знаю.

– Хорошо, что ответили честно. Спросим Громыко. Скажите вот что: вы бы, лично вы, решились на переговоры с высшим гитлеровским военачальником, не поставив об этом в известность меня?

– Нет.

Сталин усмехнулся:

– А может быть, Трумэн добрее? Как-никак демократия, свободные выборы, полная гласность?

– Именно поэтому я бы на месте руководителей американской разведки подстраховался санкцией президента.

– «Именно поэтому», – хмыкнул Сталин. – Хорошо ответили. Не нравится наша демократия, а? Ладно, будем думать, как поступать. Не пришлось бы брать уроки у режиссеров Художественного театра: пусть научат, как вести себя за столом переговоров о будущем мира с тем, кто спокойно живет в том же городе, где его военные дружески принимают гитлеровского генерала... Документ мне оставьте... И продумайте, как можно получить более развернутую информацию... Видимо, из Испании? Впрочем, не мне вас учить профессии, поступайте как знаете.

Штирлиц. (Мадрид, октябрь сорок шестого)

Американец, подошедший к Штирлицу на мадридской авениде Хенералиссимо с предложением пообедать и поговорить о том, что может представить обоюдный интерес, был вполне доброжелателен; следов того волнения, которое обычно сопутствует операции похищения или ареста, не было заметно на его лице.

– Обещаю отменное меню, – добавил он. – Как отнесетесь к такого рода перспективе?

Листья платанов на широкой авениде начали уже желтеть, становясь металлическими, цвета чилийской меди; осени, однако, не чувствовалось; тепло; Штирлиц подставил лицо мягким лучам солнца и, как-то странно, пожав плечами, тихо ответил:

– А почему бы и не пообедать?

– Мне почему-то казалось, что вы откажетесь.

Штирлиц снова посмотрел на американца: очень крепкий человек, подумал он, **сбитень** прямо-таки; они вообще-то очень здоровые; понятно: войн не знали, живут далеко от тех мест, где разыгрывается трагедийное действие, да и молоды, два века истории, это не возраст, младенчество.

Он отчетливо и как-то до страшного явственно помнил тот дождливый день, когда в здешних газетах напечатали речь Черчилля, произнесенную «великим старцем» в Фултоне: бывшего премьера Британии слушателям Вестминстерского колледжа представил не кто-нибудь, а сам президент Трумэн, что придавало этой речи характер чрезвычайный; протокол и есть протокол, в одной строке подчас заключена целая программа, которая готовилась целым штабом политиков, экономистов, военных, ученых, разведчиков и философов в течение месяцев, а то и лет.

Прочитав речь Черчилля дважды, Штирлиц отложил газету, тяжело поднялся со скрипучего стула (три стула стояли в его конурке, называемой «номером», все три скрипели на разные «голоса») и вышел на улицу; моросил мартовский дождь, хотя небо было безоблачным; люди шлепали по лужам, спрятавшись под парашютными куполами зонтов; лишь истинные кабальерос вышагивали без шляп, в легких пальто, – вода не пули, это нестрашно, прежде всего следует думать о своем облике, непристойно прятаться от чего бы то ни было, от дождя – тем более.

Он брел по городу бездумно, не в силах сосредоточиться после прочитанного, и поэтому совершенно неожиданно осознал самого себя в центре, напротив американского посольства; в большой дом то и дело заходили люди, было девять часов, начало рабочего дня; он остановился возле газетного киоска, начал пролистывать газеты и журналы, вздрагивая каждый раз, когда старенький продавец в огромном берете, по-пиратски надвинутом на глаза, один из которых был с бельмом, выкрикивал истошным голосом:

– Читайте историческую речь Черчилля, он объявил войну Сталину!

Штирлиц смотрел на американцев, которые входили в ворота посольства; были они высокие, крепкие, одеты словно в униформу: тупорылые ботинки с дырочками на носках, очень узенькие брюки, узенькие, в ноготок, узелки галстуков и короткие, а оттого казавшиеся кургузыми плащи, как правило, бежевого или серых цветов.

Они шли, весело переговариваясь друг с другом; Штирлиц старался понять, о чем они сейчас говорили, и ему казалось – судя по выражениям их лиц, – что беседовали они о каких-то пустяках: кто рассказывал, как провел уик-энд на Ирати, охотясь за форелью (в Испании не говорят «ловил форель», ее здесь «охотят»); кто делился впечатлением о поездке в замок Фины Кальдерон под Толедо (совершенно поразительная женщина, бездна обаяния); кто просто-напросто говорил, что левый ботинок жмет, надо занести Пепе, который работает на углу улицы, хороший мастер и берет недорого.

И никто из этих людей – а ведь они были не простыми людьми, которые ходят по улицам, сидят в кафе, сеют хлеб, поют в театре или лечат в клинике, – а особыми, приобщенными к касте политиков, – не был озабочен, нахмурен, подавлен, никто – судя по их лицам – словно бы и не понимал того, что случилось вчера в Фултоне.

Это клерки, подумал тогда Штирлиц, не видят дальше того, что написано в документе, лишены дара исторической перспективы, я не вправе судить по их лицам обо всех американцах, хотя более всего меня сейчас занимают те, от которых зависят решения. Как наивны наскоки присных пропагандистов, подумал он тогда, как беспомощны их восторги по поводу единственной демократии, существующей на земле, – американской... Но ведь и там все определяет человек, которого привели в Белый дом; повезло стране – появился Рузвельт, решил наказать ее Бог – убрал его, заменив Трумэном, который никогда не сможет понять и почувствовать того, что смог Рузвельт...

Штирлиц зажмурился даже, потому что возникло – на какой-то миг – страшное видение: вместо живых, гладко выбритых лиц ему привиделись черепа, а сквозь серые плащи проступили скелеты; возможность массовой гибели человечества увязана с представлениями опять-таки одного человека, обрекающего эти свои представления в Слово, которое оказывается поворотной вехой в естественном течении Истории...

Что же так обескуражило Штирлица в речи Черчилля, произнесенной им вчера, далеко за океаном, в красивом и тихом, староанглийского типа, здании колледжа?

Видимо, понял он, меня ошеломили его слова о том, что необходимо – в качестве противодействия России – создание «братской ассоциации народов, говорящих на английском языке». А такая ассоциация предполагала совершенно особые отношения между Соединенными Штатами и Британской империей. Братская ассоциация, **чеканил** Черчилль, требует не только растущей дружбы между родственными системами общества, но и сохранения близких отношений между военными советниками, совместного использования всех военно-морских и воздушных баз, что удвоит мощь Соединенных Штатов и увеличит мощь имперских вооруженных сил.

Штирлица прежде всего стегануло то, что Черчилль дважды употребил слово «империя», показав этим, что с прежним, то есть с антиимперской политикой Рузвельта, покончено раз и навсегда. Трумэн мог бы высказать особое мнение, он мог бы сепарировать американскую демократию от британских имперских амбиций, но ведь он не сделал этого, он, вместе со всеми, аплодировал неистовому Уинни, показывая, что согласен с каждым словом, им произнесенным.

Будучи политиком прирожденным, **глубинным**, Штирлиц сразу же просчитал, что пассаж Черчилля о создании «англоязычного военного блока, противостоящего России», есть не только угроза Кремлю, но и жесткое предупреждение Франции и Италии: и Рим и Париж были поставлены перед фактом создания качественно нового блока. А в следующем абзаце Черчилль ударил уж совершенно открыто: «не только в Италии, но и в большинстве стран, отстоящих далеко от русских границ, действуют – по всему миру – коммунистические партии, которые есть угроза для христианских цивилизаций».

То есть, понял Штирлиц, этой своей фразой Черчилль недвусмысленно требовал от правительств Италии и Франции немедленного исключения Тольятти и Тореза из числа членов кабинета и безусловного размежевания с теми, кто внес самый большой вклад в дело борьбы против гитлеризма. Такого рода диктата по отношению к суверенным странам Европы не позволял себе никто – после девятого мая сорок пятого года; раньше такое бывало, но ведь это делал главный враг Черчилля, неужели так коротка память человеческая?!

Штирлиц понял, что с прежним покончено, когда дважды, очень медленно, по словам, прочитал ту часть речи, в которой Черчилль провозгласил: «Мы не можем полагаться на незначительный перевес в силах. Судя по моим встречам с русскими, я уверен, что более всего они

восторгаются силой. Взаимопонимание с Россией должно поддерживаться всей силой стран, говорящих на английском языке, и всеми их связями».

Он понимал, что Москва не сможет промолчать; ответ, видимо, будет столь же резким; Черчилль знает, что делает, характер Сталина изучен им достаточно точно; начиная свое действие, он, видимо, совершенно точно просчитал возможное противодействие того, кто наравне с ним, всего год назад, был членом Большой Тройки, сидел за одним столом в Ялте, но тогда в Крыму рядом с ними был еще один человек – Рузвельт.

Именно в тот мартовский день сорок шестого года, когда Штирлиц только-только начал передвигаться без костылей и трости, он понял, что возвращение на Родину стало теперь проблемой такой сложности, которой он не мог себе раньше и представить.

Именно тогда, в тот промозглый весенний день сорок шестого года, он испытал страшное чувство какой-то давящей безысходности: он мог предположить, что против той идеи, которой он служил всю сознательную жизнь, выступят силы, традиционно нападавшие на Советский Союз с крайне правых позиций, он понимал, что лидер английских фашистов Мосли, выпущенный из-под домашнего ареста, не смирится со своим поражением и снова начнет собирать митинги в Хайд-парке, он понимал, что могут высунуться люди Форда, открыто преклонявшиеся перед Гитлером, но чтобы с такой яростной программой неприятия России выступил тот, кто расценивался Гитлером как ненавистный враг рейха, кто внес свой вклад в победу над нацизмом, – это было для Штирлица так обидно и горько, что он отсчитал из тех крох, которые накопил, десяток песет, зашел в кафе, неподалеку от американского посольства, заказал себе бутылку вина, выпил ее в один присест, стакан за стаканом, опьянел и с трудом добрался до того пансиона, где его поселили восемь месяцев назад люди ОДЕССы², чувствуя, как внутри у него что-то заглодело, сделавшись неподвижно-постоянным, словно вернулась та боль, которая пронзила его первого мая в Ванзее, когда пули разорвали грудь и живот.

– Так пошли? – предложил американец.

– Конечно.

– Я не очень быстро шагаю? – спросил американец. – Могу и потише.

– Да уж, – ответил Штирлиц, – лучше бы помедленнее...

---

² ОДЕССа – тайная организация членов СС.

Мюллер. (Мадрид, октябрь сорок шестого)

Острые лучи солнца, разбившись о теплые деревянные жалюзи, резали темную комнату желто-голубыми линиями, которые казались холодными из-за того, что напоминали чем-то сокровенную субстанцию зеркала; мертвое отражение истинного всегда холодно.

Мюллер долго наблюдал за тем, как медленно, еле заметно, но тем не менее неуклонно лучи двигались по комнате, перемещаясь от громадного краснодеревяного стола к камину, сложенному из серого мрамора, и к стеллажам, заставленным книгами.

Он не спешил подняться с большой низкой тахты; расслабленно наслаждался тишиной и покоем; улыбался, когда кукушка выскакивала из баварских ходиков (подарил местный ортс-ляйтер, вывез из Германии еще в тридцать седьмом году, когда был отправлен иностранным отделом НСДАП на внедрение сюда, в Аргентину) и весело отсчитывала безвозвратное исчезновение времени.

Сначала, в первые месяцы, когда Мюллер прибыл в Латинскую Америку, на пустынный берег, и, обменявшись молчаливым рукопожатием со своими спутниками, сел в ожидавшую его машину, которая увезла его в эстансию Энрике Тростхаймера «Вилла Нуэва», он не мог спать; забывался на два-три часа, да и то лишь после того, как выпивал стакан крепчайшего корна³; запасы были громадны – весь подвал большого трехэтажного особняка на берегу океана был заставлен бутылками.

Чувствовал он себя в постоянном напряжении, потому что в двух километрах от дома проходило шоссе; ограды и охраны, к какой он привык в рейхе, не было; полное ощущение незащищенности, постоянное ожидание того момента, когда придут люди в штатском и спросят: «Где здесь скрывается военный преступник Мюллер?» Несмотря на то что паспорт у него был на имя гражданина Швейцарии Рикардо Блюма, несмотря на то что Тростхаймер убеждал его, что никакой опасности здесь нет, Перон вполне дружелюбен, хотя рузвельтовские евреи и понудили его страну объявить войну рейху в марте сорок пятого, – Мюллер не находил себе места; ложась спать, прятал под подушку парабеллум и гранату, а уснуть все равно не мог, прислушиваясь к шуму проезжавших вдали машин.

– Энрике, – сказал он, наконец, – вы слишком долго тянете с переправкой меня в глубь территории. Я понимаю, люди готовят операцию с возможно надежной тщательностью, но» как бы вы не привезли меня туда, где не ездят машины, совершенным психом, не способным более ни к чему.

– Ах, Рикардо, – улыбнулся Тростхаймер, – отдыхайте спокойно. – (Ни разу Тростхаймер не назвал Мюллера прежним именем или фамилией, не говоря уже о звании, к чему тот привык за последние годы; обращения «группенфюрер» не доставало; порою казалось даже, что отсутствует какая-то часть туалета, то ли галстука нет, то ли носки не натянул.) – Мы слишком дорожим вами, – продолжил Тростхаймер, – чтобы идти на необдуманный риск. Сейчас происходит необходимая в данной ситуации рекогносцировка, мы распределяем наиболее важных гостей по регионам таким образом, чтобы была неукоснительно соблюдена пропорция в размещении руководителей среднего звена и рядовых сотрудников... И потом, мы сочли необходимым дать вам время на карантин: там, куда вы поедете, нет еще хорошей медицины, вдруг возникнет необходимость в рентгене, серьезных анализах, консилиуме лучших медиков? Нагрузки последних месяцев сказываются не сразу, возможен сердечный криз, я допускаю, что у вас начнет скакать давление... Все это лучше локализовать здесь, неподалеку от центров... Осваивайтесь со своим новым именем, учите испанский. Я не зря представил вам двух моих

---

³ Корн – пшеничная водка (нем.).

молодых друзей, они в вашем полном распоряжении. Спите, купайтесь, гуляйте... Я бы не взял на себя смелость говорить так, не будь убежден в вашей абсолютнейшей безопасности...

Привыкший за последние годы к тому, что все его команды выполнялись неукоснительно, научившись видеть в глазах окружающих алчное желание исполнить любую его прихоть, утвердившийся в мысли, что лишь он знает, как надо поступать в той или иной ситуации, Мюллер болезненно переживал свое новое положение, когда ему следовало ждать указания неведомо от кого, выходить к завтраку, обеду и ужину строго по времени, когда гулко ударял медный гонг, укрепленный под пальмой в маленьком внутреннем патио, и поддерживать разговор за столом с хозяином и двумя «учителями», исполнявшими также функцию охраны; собранны, услужливы, молчаливы, но без того, столь любезного сердцу Мюллера **рабства** (к этому привыкают быстро, только отвыкать долго приходится), которое отличало тех, кто обеспечивал в рейхе его безопасность, готовил еду, убирал в особняке и возил на машине.

«Что значит иной континент, – тяжело думал Мюллер, приглядываясь к этим двум молчаливым крепышам, – что значит прерванность связи с почвой! Да, немцы, конечно, немцы, но аргентинские немцы! Здешняя среда уже наложила на них свой отпечаток, они позволяют себе начать разговор, не дослушав меня, выходят к ужину в рубашках с короткими рукавами, в этих отвратительных американских джинсах, словно какие-то свинопасы; гогочут, плавая наперегонки в бассейне, не понимая, что все это может отвлекать меня от мыслей, а то и просто раздражать. Нет, дома такое невозможно, все-таки родная почва дисциплинирует, чужая – разбалтывает; дети, которые воспитывались в доме богатых родственников, да еще за границей, теряют безусловное следование традициям, это печально».

Впрочем, как-то подумал он, такого рода мнение противоречит нашей расовой теории; по фюреру – любой немец остается немцем, где бы он ни жил, в каком бы окружении ни воспитывался; кровь не позволяет ему потерять себя. Почва, повторил Мюллер, здесь другая почва, хоть кровь немецкая. А что такое почва? Мистика, вздор. Песчаник или глина. Здесь другие передачи радио; сплошь танцевальная музыка; даже мне хочется двигаться в такт ее ритму; здесь другая еда, такого мяса я не ел в рейхе; на стол ставят несколько бутылок вина и пьют его, как воду, – постоянное ощущение искусственной аффектации сказывается на отношениях людей, это не пиво с его пятью градусами, совсем другое дело. Они читают американские, французские и мексиканские газеты; живут рядом с англичанами, славянами и евреями, здороваются с ними, покупают в их магазинах товары, обмениваются новостями, постоянная диффузия, она незаметна на первый взгляд, но разлагающее влияние такого рода контактов очевидно.

Он успокоился тогда лишь, когда маленький «дорнье» приземлился на зеленом поле рядом с особняком; молчаливый летчик приветствовал его резким кивком – шея будто бы потеряла на мгновение свою устойчивую мускулистость, не могла более удерживать голову; Мюллеру понравилось это; видимо, летчик не так давно из рейха. Тростхаймер помог ему сесть в маленькую кабину, справа от пилота.

– Счастливого полета, Рикардо! Я убежден, что в том месте, куда вы летите, вам понравится по-настоящему.

Когда самолет, пробежав по полю какие-то сто метров, легко оторвался от земли и резко пошел в набор высоты, Мюллер спросил:

– Куда летим?

– В горы. За Кордову. Вилла Хенераль Бельграно. Это наше поселение, практически одни немцы, прекрасный аэродром, дороги нет, приходится добираться лошадьми, каждый грузовик там – событие, так что ситуация абсолютно контролируема.

– Прекрасно. Сколько туда километров?

– Много, больше тысячи.

– Сколько же времени нам придется висеть в воздухе?

– Мы сядем в Асуле. Там наши братья, заправимся, отдохнем и двинемся дальше. Возле Хенераль-Пико пообедаем, затем возьмем курс на Рио-Куарто, неподалеку оттуда заночуем: горы, тишина, прелесть. А завтра, минуя Кордову, пойдем дальше; можно было бы допилить и за один день, но руководитель просил меня не мучить вас, все-таки висеть в небе десять часов без привычки – нелегкая штука.

– Сколько вам лет?

– Двадцать семь.

– Жили в рейхе?

– Да. Я родился в Лисеме...

– Где это?

– Деревушка под Бад-Годесбергом.

– Давно здесь?

– Два года.

– Выучили язык?

– Моя мать испанка... Я воспитывался у дяди... Отец здесь живет с двадцать третьего.

– После мюнхенской революции?

– Да. Он служил в одной эскадрилье с рейхсмаршалом. После того как фюрера бросили в застенки, именно рейхсмаршал порекомендовал папе уехать сюда, в немецкую колонию.

– Отец жив?

– Он еще работает в аэропорту...

– Сколько ж ему?

– Шестьдесят. Он очень крепок. Он налаживал первые полеты через океан, из Африки в Байрес...

– Куда?

– Буэнос-Айрес... Американцы любят сокращения, экономят время, они называют столицу «Байрес». Приживается...

Мюллер усмехнулся:

– Отучим.

Пилот ничего не ответил, глянул на группенфюрера лишь через минуту, с каким-то, как показалось Мюллеру, сострадательным недоумением.

– Вы член партии?

– Да. Все летчики должны были вступить в партию после двадцатого июля.

– «Должны»? Вы это сделали по принуждению?

– Я не люблю показуху, все эти истерики на собраниях, лизоблюдские речи... Я Германию люблю, сеньор Рикардо... С фюрером, без фюрера, неважно...

– Как вас зовут?

– Фриц Циле.

– Почему не взяли испанское имя?

– Потому что я немец. Им и умру. Я был солдатом, мне нечего скрывать, за каждый свой бомбовый удар по русским готов отвечать перед любым трибуналом.

– А по американцам?

– Америка далеко, не дотянулись... Болтали о мощи, а как дело коснулось до удара, так сели в лужу...

– Отец состоял в партии?

– Конечно. Он старый борец, ветеран движения.

– Дружите с ним?

– А как же иначе? – Пилот улыбнулся. – Он замечательный человек... Я преклоняюсь перед ним. Знаете, он готовил самолеты французам, которые шли из Байреса на Дакар... Очень любил одного пилота, Антуана Экзюпери, нежен, говорит, как женщина, и смел, как юный

воин... Отец работал с ним по заданию, надо было понять, не военные ли открывают эту трассу под видом пассажирских самолетов, рейхсмаршала это очень интересовало, вот отец и получил указание с ним подружиться... Отец говорит, он книжки какие-то писал, этот Экзюпери, не читали?

– Даже не слышал.

– Очень много рассказывал, доверчив, отец говорит, как ребенок, ничего не стоило расшевелить... Пьяница, конечно, как все французы... Бабник... Отец пытался найти его в концлагерях, думал, сидит после поражения Франции... Так вот он рассказывал папе, что высшее наслаждение лететь через океан одному, ты, небо и гладь воды... Я его понимаю, в этом что-то вагнеровское, надмирное...

Странно, что это мог почувствовать француз...

– А Гюго? – усмехнулся Мюллер. – Бальзак? Мопассан? Золя? Они что, не умели чувствовать?

– Я не люблю их. Они пишут как-то облегченно. А я предпочитаю думать, когда читаю. Я люблю, чтобы было трудно... Когда мне все видно и ясно, делается неинтересно, словно обманули. Писатель особый человек, я должен трепетать перед его мыслью...

– Он должен быть вроде командира эскадрильи, – вздохнул Мюллер.

Фриц обрадовался:

– Именно так! Необходима дистанция, во всем необходима дистанция! Иначе начинается хаос...

«Откуда в нем эта дикость, – подумал Мюллер. – Не вступал в НСДАП, оттого что не нравилась истерика на собраниях, значит, что-то чувствовал, самостоятелен. Почему же такая тупость и чиновничье отношение, когда заговорил о писателе? Тебе это не по нутру? – спросил он себя. Не лги, тебе это очень нравится, а особенно то, что мы летим над безлюдьем, ни одного дома, какое же это счастье – одиночество...»

– Знаете, а было бы славно, долети мы с вами до этой самой Виллы Хенераль Бельграно без ночевки на промежуточных пунктах...

– Не устанете?

– Нет, я хорошо переношу полет.

– Зато я устану. Нам запрещено лететь на этих малютках больше восьмисот километров. Тем более ночью...

– А что такое Асуль?

– Не знаю. Мы сядем на аэродроме нашего друга, он руководит химическими предприятиями, живет в Байресе, здесь у него дом, земля, аэродром и радиостанция... Дом очень хороший, я ночевал там, прекрасная музыка, бассейн, лошади...

– Кого-нибудь везли?

– Даже если бы это было и так, я бы не ответил вам, сеньор Рикардо. Я дал клятву молчания. Простите, пожалуйста.

– Нет, нет, молодчина Фриц... Просто мне не терпится оказаться на месте, понимаете?

– Понимаю. Попробуем. Если я почувствую, что могу лететь, – полечу. Только надо запросить центр, позволят ли мне продолжать путешествие без отдыха.

– Да, конечно, все надо делать как положено. Не думайте, что я толкаю вас на нарушение инструкции.

– Это не инструкция. Это приказ.

– Тем более. А как зовут хозяина аэродрома в Асуле?

– Под Асулем. Километров пятнадцать, не долетая до города. Я не знаю, как его зовут. Лишнее знание обременяет. Хочу жить спокойно. Пережду трудные времена, скоплю денег и вернусь в Германию.

– Как скоро?

– Думаю, года через два всех солдат будут просить вернуться.
– Да? Экий вы оптимист. Прямо-таки зависть берет. Молодец. Буду рад, если вы не ошибетесь в расчетах.

Фриц снова улыбнулся своей мягкой улыбкой, столь странной на его лице:

– Так ведь не зря я здесь летаю...

...Человеком, который встретил Мюллера на зеленом поле аэродрома, возле маленького домика радиостанции, построенного чисто по-баварски, с мореными бревнами, которые держали каркас, был СС штандартенфюрер профессор Вилли Курт Танк, шеф конструкторского бюро «Фокке-Вульф»; они были знакомы с лета сорок третьего, когда Мюллер приехал на озеро Констанц, где располагалась штаб-квартира фирмы, чтобы обсудить с Танком возможность использования на работе ряда французских и чешских инженеров, арестованных гестапо за участие в Сопротивлении и находившихся в концентрационных лагерях рейха.

Договорились, что инженеры будут использованы по назначению, на определенный срок, не больше года, потом их следует ликвидировать, дабы не произошла утечка информации.

– Танк тогда заметил: «Мне сразу будет ясно, кто на что способен; те, которые не имеют идей, могут быть ликвидированы сразу же; месяц, от силы два совершенно достаточный срок, чтобы разобраться в их потенциале. А к наиболее талантливым надо относиться по-хозяйски; давайте подумаем, как можно их обратить в нашу веру».

...Танк вскинул руку в нацистском приветствии; Мюллер, испытав в себе поющую радость, обнял его; они постояли недвижно, замерев; Танк вытер глаза ладонью, кивнул на домик радиостанции:

– Там накрыт стол, Рикардо...

– Спасибо... Как мне называть вас?

– Доктор Маттес. Я главный инженер завода военной авиации в Кордове, вполне легален, прилетел, чтобы засвидетельствовать вам мое уважение и рассказать кое о чем.

Стол в особнячке был накрыт на две персоны: колбасы, немецкое пиво, жареное мясо, ветчина холодного копчения, много зелени, фрукты.

Пилота, объяснил Танк, покормят в доме; он принадлежит Людовико Фрэйде, видимо, вам знакомо это имя, его десантировали сюда в тридцать пятом, теперь он аргентинский гражданин, возглавляет партийную организацию центра территории.

За обедом Танк рассказал, что вокруг него уже объединен штаб теоретиков:

– Авиастроители, физики, расчетчики – все они живут в Кордове, работают на нашем заводе; охрана аргентинская, иностранцев не подпускают, американский посол Браден просил Перона устроить экскурсию на наше предприятие, полковник отказал. Конечно, скандал, шум, но ведь это – конец света, сюда не дотянешься... В особом конструкторском бюро я собрал Пауля Клайнеса, Эрика Вернера, Йорга Нёумана, Реймара Хортена, Отто Беренса, Эрнста Шлоттера... Вы встречали их и у меня, на «Фокке-Вульфе», и в Пенемюнде, у Вернера фон Брауна. Часть людей, которые работали с заключенными, вынуждены взять здешние имена – Алваро Унеццо, Энрике Веласко, красиво звучит, а? Так что дело теперь за вами, политиками...

Мюллер медленно опустил вилку, не донес до рта; нахмурился; впервые в жизни его назвали «политиком»; он не сразу понял, что слово это было обращено к нему, отныне он, Мюллер, не кто-нибудь, а политик!

– А чего-нибудь покрепче пива у вас нет? – спросил он.

– О, конечно, просто я думал, что в полете может болтать, не предложил...

Танк поднялся, открыл деревянный шкафчик, какие обычно стоят в альпийских деревнях, принес корн, налил Мюллеру маленькую рюмку, чуть плеснул и себе: он не пьет, кажется, поражена печень, вспомнил Мюллер, он и в Германии не пил, я заметил, как он тогда вме-

сто айнциана⁴ тянул минеральную воду, причем делал это очень ловко; то, что Танк пил воду, заставило тогда Мюллера поставить ему на квартиру аппаратуру прослушивания и подвести особо доверенную агентуру; истинный наци не может не пить, это неестественно избегать алкоголя; однако через две недели пришло сообщение о том, что профессор действительно болен и лично Гиммлер дважды отправлял его – по просьбе Геринга – в Швейцарию, в желудочную клинику доктора Райнбауэра.

– Налейте-ка мне побольше, – попросил Мюллер. – Я хочу выпить за вас. Спасибо, профессор. А сами – не пейте, не надо, я же помню, что вы страдаете печенью...

– Точнее сказать – страдал, группенфюрер...

При слове «группенфюрер» Мюллер невольно оглянулся; сразу же почувствовал, что Танк понял – боится; ничего себе, политик; впрочем, и проигрыш надо доводить до абсолюта; только не врать; страх – естественное состояние изгнанника, а вот ложь – конец любому предприятию.

– Заметили, каким я здесь стал трусом? – усмехнулся он. – Боюсь собственной тени, стыд и позор.

– Это происходит со всеми, – ответил Танк, и Мюллер понял, что он повел себя верно, любая иная реакция с его стороны могла бы оказаться проигрышной. – Когда к нам прибыл полковник Рудель – а вы знаете, какого мужества этот человек, – то и он через каждые десять минут подходил к окну, чтобы удостовериться в безопасности. Это пройдет. У меня это прошло за месяц.

– Когда вы прибыли сюда?

– В конце марта... Нет, нет, я получил санкцию рейхсмаршала на выезд с наиболее ценными архивами. Я увез с собою часть материалов по ФАУ, чертежи нового бомбардировщика, ряд идей, связанных со средствами наведения... ИТТ гарантировала мой переезд в Швейцарию, а там уже все было заранее устроено.

– Вы и здесь контактируете с ИТТ?

– Нет. Пока что воздерживаюсь. Все-таки Перон надежнее, как-никак он здесь лидер, его лозунги во многом близки нашим. Конечно, несколько странно выглядит его терпимость в еврейском и славянском вопросах, здесь же масса сербов, хорватов, украинцев, русских, евреев...

– И за эти месяцы, – улыбнулся Мюллер, – вы поправили печень?

– Представьте себе – да. Видимо, раньше все мы жили на нервах... Все болезни происходят от нервов... А здесь у меня штат надежных коллег, мы живем душа в душу...

Мюллер снова усмехнулся:

– Нет гестапо, не вызывают в партийную канцелярию, не надо писать отчеты в штаб люфтваффе, нет нужды проводить еженедельные читки «Фелькишер беобахтер» с сотрудниками... А?

– Ах, вечно вы шутите, – ответил Танк, и Мюллер понял, что взял реванш: теперь профессор испугался, лицо его на мгновение сделалось растерянным, каким-то бесформенным, словно у боксера, который поплыл после хорошего удара.

– За вас, профессор. За то, что вы храните в сердце идеи нашего братства. Спасибо!

Мюллер пил сладко и **долго**; закусывать не стал; блаженно ощущая, как по телу разлилось тепло, поинтересовался:

– А где Рудель?

– Он главный военный консультант нашего предприятия. Перон сохранил ему звание полковника, часто бывает в Буэнос-Айресе, вполне открыто... Он это заслужил – солдат...

---

⁴ Айнциан (или энциан) – водка, настоянная на горном растении горечавке.

В сорок третьем году капитан Рудель был ранен во время налета на русские колонны пулеметной очередью, прицельно пущенной с «Петлякова», ему перебило обе ноги. Ампутировали. Сделав две операции, заказали в Швейцарии особые протезы, отправили на отдых в Аскону, маленький швейцарский городок на границе с Италией; там он научился ходить, вернулся в свою эскадрилью; после первого вылета об этом рассказали Герингу; фюрер лично вручил Руделю рыцарский крест с дубовыми листьями, полковничьи погоны и золотой знак НСДАП. Геббельсу было поручено подготовить материалы о том, что Рудель – уже после ранения – сделал двадцать боевых вылетов, сбил пять русских самолетов и разбомбил семь эшелонов; с тех пор ему не разрешали летать, возили по соединениям, где он выступал перед личным составом, призывая нанести сокрушительный удар по русским варварам и американским евреям; затем его «одолжил» Риббентроп, полковнику устроили вояж в страны-сателлиты – Венгрию, Словакию, Румынию, Хорватию, на север Италии; во время этих путешествий он выполнял ряд деликатных поручений службы Шелленберга; в гестапо знали об этом, ибо готовили его документы на выезд, проверяя родных, друзей и знакомых, нет ли среди них скрытых коммунистов, социал-демократов, евреев, славян или членов незарегистрированных религиозных общин; Мюллер прочитал два рапорта Руделя о его контактах с авиаторами Швейцарии и Румынии; до того как Антонеску пришел к власти, Бухарест имел довольно надежные связи с американскими и французскими самолетостроителями; **швицы** и во время войны принимали у себя как американских бизнесменов, так и немецких инженеров, сменявших – на время командировки в Берн – форму люфтваффе на гражданские костюмы. Рапорты Руделя не понравились Мюллеру: гнал липу, переписывая данные из швейцарских журналов, – никакой цензуры, печатай что хочешь, хорошо быть нейтралом, ничего не скажешь! Несмотря на то, что рапорты были жиденькие (более всего полковник старался создать видимость опасности, которая подстерегала его во время выполнения заданий), Мюллер проникся доверием к этому человеку: далеко не все военные, да особенно так вознесенные фюрером, шли на сотрудничество с секретной службой – мешал кодекс офицерской чести: военный аристократизм, казость солдат и все такое прочее...

– Да, – согласился Мюллер, наблюдая за тем, как профессор Танк наливал ему корн, – вы совершенно правы, он – солдат, он заслужил памятник при жизни... К вам из наших пока еще никто не обращался?

– У меня был человек, которого я, признаться, не знаю. Он передал мне, чтобы сейчас все свои силы мы обратили на вживание. И без усталости работали для армии Перона. О том, что предстоит делать в будущем, сказал этот человек, мне сообщат позже.

– Кто именно должен об этом сообщить?

– Он не сказал.

– Вы не допускаете мысли, что это был какой-нибудь провокатор?

– Нет. Что вы... Провокатор должен провоцировать, выспрашивать.

Мюллер вздохнул:

– О, наивная, святая простота! Провокатор обязан сделаться вашим знакомым, потом – хорошим знакомым, после – приятелем, затем – другом, а уж после этого вы сами расскажете ему все то, в чем он заинтересован, и выполните его просьбу или совет, который и спровоцирует вашего противника на то действие, которое я задумал... А этот человек стал вашим знакомым... Так-то вот... опишите мне его, пожалуйста.

– Невысокий, с очень достойным лицом, в сером костюме...

Мюллер рассмеялся:

– Профессор, я бы не поймал ни одного врага, если бы имел такие словесные портреты... Цвет глаз, форма носа и рта, особые приметы, рост, манера жестиковать, произношение... Баварец, мекленбуржец, берлинец, саксонец...

– Саксонец, – сразу же ответил Танк. – Глаза серые, очень глубоко посаженные, нос прямой, чувственные ноздри, какие-то даже хрящеватые, рот большой, четко напоминает букву «м», несколько размытую. Когда говорит, не жестикулирует...

– Нет, не знаю, кто бы это мог быть, – ответил Мюллер.

Он сказал неправду; он знал почти всех тех функционеров НСДАП и абсолютно всех своих сотрудников, отправленных в марте – апреле сорок пятого в Южную Америку и Испанию по тайным трассам ОДЕССы. По словесному портрету, данному Танком, он понял, что был у него не провокатор, а работник отдела прессы НСДАП штандартенфюрер Роллер.

Он-то и встретил – к немалому изумлению Мюллера – его самолет, приземлившийся на громадном поле аэродрома Виллы Хенераль Бельграно.

Когда Мюллер заговорил с ним на своем исковерканном испанском, Роллер рассмеялся:

– Группенфюрер, здесь у нас только тридцать аргентинцев, все остальные – нас пятьсот человек – немцы, товарищи по партии, говорите на родном языке. Хайль Гитлер, группенфюрер, я счастлив приветствовать вас!

Он-то и привез Мюллера на стареньком разболтанном грузовичке в особняк, достроенный неподалеку от аэродрома, на склоне холма; тот же баварский стиль, много мореного дерева, камин из серого мрамора, низкие кушетки, прекрасные ковры, книги, отправленные Мюллером в Швейцарию еще семнадцатого марта, – справочники по странам мира, документы по банковским операциям в Латинской Америке, Азии, на Ближнем Востоке, досье на мало-мальски заметных политических деятелей мира, ученых, писателей, актеров как правой, так и левой ориентации; литература по философии, истории и экономике XX века, папки с документами, подготовленными в специальных подразделениях политической разведки, отчеты военных, тексты речей Гитлера на партайтагах, компрометирующие материалы на немецких и западноевропейских руководителей (очень удобно **торговать** в обмен на необходимую информацию с теми, кто еще только рвется к власти), книги по религии, – всего семь тысяч триста двадцать единиц хранения.

Остальные документы надежно спрятаны в сейфах цюрихских и женеvских банков, код известен только ему, Мюллеру, никто не вправе получить их в свое пользование; люди, которые осуществили операцию по закладке этих архивов, ликвидированы, он один владеет высшими тайнами рейха, запасной код запрессован в атлас экономической географии мира; Мюллер сразу же нашел взглядом эту книгу; он достанет кодовую табличку к сейфам позже, когда Роллер уйдет; он верит Роллеру, но конспирация еще больше укрепляет веру, иначе нельзя, политика предполагает тотальное недоверие ко всем окружающим во имя того, чтобы они, окружающие, по прошествии времени, в нужный день и час верили лишь одному человеку на свете, ему, Генриху Мюллеру.

Роллер показал гостю его дом, сказал, что в маленьком флигеле живут слуги группенфюрера, их привезли из Парагвая, индейцы, стоят гроши, десять долларов за штуку; девчонке тринадцать лет, но ее вполне можно класть в постель, чтобы согревала ноги, у этих животных так принято; в течение ближайшего полугодия ветераны подыщут ему немку аргентинского гражданства, брак с нею – конечно же формальный – позволит получить здешний паспорт; по радио будет передано – тому, кого это, разумеется, касается, – что партайгеноссе Мюллер благополучно прибыл к месту временной дислокации; принято решение пока что к активной работе не приступать; есть основания полагать, что в течение ближайшего года ситуация в мире изменится; такого рода данные переданы Геленом по цепи; он человек надежный, хотя, конечно, не до конца наш, слишком много эгоцентризма и военной кастовости; тем не менее время работает на нас; выдержка и еще раз выдержка; рыбалка и охота помогут скоротать время вынужденного безделья...

...И вот по прошествии месяцев Рикардо Блум, гражданин республики Аргентина (в прошлом – немецкий банкир, пострадавший от нацистов, поскольку мать была на восьмую

часть еврейкой), лежит на низкой тахте, наблюдает за тем, как солнечные лучи, порезанные тонкими жалюзи, медленно поднимаются по беленым стенам, и думает о том, что, видимо, его время вот-вот наступит.

У него есть основания так думать, он никогда не выдает желаемое за действительное, именно поэтому он теперь живет здесь, а не гниет в камерах нюрнбергской тюрьмы.

Штирлиц. (Мадрид, октябрь сорок шестого)

– Прямо, пожалуйста, – сказал американец, – тут недалеко.

– Насколько я слышал, неплохо кормят в «Эмператрис», – заметил Штирлиц. – Это здесь рядом, направо.

– Я верю только в ту кухню, которую знаю... Пошли, пошли, не бойтесь.

– Погодите, – сказал Штирлиц. – Красный свет. Оштрафуют.

Пешеходов не было, машин тоже, время трафика⁵ кончилось, однако светофор уперся в улицу своим тупым и разъяренным красным глазом, не моргая, стой, и все тут.

– Наверное, сломался, – сказал американец.

– Надо ждать.

– Ну их к черту, пошли.

– Оштрафуют, – повторил Штирлиц. – Я их знаю...

– Нас не оштрафуют, – ответил американец и пошел через дорогу.

Сразу же раздался свисток полицейского; он был не молод уже, этот капрал, учтив и немногословен; штраф на месте взять отказался, потребовал документы, забрал шоферские права американца и ватиканское удостоверение Штирлица, сказал адрес участка, куда надо прийти для разбирательства факта нарушения правил движения, и, отойдя к тротуару, сел в машину без опознавательных знаков полиции, – ясное дело, таился, караулил нарушителей.

– Сволочи, – сказал американец, – маскируется. Не беспокойтесь, я заплачу за вас штраф.

– Ну-ну, – усмехнулся Штирлиц. – Валяйте.

– Поскорее идти никак не можете?

– Очень спешите?

– Не то чтобы очень, но...

«Но почему они подкрались ко мне именно сегодня? – подумал Штирлиц. – Чего они так долго ждали? Смысл? Отчего это приурочено к тем дням, когда кончается Нюрнбергский процесс? Мир ждет приговора; но ведь здесь, в Испании, убеждены, что многих подсудимых оправдают, только кому-нибудь для острастки дадут тюрьму... Я-то в это не верю, в Нюрнберге некого оправдывать, там судят самых страшных преступников, самые ужасные организации, которые когда-либо существовали в мире... Естественно, фалангисты Франко не могут не мечтать об оправдательном вердикте, в конечном счете там, в Нюрнберге, судят их тоже... Но ведь дыма без огня не бывает? Нельзя же выдавать желаемое за действительное? Можно, увы, можно, – возразил себе Штирлиц. – Но я не верю в то, что хоть кто-либо из сотрудников Гитлера избежит смерти... Там судят банду... Здесь кричат, что обвиняемый Ялмар Шахт был президентом рейхсбанка и не подписывал приказы на расстрелы... А кто давал деньги Гимmlеру на создание гестапо? Он! Кто давал золото Герингу на создание армии и люфтваффе? Шахт, кто же еще! “Франц фон Пален был послом!” Да?! А кем он был до того, как стал послом Гитлера? Канцлером! И передал власть ефрейтору. Пален знал, что такое фюрер, он был прекрасно знаком с его программой, он понимал, что делал, когда **короновал** Гитлера “национальным лидером”, создателем “Великой Римской империи германской нации”... Я не верю, я просто не имею права верить в то, что гитлеровцев – хотя бы одного – оправдают в Нюрнберге. Если это случится, значит, я – обречен, я – заложник здесь, никогда мне отсюда не выбраться».

Штирлиц похлопал себя по карманам; сигарет не было.

– Хотите курить? – поинтересовался американец. – Зря, на улице это рискованно, прямая дорога к раку, никотин въедается в легкие вместе с кислородом, это – навечно, подумайте о своем здоровье...

⁵ Трафика – дорожные пробки (*исп.*).

– Спасибо за совет.

– Не верите?

– Как же я могу не верить, если вы повторили мои слова?

Ты не имеешь права, сказал себе Штирлиц, думать: «мне отсюда не выбраться»... Человек, допускающий в самом начале дела возможность неудачи, обречен на проигрыш... А у меня не дело, а жизнь... Если я не смогу вырваться отсюда, я кончусь, нервов не хватит, сорвусь... Это я вправе себе сказать и обязан услышать, потому что это правда... Я на пределе, я это знаю, и закрывать на это глаза и уши – значит, обманывать себя, а такого рода намеренный обман чреват катастрофой... Я обязан отсюда вырваться, я вырвусь отсюда, иного просто быть не может... Не имеет права быть, поправил он себя, я по-прежнему в схватке, и я не вправе ее проиграть, это будет слишком уж несправедливо... А сожжение Джордано Бруно было справедливым? – спросил он себя и снова пожалел, что в карманах нет сигарет; это очень плохо, когда тебе приходится идти в неизвестность, не понимая, что тебя ждет (хорошее, во всяком случае, не грозит), и не иметь с собою пачку крепких «Дукадос»...

Протокол допроса бывшего СС бригаденфюрера Вальтера Шелленберга (осень сорок пятого)

Вопрос. – Расскажите о ваших заграничных командировках, начиная с тысяча девятьсот тридцать седьмого года. Кто сопровождал вас? Имена, фамилии, звания сотрудников? Задачи, которые вы им вменяли?

Ответ. – Задачи им вменял Гейдрих. Я тогда еще не был шефом шестого управления, я сам был вынужден выполнять те приказы Гейдриха, которые не противоречили моему пониманию чести и достоинства немца.

Вопрос. – Вы когда-либо отказывались повиноваться Гейдриху?

Ответ. – По вполне понятным причинам я не мог этого сделать. Я, однако, предпринимал свои шаги, чтобы свести на нет его задания... Я помню, в тридцать девятом году...

Вопрос. – Вы отклоняетесь от заданного вам вопроса.

Ответ. – Одиннадцатого марта тридцать восьмого года, в день аншлюса, я получил приказ Гимmlера вылететь вместе с ним в Остмарк...

Вопрос. – Куда?

Ответ. – Остмарк. Так после аншлюса называлась Австрия. Мы летели в большом транспортном самолете. Гимmlер сидел, прислонившись к двери, говорил о будущем этой страны, потом перешел на его любимую тему о скандинавских рунах; я обратил внимание на какой-то посторонний назойливый шум и заметил, что блокиратор, запирающий дверь, открылся. В любую минуту Гимmlер мог вывалиться... Я схватил его за лацканы, рванул на себя, он гневно закричал что-то, и я увидел на его лице испуг... Я объяснил ему, в чем дело... С тех пор он был всегда очень добр ко мне... Именно этим объясняется то, что он доверял мне, хотя я позволял себе ему возражать. Он не терпел этого ни от кого, только от меня...

Вопрос. – Вы когда-нибудь возражали ему письменно?

Ответ. – В тех условиях это было невозможно. Возражение руководителю было исключено в системе рейха.

Вопрос. – Чем вы занимались в Австрии?

Ответ. – Я захватил архивы австрийской секретной службы. Поскольку ее шеф полковник Ронге изъявил желание работать на нас, операция прошла быстро и организованно. Сколько-нибудь интересных документов я у него не нашел, кроме разве материалов, связанных с дешифрованием кодов ряда иностранных посольств. Затем Гимmlер поручил мне организовать меры безопасности в связи с приездом в Вену Гитлера. Должен сказать со всей честностью, что я никогда не видал такого энтузиазма толпы, приветствовавшей фюрера.

Вопрос. – Скольких людей вы посадили перед этим в тюрьмы?

Ответ. – Этим занимались Кальтенбруннер и Мюллер. Я был всегда связан с внешнеполитическими вопросами.

Вопрос. – Но в момент проезда Гитлера по городу за его безопасность отвечали вы, а не Кальтенбруннер или Мюллер. По вашему приказу были арестованы три человека – на мосту через Дунай, к которому подъезжал кортеж Гитлера.

Ответ. – У вас неверная информация. Я никогда не давал приказов на чей-либо арест. Я находился в центральном бюро полиции, где по карте отмечалось – метр за метром – следование кортежа... Информацию мы получали ежеминутно от постов слежения, расположенных по улицам, выбранным для проезда Гитлера. За двадцать минут перед тем, как фюрер должен был оказаться на мосту, я получил сообщение, что австрийские СС арестовали три подозрительные личности, которые, как предполагалось, должны были взорвать мост, заминированный этой ночью... Так что их арест был осуществлен не по моему приказу... Я знал, что фюрер не любит, когда меняются маршруты его поездок, это бы поставило меня в крайне невыгодное положение, поэтому я отправился на мост, успел посмотреть, нет ли где бикфордова шнура, убедился, что опоры не минированы, но на всякий случай проехал в десяти метрах перед машиной Гитлера. После этого я вернулся в центральное полицейское бюро...

Вопрос. – Какова судьба трех арестованных австрийцев?

Ответ. – Той же ночью прилетел Мюллер. Он занимался подобного рода делами. Он, не я.

Вопрос. – К тем людям были применены пытки?

Ответ. – Повторяю, я никогда не вникал в суть работы Мюллера.

Вопрос. – Но вы допускаете возможность применения пыток?

Ответ. – Мюллер – садист... Он мог применять пытки, хотя они были запрещены уставом министерства внутренних дел.

Вопрос. – А уставом гестапо?

Ответ. – Тоже.

Вопрос. – Как долго вы работали в Вене?

Ответ. – В мае я был отправлен в Италию, поскольку туда вылетал Гитлер, чтобы нанести визит Муссолини и, таким образом, положить конец измышлениям западной прессы о разногласиях, возникших между дуче и фюрером в связи с аншлюсом Австрии.

Вопрос. – Вас отправили в Рим одного?

Ответ. – Нет... С Мюллером.

Вопрос. – Чем занимался Мюллер?

Ответ. – Он занимался всей текущей работой, проверкой маршрутов, выявлением неблагонадежных лиц, проживавших на тех улицах, где должен был проезжать Гитлер. Я же налаживал политические контакты с секретной службой Муссолини.

Вопрос. – Кто был с вами еще во время этой командировки?

Ответ. – Штурмбаннфюрер Шторх и майор Гаузнер.

Вопрос. – Во время этого визита итальянская полиция провела более шести тысяч превентивных арестов... В тюрьмы были брошены жены и дети людей левых убеждений. Кто был инициатором этой бесчеловечной акции?

Ответ. – Мюллер. Я привез с собою восемьдесят наиболее талантливых сотрудников политической разведки, которые осуществляли контакт с итальянской пограничной и паспортной службами. Я также отправил в Рим пятьсот лучших лингвистов, занимавшихся романской филологией, в качестве туристов. Они были организованы в тройки, каждому была вменена в обязанность совершенно конкретная задача: налаживание знакомств с офицерами секретной полиции дуче, завязывание контактов с женщинами света, имеющими по своему положению доступ к информации, а также постоянное наблюдение за всем тем подозрительным в домах и на улицах, что может затруднить проведение дружеского визита фюрера. Главная цель Муссо-

линии в то время сводилась к тому, чтобы продемонстрировать Гитлеру единство нации, преданной идеалам фашизма. Ему это удалось в полной мере, ибо Гитлер прежде всего обращал внимание на то, как ведут себя толпы на улицах, он был человеком чувства, считал себя обладающим даром провидения. Единственный инцидент произошел не по нашей вине, и это стоило отставки моему доверенному информатору, офицеру протокола штаба фюрера фон Бюлов-Швандте; дело в том, что Гитлер переоделся в вечерний костюм, ибо сразу же после приема почетного парада в Неаполе он вместе с королем должен был отправиться в оперу. Однако король был в военной форме. Гитлер уволил фон Бюлов-Швандте сразу же после этого парада, отправив послом в Бельгию, что было для меня большой потерей.

Вопрос. – Что значит «доверенный информатор»? Вы имели право вербовать агентуру в ближайшем окружении Гитлера?

Ответ. – Речь идет не о той агентуре, которая подразумевается в обычном смысле этого слова. Конечно, это было бы безумием вербовать человека из окружения фюрера, это бы стоило мне головы. Но фон Бюлов-Швандте был человеком из хорошей семьи, с прекрасным образованием, значит, ему было чего бояться...

Вопрос. – Я не понял вас... Поясните, что вы имеете в виду?

Ответ. – Дело в том, что он был широко образованным человеком, его отец придерживался старых традиций, истинный аристократ... Следовательно, в семейном кругу нет-нет да возникали разговоры о том ужасном, что нес с собою Гитлер. Наутро после таких разговоров людей начинал прямо-таки разъедать страх. Слухи о гестапо, как всезнающей организации, распространявшиеся в первую очередь Гейдрихом, делали свое дело. Многие из такого рода аристократов предпринимали все, чтобы заручиться дружбой с людьми моей профессии... Этим они как бы получали индульгенцию на искупление тайных грехов. Лишь так я могу объяснить то, что фон Бюлов-Швандте делился со мною многим из того, что происходило за закрытыми дверями имперской канцелярии. Между нами был заключен молчаливый договор: он снабжает меня информацией, которая поможет мне ориентироваться в том, что происходит в кабинете Гитлера, а я обеспечиваю покровительство семье фон Бюлова в моем ведомстве. Впрочем, об этом даже не надо было договариваться, условия сделки разумелись сами по себе. В условиях того времени многое решал не Гитлер и не Гиммлер, а их окружение... Именно оно могло вывести человека из-под удара, а могло и подвести под сокрушительный удар... Фюрер был довольно отходчивым человеком... По прошествии нескольких недель после вспышки гнева Гиммлер – если я успевал его подготовить к разговору – легко добивался у фюрера того, что было выгодно мне и моему делу... Так, кстати, случилось впоследствии и с фон Бюловым... Гиммлер попросил у Гитлера разрешение использовать опыт фон Бюлова по вопросам протокола в нашем представительстве в Лондоне... Гитлер только посмеялся: «Он заставит нашего посла явиться на прием к королю в спортивном костюме»...

Вопрос. – Значит ли это, что фон Бюлов выполнял в Лондоне шпионские задания?

Ответ. – Я бы так не ставил вопрос. Что значит «шпионские» задания? Конечно, он передавал мне наиболее интересную информацию, связанную с расстановкой сил в вашем кабинете, особенно накануне прихода сэра Уинстона. Фон Бюлов имел обширный круг знакомств в Лондоне, его информация была такой, которая соответствовала действительности, не выдавала желаемое за факт, не следовала программе фюрера, высказанной им накануне. Ужас тоталитаризма в том и заключался, что дипломаты и наша служба должны были порою идти против очевидного только потому, что это было угодно доктрине, сформулированной Гитлером. Однако именно мое подразделение отвоевало себе право сообщать Гиммлеру правду, невзирая на точку зрения фюрера.

Вопрос. – С кем из англичан более всего общался фон Бюлов – в плане получения конфиденциальной информации?

Ответ. – Мне трудно ответить на этот вопрос. Я должен познакомиться с документами, которые я отправлял Гиммлеру. Естественно, фон Бюлов ничего не писал мне, я не смел унижать человека его уровня работой рядового осведомителя. Однако если вы дадите возможность посмотреть мои доклады той поры, я смогу припомнить те имена, которые порою приходилось скрывать псевдонимом. Например, Фредди Краус, которого мы подвели к семье сэра Уинстона через Жаклин де Брогли, работал под псевдонимом «Племянник», а саму Жаклин мы называли «Красотка»...

Вопрос. – Об этом узле мы будем говорить в другой раз. Пока что продолжайте показания о вашей заграничной работе, о контактах, связных, резидентах.

Ответ. – Наиболее сложной была операция в Венло...

Вопрос. – Расскажите об этой операции подробнее.

Ответ. – Гейдрих вызвал меня к себе и сказал, что наши люди наладили в Голландии – уже после того, как между Германией и Англией формально шла война, – контакт с британской секретной службой. Он передал мне папку с совершенно секретными документами и предложил изучить ее в такой степени, чтобы наутро я внес предложения по развитию операции на ближайшее будущее. Суть дела сводилась к тому, что наш агент Ф-479...

Вопрос. – Его фамилия?

Ответ. – Я знал его только по номеру.

Вопрос. – Насколько серьезен был уровень этого агента?

Ответ. – Самый высокий уровень... Он был политическим эмигрантом, жил в Голландии с момента прихода к власти Гитлера, а потом начал сотрудничать с нами... Именно он установил контакт с британской секретной службой...

Вопрос. – По чьему указанию?

Ответ. – Думаю, это была его инициатива. В отличие от Гиммлера и Гейдриха я всегда поощрял инициативу секретных агентов, полагая, что моим сотрудникам более целесообразно включаться в операцию уже после того, как проведена вся подготовительная работа... Он дал понять английской секретной службе, что в Германии существует генеральская оппозиция в вермахте. Это заинтриговало Лондон, ваши люди стали интересоваться, нет ли среди оппозиции людей, способных организовать путч против Гитлера... Как раз после того, как агенту был задан такой вопрос, Гейдрих и предложил мне возглавить руководство операцией.

Вопрос. – Вы не допускаете мысли, что идею о генеральской оппозиции придумал сам Гейдрих?

Ответ. – У меня нет таких фактов.

Вопрос. – Какова дальнейшая судьба агента Ф-479?

Ответ. – Не знаю.

Вопрос. – Кто его вербовал?

Ответ. – Не знаю.

Вопрос. – Продолжайте.

Ответ. – Я сказал Гейдриху, что намерен сам встретиться с английской секретной службой в Голландии. Он одобрил мой план. Я получил документы на имя капитана транспортного управления генерального штаба Шэмэла. Для этого настоящий капитан Шэмэл был отправлен в инспекционную поездку в Польшу, а я приступил к изучению всех материалов, собранных на него. День я потратил на то, чтобы научиться носить монокль, которым постоянно пользовался капитан. Это оказалось не очень трудным делом, поскольку у меня было плохо со зрением, особенно в правом глазу. В Дюссельдорфе, на нашей конспиративной квартире, я вживался в образ Шэмэла, а также сочинял легенду оппозиционной генеральской группы. Двадцатого октября тридцать девятого года я получил шифротелеграмму от нашего агента, что встреча должна состояться завтра, в пограничном Цутфене, в Голландии. Ночью позвонил Гейдрих: «Я даю вам полную свободу рук во время переговоров с англичанами». Меня сопровождал один

из моих сотрудников, державший на связи Ф-479, вполне квалифицированный специалист, но весьма рассеянный, что едва не стоило нам жизни. Мы выехали двадцать пер...

Вопрос. – Фамилия вашего сотрудника?

Ответ. – Кажется, Краузе.

Вопрос. – Не помните точно?

Ответ. – У меня были тысячи сотрудников... По-моему, Краузе... Итак, мы прибыли в Цутфен, там меня ждал большой черный «бьюик», в котором сидел человек, представившийся капиталом Бестом из английской разведки. Он пригласил меня в свою машину, мой сотрудник поехал следом; Бест оказался прекрасным, располагающим к себе собеседником, тем более он был скрипачом, я музицировал с детства, поэтому у нас очень скоро наладился вполне дружеский контакт. О деле он не говорил до тех пор, пока мы не встретились с майором Стевенсом и лейтенантом Коппенсом. Я сообщил им, что действительно представляю оппозиционную группу, которую возглавляет видный генерал, имя которого по понятным причинам я не могу открыть. Наша цель – смещение Гитлера. Моя задача – узнать позицию Британии: станет ли Лондон поддерживать контакт с новым правительством, контролируемым генеральным штабом вермахта? Если да, то готов сразу же сесть за стол переговоров, которые необходимы, чтобы выработать условия мирного договора между Германией и Британией после того, как фюрер будет устранен. Бест и Стевенс ответили, что правительство его величества приветствует желание группы военных устранить Гитлера и что мы можем рассчитывать на помощь со стороны Лондона в нашей работе. Однако детали соглашения между Берлином и Лондоном, которое последует после свержения Гитлера, было бы целесообразно обговорить в присутствии одного из руководителей оппозиции. «Можете ли вы организовать переход границы одному из ваших лидеров?» Я ответил, что приложу все усилия, чтобы сделать это. Тогда англичане предложили провести следующую встречу в их штаб-квартире, в Гааге, тридцатого октября, пообещав ознакомить нас с развернутыми предложениями не только министерства иностранных дел Англии и Даунинг-стрит...⁶ Я вернулся в Берлин, и Гейдрих повторил, что он дает мне полную свободу действий как в легендировании операции, так и в подборе кандидатов на «участие» в «заговоре генералов». Я поселился в особняке моего друга профессора де Крини, директора отделения психиатрии госпиталя Шаритэ; это были прекрасные дни тишины и отдыха; однажды, во время прогулки с профессором, я подумал, что он вполне может сыграть роль одного из «генералов-оппозиционеров», ибо он был полковником медицинской службы, родился в Австрии, в Граце, что придавало достоверность его неприязни к Гитлеру, оккупировавшему его страну. Де Крини согласился с моим предложением, я посвятил его в подробности плана, и мы отправились в Дюссельдорф, на мою конспиративную квартиру, чтобы подготовиться к встрече с британской разведкой и прорепетировать возможные аспекты предстоящих переговоров. Мы пробыли в Дюссельдорфе два дня и выехали в Голландию. Прибыв на место встречи со Стевенсом и Бестом, мы были задержаны голландской полицией, привезены в участок, подвергнуты самому тщательному обыску, чуть было не провалились, но чудом избежали этого благодаря случаю...

Вопрос. – Почему вы должны были провалиться?

Ответ. – Потому что при подготовке операции я уделял максимум внимания профессору де Крини, считая своего сотрудника вполне квалифицированным разведчиком, но, когда начался обыск и нас заставили открыть портфели, я, к своему ужасу, увидел у моего человека упаковку аспирина со штампом «главного санитарного управления СС». Счастье, что мой саквояж был уже досмотрен, я улучил момент, пока обыскивали де Крини, и съел эту упаковку.

Вопрос. – Сильно потели?

Ответ. (смех допрашиваемого).

---

⁶ Даунинг-стрит – резиденция английского премьер-министра.

Вопрос. – Что было дальше?

Ответ. – По прошествии часа пришли Стевенс и Бест, сказали, что спутали дорогу. Прямо из полиции они забрали нас в дом Беста, где его очаровательная жена, прекрасная художница, дочь генерала Рееса, устроила ужин. Разговор был дружеским, стол прекрасным (я никогда и нигде не пробовал таких изумительных устриц), атмосфера – располагающая к откровенности. Правда, наш агент Ф-479, также приглашенный на ужин, очень нервничал, и мне казалось, это было заметно всем, сидевшим за столом, Де Крини вел себя прекрасно, он приковал к себе всеобщее внимание, сказался его австрийский лоск и шарм, хозяйка была в восторге от «старого господина». Тем не менее я чувствовал на себе постоянный изучающий взгляд Беста; когда я вышел в туалет, он неслышно прошел за мною и спросил: «Вы всегда носите монокль или временами?» Назавтра мы были приглашены на конспиративную квартиру британской секретной службы, которая работала в Голландии под прикрытием фирмы «Ханделс Диинст Феер континент» на Ниуве Уитлег, пятнадцать. Там мы обсудили все основные позиции.

Вопрос. – Какие именно?

Ответ. – После того как генералы «свергают» Гитлера, мы объявляем о мире с западными державами, даем независимость Польше, Австрии и Чехословакии, возвращаемся к системе золотого стандарта в экономике, но, со своей стороны, просим рассмотреть в положительном плане вопрос о передаче Германии ее колоний, отторгнутых в результате Версальского мира. «Это необходимо потому, – подчеркнули мы, – что немцы остро дискутируют вопрос о жизненном пространстве и вместо аннексий Гитлера было бы целесообразно поддержать наш режим, вернув немцам утраченные заморские земли». Бест и Стевенс согласились с нашей точкой зрения, предложив рассмотреть возможность провозглашения «мандатных территорий». Майор Стевенс связался по телефону с Лондоном и сообщил нам, что окончательно этот вопрос будет решен во время наших переговоров с лордом Галифаксом из министерства иностранных дел империи... Мы получили код на радиостанцию британской секретной службы и специальный номер «О-Н-4» в Гааге. Была достигнута договоренность, что я вместе с руководителем оппозиции приеду в Голландию на следующей неделе и полечу в Лондон для встречи с лордом Галифаксом и другими членами кабинета. Вернувшись в рейх, я постоянно поддерживал контакт с англичанами, их радио работало безукоризненно, однако, несмотря на мои постоянные запросы о продолжении работы, Гейдрих молчал, ни разу не соединившись со мною по телефону. Шестого ноября я – на свой страх и риск – снова отправился в Голландию на встречу с англичанами, сказав им, что среди руководства оппозиции продолжаются дискуссии по поводу условий для мирных переговоров с Лондоном. Англичане, чтобы «подтолкнуть» наших «оппозиционеров», заметили, что в случае, если война продолжится и возникнет реальная угроза немецкого вторжения, в Берлине не должно быть иллюзий: «Даже если Остров будет оккупирован, мы переберемся в Канаду и станем продолжать войну против нацистов до конца».

Вопрос. – Кто именно сказал вам эту фразу?

Ответ. – Я сейчас не могу вспомнить, кто именно произнес эти слова.

Вопрос. – Вы намеренно избегаете давать точные **ответы**?

Ответ. – Я как раз стараюсь быть предельно точным в своих показаниях.

Вопрос. – При каких обстоятельствах эта игра с Лондоном, задуманная, по вашим словам, Гейдрихом, претерпела изменение?

Ответ. – Я как раз и иду к этому. Я очень нервничал, поскольку Гейдрих прервал со мной контакты, то и дело звонил ему в бюро, опасаясь потерять связь с английской секретной службой. В разведке всякая затяжка подозрительна, комбинацию надо работать стремительно...

Вопрос. – Это ваша точка зрения? Или же таков был метод работы СД?

Ответ. – Это моя точка зрения и мой метод. К сожалению, в СД мой метод не встречал должного понимания. Даже Гейдрих опасался принимать самостоятельные решения, он всегда старался заручиться поддержкой Гимmlера, а тот, в свою очередь, ничего не предпринимал,

не обсудив дело с фюрером, который очень увлекался работой разведки. Поэтому мы теряли драгоценное время и упускали инициативу. Фюрер далеко не так часто принимал Гиммлера, как это кажется, он тогда много времени уделял изучению архитектурных проектов Шпеера, следил за тем, что происходило в кино, внимательно наблюдал за литературой и живописью, тщательно готовил конспекты своих выступлений перед нацией... Поэтому решение вопроса с игрой против Стевенса и Беста затягивалось, окончательного одобрения фюрера все еще не было, но я – на свой страх и риск – нашел крупного фабриканта, который согласился поехать со мной в Голландию в качестве главы «оппозиции», и начал с ним репетиции...

Вопрос. – Как фамилия этого человека?

Ответ. – Это вполне уважаемый господин, который не был членом партии и не состоял в СД...

Вопрос. – Он был вашим агентом?

Ответ. – Такого уровня людей мы не привлекали в агентуру. Он был моим добровольным помощником.

Вопрос. – Значит, он поддерживал режим Гитлера?

Ответ. – Тогда все поддерживали режим Гитлера.

Вопрос. – Как фамилия этого промышленника?

Ответ. – Доктор Вестрик.

Вопрос. – Это тот доктор Вестрик, который посетил в США в качестве европейского представителя ИТТ?

Ответ. – Нет. Его родственник.

Вопрос. – Вестрик из ИТТ был вашим агентом?

Ответ. – В том смысле, как вы ставите вопрос, не был. Он выполнял личные поручения Гиммлера и Риббентропа.

Вопрос. – Чьи поручения он выполнял чаще?

Ответ. – Чаще он работал на Риббентропа.

Вопрос. – Продолжайте.

Ответ. – Девятого ноября я принял снотворное – из-за нервного напряжения, вызванного странным молчанием Гейдриха, разыгралась бессонница – и уснул очень рано, в десять часов. В полночь меня разбудил телефонный звонок. Я не понял, кто звонит в такое время, и сердито спросил, какого черта меня будит и кто посмел это сделать. Вежливый голос сухо ответил, что посмел это сделать «рейхсфюрер Гиммлер... Я звоню вам из поезда Гитлера, только что мы узнали о покушении на фюрера в пивном подвале “Бюргерброй”, множество ветеранов движения убиты и ранены. Ясно, что это работа британской секретной службы. Вы должны прекратить свою игру с Бестом и Стевенсом, а вместо этого обязаны выкрасть их обоих. Ясно?» – «Ясно, но...» – «Никаких “но”! – отрезал Гиммлер. – Это приказ фюрера, который не подлежит обсуждению». Через два дня было организовано похищение Беста и Стевенса в Венло, возле границы, где я уговорился ждать их в кафе; наши машины сбили пограничный шлагбаум, а люди Мюллера вытащили из «бьюика» Стевенса и Беста; лейтенант Коппенс, оказавшийся работником голландского генерального штаба, был убит во время перестрелки...

Вопрос. – Кто планировал похищение?

Ответ. – Я выполнял приказ Гиммлера.

Вопрос. – Считаете ли вы, что покушение на Гитлера в «Бюргерброе» было специально подстроено Гейдрихом или кем-то иным из СД?

Ответ. – Этот вопрос занимал меня многие месяцы... Однако до сих пор я не могу дать определенного ответа...

Вопрос. – Вы участвовали в расследовании покушения?

Ответ. – Да.

Вопрос. – Изложите.

Ответ. – Через три дня после захвата Беста и Стевенса я прибыл в Берлин и доложил Гиммлеру обстоятельства, связанные с переговорами, которые я вел с британской секретной службой в Голландии...

Вопрос. – Гиммлер спрашивал вас о том, предлагали ли Бест и Стевенс убить Гитлера?

Ответ. – Точно я не помню... Во всяком случае, в моем рапорте на его имя я не касался этого вопроса.

Вопрос. – Но вы допускаете возможность такого рода интереса Гиммлера?

Ответ. – Допускаю. Однако я должен со всей определенностью утверждать: я и тогда настаивал на том, что Бест и Стевенс не связаны с покушением на жизнь фюрера.

Вопрос. – Вы допускали возможность того, что покушение готовили другие сотрудники «Интеллидженс сервис»?

Ответ. – Лично я такого мнения никогда не высказывал.

Вопрос. – Ни в разговорах, ни в письменных отчетах?

Ответ. – В разговорах я, быть может, и говорил нечто подобное, но для того лишь, чтобы спасти Беста и Стевенса, поскольку Гитлер прямо заявил Гиммлеру, что именно англичане готовили покушение, а непосредственными организаторами его были Бест и Стевенс.

Вопрос. – Гитлер сказал об этом после того, как вы похитили Беста и Стевенса?

Ответ. – Их похищала ударная бригада СС. Меня нельзя назвать автором операции, я не принимал в ней непосредственного участия, приказ пришел от Гиммлера.

Вопрос. – Речь идет не о степени вашей вины, Шелленберг. Напрасно вы так осторожничаєте. Я облегчу ваше положение: нас интересует главное – был ли Гитлер инициатором всей этой авантюры, задумал ли он ее заранее, подвел ли Гейдрих, по его указанию, агента Ф-479 к нашим людям в Голландии, чтобы организовать после этого спектакль с «покушением» на его жизнь?

Ответ. – Я не исключаю такой возможности, потому что, когда Гиммлер привез меня в рейхсканцелярию и Гитлер вручил участникам операции Железные кресты первого класса, он прямо сказал, что необходимо сделать открытый процесс, пригласив прессу всего мира, на котором Бест и Стевенс расскажут о том, как они готовили покушение на его жизнь, выполняя указание сэра Уинстона Черчилля. Мне кажется, это позволило бы Гитлеру организовать пропаганду на Остров таким образом, чтобы англичане поняли: как только Черчилля уберут из правительства, как только на его место придет «честный политик, отвергающий террор и диктат», он, Гитлер, готов сесть с Лондоном за стол мирных переговоров. При этом Гитлер постоянно говорил, что Отто Штрассер, брат его бывшего друга, одного из создателей НСДАП Гретора, расстрелянного по обвинению в государственной измене и шпионаже в пользу врагов нации (что, конечно, было чушью, совершенно понятная борьба за власть, ревность к Штрассеру, который пользовался влиянием среди «старых борцов»), был именно тем человеком, который сумел сбежать из рейха, работал рука об руку с секретной службой англичан... Когда по прошествии нескольких дней был задержан некий Эслер, пытавшийся перейти границу в районе Базеля, Гитлер позвонил Гиммлеру и сказал, что именно этот человек и готовил по заданию англичан взрыв в «Бюргерброе», цепь очевидна: из Лондона – через Гаагу – в Мюнхен; штаб террора в доме Беста и Стевенса, наводчик – Отто Штрассер, исполнитель – Эслер. Гитлер приказал применить к Эслеру высшую степень устрашения и добиться «правдивых показаний». Гитлер постоянно торопил Гиммлера и Гейдриха, а те перевалили ответственность за расследование на меня, причем Гейдрих порекомендовал мне зайти к шефу гестапо Мюллеру и постараться выработать с ним общую линию. Я пришел в кабинет группенфюрера, он выглядел очень усталым, видно было, что не спал всю ночь. «Допросы идут непрерывно, – сказал он, – Бест и Стевенс отрицают свое участие в покушении, Эслер несет какую-то ахинею, он из породы фанатиков, говорит, что уже год мечтал разорвать фюрера в клочки». Я заметил, что считаю ошибочной попытку организовать спектакль, в котором будет разыграна версия

«английского заговора» против Гитлера, во главе которого стояли Бест и Стевенс. «Эти люди, – сказал я, – сколько я мог их понять во время наших встреч, не станут статистами в трагикомедии суда, они не будут говорить то, что им напишут наши “драматурги”. Мюллер ответил в том смысле, что они станут говорить все, что будет для них написано, “я это сумею сделать, допросы с устрашением, наркотики, врачи-психиатры, гипноз, все это у меня в руках, но Эслер относится к числу фанатиков, он псих, его может понести на процессе, из четырех лучших гипнотизеров только один смог его успокоить, да и то лишь на полчаса. Если бы процесс был закрытый, можно было бы почаще объявлять перерывы, мы бы с ним работали в это время, но ведь фюрер хочет открытого спектакля. Это рискованно”. Я сказал, что намерен говорить об этом с Гитлером. Мюллер только усмехнулся: «У Гимmlера и Гейдриха этого не вышло, попробуйте, я только скажу вам спасибо, сейчас именно тот случай, когда наши интересы смыкаются».

В тот же день я был принят Гитлером и доложил ему свои соображения. Он был разгневан, но сдержался, а когда пригласил всех на обед, сказал Гимmlеру: «Ваш Шелленберг не верит в то, что именно его Бест и Стевенс руководили Эслером». Гимmlер ответил, что он знает об этом, что пока еще не удалось получить доказательств прямой связи Беста и Стевенса с Эслером, видимо, англичане поддерживали с ним связь через «Черный фронт» Отто Штрассера, поскольку Эслер все-таки признался в том, что контактировал с двумя неизвестными, которые передали ему взрывчатку... «Мы сможем, – заключил Гимmlер, – доказать лишь то, что бомба была изготовлена для Эслера за рубежом». Гитлер долго молчал, а потом обратился к Гейдриху: «Я требую, чтобы все они заговорили. Применяйте все, что угодно, но они должны сказать то, что я хочу услышать, то есть правду». Однако по прошествии трех месяцев он переключился на другую идею, и я вздохнул с облегчением...

Вопрос. – Что это была за идея?

Ответ. – Точнее говоря, их было две. Первая – похищение герцога Виндзорского, а вторая – убийство или похищение Отто Штрассера.

Вопрос. – Мы вернемся к этим вопросам во время следующего допроса. Пока что у меня есть ряд уточняющих замечаний. Вы знакомы с той речью, которую фюрер произнес в пивном зале в Мюнхене за полчаса перед покушением?

Ответ. – Если мне не изменяет память, он говорил в этой краткой речи о том, что рейх стоит на пороге долгой кровавой войны, войны не на жизнь, а на смерть, и новый четырехлетний план, который он поручил разработать Герингу, сделает Германию военным лагерем.

Вопрос. – Вас не удивил тон этой речи?

Ответ. – Удивил.

Вопрос. – Объясните почему?

Ответ. – Потому что два месяца, прошедших после окончания войны против Польши, были отмечены пропагандистской кампанией, которую проводил в прессе и на радио рейхсминистр Геббельс... Смысл сводился к тому, что фюрер подготовил мирные предложения Западу, вот-вот будет подписан договор с Лондоном, который подведет черту под войной и настанет эра процветания Германии. Речь фюрера в Мюнхене прозвучала как неожиданный диссонанс всему тому, что печаталось в наших газетах.

Вопрос. – Как вы считаете, эта речь была неожиданностью для Гимmlера и Геббельса?

Ответ. – О Геббельсе я ничего не могу сказать, но Гимmlер все то время, пока шло расследование обстоятельств покушения, был в подавленном состоянии... Иногда мне даже казалось, что он чем-то испуган.

Вопрос. – Чем именно?

Ответ. – Я затрудняюсь ответить.

Вопрос. – Хорошо, тогда я сформулирую этот же вопрос иначе. Кто утверждал кандидатов, приглашаемых на традиционную встречу ветеранов с фюрером в мюнхенском «Бюргербро»?

Ответ. – Я незнаком с этим вопросом, но мне кажется, что приглашения утверждала канцелярия Гитлера, а уж затем списки передавались начальнику управления охраны фюрера.

Вопрос. – Как его фамилия?

Ответ. – Выскочила из памяти... Я скажу вам позже...

Вопрос. – Он подчинялся Гиммлеру?

Ответ. – Формально – да.

Вопрос. – А фактически?

Ответ. – Фактически – Гитлеру. И в определенной мере Гессу и Борману.

Вопрос. – Кто распределял места в «Бюргерброе»?

Ответ. – Начальник охраны фюрера.

Вопрос. – Как вы объясните тот факт, что в первые ряды были посажены люди, очень близкие – в прошлом – к Рему и Штрассеру? Как объяснить тот факт, что от взрыва погибли именно те ветераны, которые находились под наблюдением специальной службы Мюллера, который прослушивал их телефонные разговоры и перлюстрировал корреспонденцию? Как вы объясните, наконец, и то, что на этот раз фюрер произнес столь короткую речь и не остался, как обычно, в подвале, а сразу же сел в поезд и уехал из Мюнхена? Мы провели исследование: это была беспрецедентно короткая речь, ни до, ни после он никогда не произносил такой краткой речи...

Ответ. – Вы полагаете, что покушение было организовано самим Гитлером?

Вопрос. – Нас интересует ваше мнение по этому вопросу.

Ответ. – Гиммлер рассказал мне, что, когда фюрер узнал о взрыве бомбы, которая подняла к потолку ту трибуну, на которой он стоял, убила девять и изуродовала сорок ветеранов движения, он чуть не заплакал, сказав: «Как всегда, Провидение спасает меня, ибо я нужен нации!» Зачем фюреру нужно было организовывать такого рода спектакль? Чтобы наработать себе популярность? Но он и так был в ту пору чрезвычайно популярен в народе. Зачем еще?

Вопрос. – Затем, чтобы положить конец мечтам о мире. Такое вы допускаете? Вы же помните, что пресса той поры обещала немцам мир... Может быть, Гитлер хотел доказать, что англичане, которые готовят на него покушение, должны быть уничтожены и для этого надо идти на любые жертвы? Может быть, вы и ваша работа по Бесту и Стевенсу, начавшаяся незадолго перед покушением, были звеньями его плана?

Ответ. – Мне трудно в это поверить.

Вопрос. – А в то, что истинным организатором покушения – если вы считаете, что не Гитлер был инициатором этого «второго рейхстага», – был Гиммлер?

Ответ. – Нет. Он тогда не мог пойти на это. Я помню, как он колебался в апреле сорок пятого, когда я умолял его сместить фюрера, я знаю его нерешительный характер, нет, я не думаю, что он тогда мог пойти на это...

Штирлиц. (Мадрид, октябрь сорок шестого)

– Вы очень напряжены, – сказал американец, – напрасно... Не бойтесь.

– Я боюсь только дурного глаза, – ответил Штирлиц.

Американец рассмеялся:

– Неужели верите в дурной сглаз? Не поддавайтесь мистике.

– Так все же, в какой ресторан вы намерены меня пригласить?

– В тот, где хорошо кормят. Сытно. И разнообразно... Вы очень напряжены, я вижу. Да?

Вам ничего не грозит, поверьте.

Штирлиц усмехнулся:

– Поверить? А это по правилам?

– Вообще-то – нет, но мы – исключение.

– Как я стану теперь жить без документов? – спросил Штирлиц, поняв, что тот полицейский не зря ждал их в машине; кому-то был очень нужен его документ, единственный, удостоверяющий личность доктора Брунна и его право на проживание в Испании сроком на шесть месяцев.

– Жить трудно, – согласился американец, – но существовать можно вполне.

«Я проиграл **время**, – сказал себе Штирлиц, – а это единственно невозполнимый проигрыш. Я проиграл его, пока лежал без движения, потому что именно в те месяцы Белый дом повернул направо, русские снова стали “угрозой для человечества”, коммунистов в Америке посмели назвать “агентами иностранной державы”, а их деятельность объявили враждебной».

Гелен. (Осень сорок пятого)

Вернувшись в Германию на американском военном самолете, Гелен поселился в Мюнхене; его **контакт** от Си-Ай-Си⁷, с которым Даллес свел его еще за ужином в Вашингтоне, предложил службе генерала виллу в непосредственной близости от штаб-квартиры американских оккупационных сил, изъятую у семьи арестованного СС обергруппенфюрера Поля.

– Да что вы! – мягко улыбнулся Гелен. – Разве можно афишировать нашу дружбу... Зона полна коммунистическими элементами, все левые подняли голову... Нам следует поселиться вдали, подальше от злых глаз... Если русские узнают, что мы работаем вместе, ждите большого скандала, они не преминут заявить, что генерал Гитлера учит Америку нацистскому антикоммунизму...

Тем же вечером, вернувшись с конспиративной квартиры, где проходила встреча с **контактом**, Гелен сказал своему помощнику Курту Мерку – в свое время тот возглавлял подразделение абвера на юге Франции:

– Пошли побродим, засиделся, тела не чувствую...

Они вышли на маленькую улицу, где теперь жил Гелен, отправились к Английскому парку по дорожке, устланной ржавыми дубовыми листьями; осень была теплой, дети купались и в октябре, воистину «мир сошел к человеку».

– У меня дома американцы натякали аппаратуру, – пояснил Гелен. – Сделали это довольно красиво, но мой Генрих – все-таки он специалист высшего класса – выявил все точки; они пролезли даже в ванную комнату, понимая, что там – самое удобное место для тайных разговоров. Так что беседовать будем во время прогулок, давайте замотивируем это советом доктора – отложения солей, необходим двухчасовой моцион, пусть он запишет это в историю болезни, документ...

– Трудно работать, ощущая к себе постоянное недоверие, – заметил Мерк.

Гелен глянул на него удивленно:

– А как бы вы поступили на месте американцев? Так же. Если еще не круче. Я, например, – допусти нашу победу над ними – посадил бы их в охраняемую виллу, не выпускал бы никуда, использовал как аналитиков и расчетчиков операций, не более того. Благодарите Бога, что мы живем так, как живем, это оптимальный вариант, американцы – большие наивные дети, которые, увы, скоро повзрослеют...

Мерк улыбнулся:

– Благодарить надо не Бога, а вашего друга Аллена Даллеса.

Гелен покачал головой:

– Нет, Бога, потому что он свел меня с ним...

– Ладно, поблагодарим, хотя я в Бога не верю.

– Только не говорите об этом американцам. Они даже на монетах чеканят: «В Бога мы верим». Как-то, правда, не очень корреспондируется с постулатом Библии о том, что надо изгнать торговцев из храма, но они победители, а их, увы, не судят. Судят нас. Именно в этой связи, дорогой Мерк, необходимо наладить очень аккуратный контакт с Нюрнбергом... Конкретно – с теми адвокатами, которые приняли на себя тяжкое бремя защиты нашей армии и правительства рейха... А также – как это ни покажется странным – гестапо... Мы должны помочь нашим адвокатам в построении стратегии их защитительных речей...

– Вы намерены помогать защите гестапо? – Мерк удивился. – Думаете, это возможно?

– Невозможно. Однако это облегчит участь армии и правительства, работа на контрастах. А мы с вами к тому же обязаны думать впрок. Немцам вскорости понадобится секретная поли-

⁷ Си-Ай-Си – специальная служба военной разведки США (англ. сокр.).

ция по наблюдению за левыми. Именно эту мысль мы и должны аккуратно заложить в речи адвокатов. Очень тактично, сдержанно, при явном осуждении гестаповского злодейства и бесчеловечности...

– В таком случае, почему вы не просите меня наладить контакт с тем, кто защищает партию? – усмехнулся Мерк.

– Нам не нужна нацистская партия. Ее цели – я имею в виду антикоммунистическую и антирусскую устремленность – нужно и можно достичь совершенно иным способом... Об этом, однако, позже. Итак, первая позиция – адвокаты Нюрнберга. Вторая позиция: в Марбурге, на Барфюссерштрассе, живет доктор Мертес... Это ваш старый сослуживец и добрый знакомый... Его подлинное имя Клаус Барбье. Я хочу, чтобы вы встретились с ним... И назначили ему место и время, где мы увидимся. Он и я. Вы обеспечите охрану. Продумайте, что нужно сделать, – Гелен внимательно посмотрел на Мерка, – чтобы ни один американец никогда и ни при каких обстоятельствах не узнал о факте этой встречи.

...Встреча состоялась в субботу, в Альпах, на самой границе со Швейцарией; Гелен – по предписанию докторов – начал совершать не только ежедневные двухчасовые моционы, но и воскресные поездки в горы; максимум нагрузок, ночевка под открытым небом, в спальном мешке, горный воздух целит все болезни.

Мерк, знавший Барбье в ту еще пору, когда тот возглавлял лионское гестапо (помогал ему в выявлении английских разведчиков, евреев и русских пленных, сбежавших из концлагерей; коммунистами занимался сам Барбье, никого к ним не допускал, докладывал об акциях лично Гейдриху, а потом Кальтенбруннеру), **случайно** встретил его на вокзале в Меммингене, задел рукой, извинился и, подняв шляпу, шепнул:

– Зайдите в туалет.

Там, возле писсуаров, Мерк беззвучно, одними губами, сказал:

– Соблюдая полнейшую конспирацию, тщательно проверившись, явись в отель «Цур пост» во Фрайбурге десятого числа; приедешь базельским поездом; сядешь в Бонне в третий вагон с конца, нам так будет удобнее посмотреть, нет ли за тобой хвоста. Если мы увидим чужих, рядом с тобою устроится женщина в синем берете. Это сигнал тревоги, в отель не ходи.

По худому лицу Барбье пробежала улыбка:

– Начинаем, слава богу... Я так ждал этого, Мерк...

Наблюдение, пущенное людьми Гелена за Барбье, в тот раз ничего тревожного не установило, «объект чист»; в «Цур пост» его ждал Мерк, получив информацию, что и за ним самим сегодня никого нет, сумел оторваться от американцев еще на выезде из Мюнхена, обычно его **пасли** весьма тщательно.

Из Фрайбурга выбрались вечером, один из друзей Отто Габсбурга, отпрыска австро-венгерских монархов, подвез на своем «майбахе» до той деревеньки, откуда начиналось восхождение; в горы отправились ночью; на рассвете добрались до хижины, возле которой Гелен уже разбил свой лагерь.

– Спасибо, Мерк, – сказал Гелен, гревшийся у костра. – Ложитесь спать, вы совершенно вымотанный, даже глаза запали. Можете взять у меня в рюкзаке шоколад, американцы пичкают им меня, а я его ненавижу.

Гелен поднялся; по-прежнему, не глядя на Барбье, пошел по лугу к подъему; ночные холода делали высокие травы особенно пахучими, явственно ощущался аромат желтого жидкого меда, панацея от всех хворей, альпийское разнотравье, что может быть прекрасней и живительнее?!

На краю обрыва, возле серых валунов, он резко остановился и заговорил, не оборачиваясь, зная, что Барбье идет следом:

– Послушайте, Мергес, вы глупите на каждом шагу. Не считайте американцев наивными детьми, пусть в это верит на том свете ваш Геббельс...

– Наш Геббельс, – поправил его Барбье.

Гелена это удивило, он медленно обернулся:

– Вы считаете возможным возражать мне?

– Бесспорно, – ответил тот. – Мы же теперь намерены строить новую, демократическую Германию, а демократия предполагает всеобщее равенство и право каждого на защиту своей точки зрения.

– Ну и наглец, – протянул Гелен. – Да вы просто-напросто наглец, Мергес!

– Вы прекрасно знаете мою фамилию, господин Гелен. Ваш помощник работал со мною в Лионе, зачем вы так... Вы продолжайте, я вас слушаю самым внимательным образом.

– Да нет, таким, пожалуй, вы мне не нужны, я раздумал говорить с вами.

– А я нет. Вам придется говорить со мной, генерал, потому что оружия вы с собой не носите, Мерка я ощупал, следовательно, убрать меня не сможете. Я спущусь вниз и – если меня возьмут американцы, которые, как сказал Мерк, за мною следят, – скажу им, что вы пригласили меня на конспиративную встречу. Тайком от них. С соблюдением всех мер предосторожности. Они двойной игры не любят. Как и мы.

– Это вы мне угрожаете, да? – осведомился Гелен, снова отвернувшись от Барбье. – Вот, значит, какой у вас метод. Хватко, но не результативно. Вы норовите взять свое нахрапом, наглостью. Но это вы могли делать с девками, которых подкладывали под тех, кто имел связи с партизанами в Лионе. Со мною такие фокусы не проходят. Перед тем как было решено пригласить вас на эту встречу, я положил в служебный сейф план операции по вашей вербовке, поскольку вы представляли интерес для американцев. Однако вы отказались от сотрудничества. Следовательно, я передаю все материалы на вас американцам и помогаю им в создании стройной системы доказательств вашей вины и обосновываю необходимость вашей выдачи Франции, где вами займутся люди Тореза. Это все. Идите вон.

Барбье долго молчал, потом, хрустнув пальцами, тихо сказал:

– Простите, генерал. Вы должны меня простить... Сейчас во всем винят только нас, «ваш Гитлер, ваш Геббельс», а все остальные, оказывается, только тем и занимались, что организовывали против них заговоры. А ведь это не так. Что мог без вас Гитлер и этот несчастный Геббельс? Да ничего... Нервы не выдерживают, появляется злость отчаянья... Простите, пожалуйста...

Гелен долго молчал; именно такие мне нужны, думал он; хваток и бесстрашен; законченный наглец; фанатично предан прошлому; не предаст, значит; гестаповские фокусы я из него выбью, научится светскости, это, в конце концов, не самое трудное.

– Где Зикс?

– В лагере.

Это был СС оберштурмбаннфюрер, давний друг Барбье; именно он первым провел экспериментальное опробование душегубок; в Минск приехал Вальтер Рауф, и они задушили две тысячи советских детей, – сначала решили посмотреть, как это будет действовать на детские организмы; испытание прошло блестяще; Зикс написал рапорт в Берлин, всячески возносил изобретение Рауфа: никаких криков, никаких айнзацкоманд, расстрелов; от гетто до кладбища пять километров, за это время все задохнулся в кузовах, все тихо и конспиративно.

Когда из Берлина пришло поздравление, друзья устроили дружескую пирушку и отправили телеграмму Барбье: «Принимаем поздравления, желаем тебе счастья, твои братья». (После победы Зикс был арестован американцами и передан в руки правосудия; Гелен после первой встречи с Барбье обратился к американцам с просьбой выпустить Зикса для организации «оперативной работы по сопротивлению большевизму». Однако военные юристы восстали; из четырнадцати обвиняемых эсэсовцев десять были повешены; Зикса с трудом удалось

избавить от петли; его освободили три года спустя – за «хорошее поведение»; на следующий день после возвращения в Мюнхен он был зачислен в штат «организации» Гелена как специалист по борьбе с «красным террором».)

– Где Манке?

– В лагере.

(Этого удалось вытащить через год; работал руководителем резидентуры в Западном Берлине, контактировал с литовскими и украинскими националистами.)

– Аугсбург?

– Эмиль?

– А что, есть еще какой-то?

– Нет, нет, я не знаю никого, кроме Эмиля.

– Ну так и отвечайте.

– Он на свободе.

– Это мне известно. Он принимает участие в вашей аванюре?

– В какой именно?

И тут Гелен обернулся.

– В той самой, – гневно сказал он. – В любительской. Два паршивых фанатика ездят по стране, пользуясь наивностью американцев, и, видите ли, собирают «старых борцов» из гестапо Мюллера и разведки Шелленберга, чтобы начать подпольную борьбу за великую Германию. На кого поднимаете руку, Мертес?! С сегодняшнего дня будете получать указания человека, который придет к вам от Мерка. Ни одного шага без его санкции не смейте предпринимать. Ясно?

– Да.

– Это что такое?! – Гелен снова обернулся; лицо, словно маска гнева. – Как вы отвечаете мне, борец за демократию! Я спрашиваю, вам ясно?

– Так точно, генерал!

На этом встреча закончилась; путь вниз, в долину, был для Барбье самым унижительным; он ощущал себя маленьким и жалким; понимая всю безнадежность положения, достал из бумажника десять долларов, купил бутылку вонючей водки, видимо, яблочная, плохой очистки, выпил ее, не закусывая, хотя взял из дома плоский пластмассовый пакетик с хлебом, намазанным маргарином; пошел на вокзал и, забившись в угол, заставил себя расслабиться, досчитал до трехсот и уснул.

Он не понял, сколько времени спал; вздрогнул, почувствовав, что рядом с ним сел кто-то. Глаз не открывал; ощущая тяжесть в висках и противную сухость во рту, подумал, что отдыхал он совсем недолго, обмен веществ с рождения был отменным, двух часов сна хватало на то, чтобы вывести из организма хмель, никаких последствий, ни головной боли, ни покалывания в печени; он ощущал на себе взгляд того, кто сел рядом; человек казался ему очень большой; почему-то был убежден, что у него маленькие голубые глаза.

Глаза, однако, у его соседа – человека среднего роста – были черные, лицо – знакомое, где-то видел уже, только не мог вспомнить, где и когда.

– Так вот, по поводу инструкций, – сказал человек. – Тот, кто привел вас в горы, просил поместить в «Гамбургер нахрихтен» и в кельнском «Курире» следующее объявление... Запоминайте, ни одно слово не может быть произвольно изменено: «По вполне доступной цене продается пленка для малогабаритных фотоаппаратов, типа «Лейка», «Засс» и «Квик». Обращаться по адресу: Кассель, Бисмарк-штрассе, семь, и Гамбург, Ауф дем Кёленхоф, два». Запомнили?

– Повторите, пожалуйста, еще раз.

Человек повторил.

– Теперь запомнил.

– Вы поняли смысл этого объявления?

Еще бы, подумал Барбье, только придурок не поймет; малогабаритные фотоаппараты марки «Засс» были на вооружении гестапо и региональных подразделений СД; никому в рейхе, кроме них, не позволялось держать эти фотоаппараты; слушание каралось заключением в концентрационный лагерь. Понятно, по этим двум адресам, которые назвал ему человек Мерка, надо ждать гостей; люди гестапо и СД умеют читать между строк; сразу поймут: адреса в Касселе и Гамбурге – маяки. Ай да Мерк, ай да Гелен, лихо!

– Кто будет принимать наших товарищей по этим адресам?

– Это не ваша забота. Вам сообщат, если в этом потребуется необходимость. Дальше... Поставьте перед Эмилом Аугсбургом следующую задачу: поскольку у него есть контакты с мастерскими по изготовлению документов... Не возражайте, мы знаем все ваши адреса... Так вот, поскольку у него есть эти контакты, запросите у него подробный отчет о том, имеют ли его люди в своем распоряжении пишущие машинки с русским шрифтом?

– Имеют. Две, – ответил Барбье. – Не надо проверять меня на мелочах. Поскольку вы меня водите, судя по всему, не первый день, вам прекрасно известно, что этими русскими машинками Аугсбурга снабдил именно я.

– Одна из них русская, номер тридцать две тысячи сорок восемь?

– Не помню. Но, кажется, номер пятизначный.

– Эту машинку уничтожьте, вам ее подсунули. Когда сядете в поезд, вам передадут хорошую русскую машинку. Там же в чемодане будут деньги. Отчетность будете вести так, как вели в гестапо, учить, полагаю, не надо.

– Правильно полагаете.

– К вам поступает кое-какая информация из Берлина... Попробуйте сделать две-три дезинформации о том, как русские готовят свои войска для удара по «союзникам» с выходом на Ла-Манш. Аугсбург знает толк в русских делах, пусть сделает болванку, передадите мне, мы внесем свои коррективы. Сколько времени вам нужно для выполнения этого задания?

– За неделю попробуем управиться.

– Меня это устраивает. Мое имя Эрих Ульстер. Связь у нас пока что будет односторонняя, я стану звонить вам или же встречать вас каждую пятницу в булочной Пауля... В девять утра. Если я буду знать, что за одним из нас смотрят американцы, в контакт с вами не войду, ждите звонка или письма из редакции, вас попросят зайти для переговоров по поводу вашего объявления. Это значит, я жду вас на вокзале Фульды, возле касс, каждый четверг, в семь вечера.

Через неделю Гелен позвонил своему американскому контакту и попросил внеочередную встречу, срочно, сейчас же.

– У меня есть две чрезвычайные новости, – сказал Гелен, когда они увиделись. – Одна – горестная, начну с нее, потому что вторая, как понимаете, радостная...

– Я-то вообще предпочитаю начинать с радостного...

– Я – тоже, но дело заключается в том, что вы, возможно, захотите прервать нашу беседу и отправить мои горестные материалы в свой штаб, они того, увы, стоят.

И он передал американцу фальшивку Эмиля Аугсбурга – две машинописные странички русского текста; печать и подписи были сработаны на славу, товар «на сливочном масле».

– Я не понимаю, что здесь написано, – сказал **контакт**.

– Могу перевести. Но это будет весьма приблизительный перевод. Я решил отдать эту информацию вам, лично вам, чтобы именно вы могли ею оперировать. Это страницы из инструкции политотдела механизированного корпуса, расквартированного под Росток; замполитам даются рекомендации о работе среди личного состава в период броска к Ла-Маншу.

– От кого пришла информация? – спросил американец, поднимаясь. – Надежные источники?

– Мои источники надежны, – ответил Гелен, – я шваль не подбираю.

Американец позвонил в штаб, попросил срочно прислать двух автоматчиков, найти толкового переводчика с русского, срочно обработать документ и показать криминалистам на предмет исключения возможности подделки.

– Спасибо, генерал, – сказал американец. – Кто, кроме вас, знает об этом документе?

– Вы.

– Значит, это наша совместная работа?

– Нет, это ваша работа, – ответил Гелен.

– Генерал, милый, вы же прекрасно знаете, что и у вас, и у нас, да и вообще во всех разведках мира, одна система проверки: что я отвечу Вашингтону, если меня спросят, как ко мне попал этот сверхсекретный документ русских? Вы понимаете, что этот документ позволяет нам крепко прижать вашингтонских миротворцев, поэтому я должен назвать человека, который передал мне это.

– А вы назовете. Вы скажете, что ваши люди – замотивируйте это сегодня же – завербовали некоего Мертеса, не зная, что все данные на него находятся в одном из моих подразделений... Я, кстати, и сам этого не знал до сегодняшнего утра... Скажете, что для пользы дела и ввиду срочности информации вы не стали требовать у меня развернутой справки по этому самому Мертесу... Я ее подготовлю на днях, люди уже занимаются этим...

Около двери особняка заскрипели тормоза, и по тому, как яростно и шипуче они заскрипели, оба поняли, что приехали американцы.

Контакт передал своим автоматчикам **липу** (Гелен поразился тому, что он даже не заклеил конверт, какая безответственность, провалят агента в два счета, надо это запомнить, пригодится, пора подводить к ним своих людей в технический персонал, вполне можно работать), сказал, что приедет в штаб через два часа, и вернулся к столу, сервированному одними лишь фруктами и минеральной водой из Виши.

– Хорошая новость также связана с этим таинственным Мертесом, – продолжал Гелен. – Мои люди, правда, только сегодня показали мне проект операции, и я утвердил его, потому что он того стоит. Дело в том, что Мертес сумел объединить вокруг себя более восьмидесяти головорезов из службы Мюллера и Шелленберга. Эти люди готовы начать борьбу за возрождение рейха. Поскольку это не русская проблематика, я передаю вам все данные. Кстати, эта операция может вывести вас на тех, кем вы интересуетесь: на людей, которые платят деньги тем, кто смог бежать из рейха. Очень интересное дело. Так что можете ставить наблюдение за двумя квартирами: Кассель, Бисмаркштрассе, семь и Гамбург, Ауф дем Кёленхоф, два. Только просил бы вас об одолжении: не предпринимайте мер по ликвидации двух этих осиных гнезд фанатичных нацистов, не посоветовавшись со мною: кое-кого из тех, кто прилетит на огонек Мертеса, особенно из разведки Шелленберга, вполне можно использовать. Вам это делать неудобно, а я могу работать с ними, с меня взятки гладки...

Так Гелен заложил секретной службе США своих конкурентов из СС и гестапо, избежавших ареста, получив при этом в свое пользование тех людей из службы Шелленберга, которые обладали богатым опытом разведработы против России, Польши и Чехословакии.

Конечно, он не был намерен отдавать американцам тех людей в Испании, Португалии и Латинской Америке, которые платили деньги «главному резерву будущего», всем тем, кто затаился, ожидая своего часа. Эти люди нужны ему, Гелену, его Германии. Он отдаст американцам только тех, в ком не заинтересован, слишком замаранных, пусть янки тоже испачкаются; высоких профессионалов разведки, осевших вне рейха, он берег для себя, наблюдая за каждым их контактом.

«В большом надо уметь жертвовать малым», – он часто повторял эти слова своим сотрудникам.

Пусть сидят в тюрьмах янки люди Мюллера; это, в конце концов, не Моабит и не Дахау, даже мясо дают и позволяют носить галстук. Все равно вытащит их оттуда он, Гелен. Ему они и будут благодарны до конца дней своих. Только так: разделяй и властвуй, помни при этом, что в любом большом надо уметь жертвовать малым.

А уж после этого он засел – с карандашом в руке – за речь адвоката Меркеля, которую тот написал в защиту гестапо.

На первой странице речи Гелен после фразы «дело гестапо приобретает значение в связи с мнением обвинения, смысл которого заключается в том, что гестапо якобы было важнейшим орудием власти при гитлеровском режиме», предложил Мерку обсудить с адвокатом возможность включения такого рода пассажа: «Защищая гестапо, я знаю, каким ужасным позором покрыто это учреждение, я знаю, какой ужас и страх наводит это слово, знаю, какую ненависть вызывает оно».

На второй странице Гелен попросил убедить адвоката в необходимости включения в речь еще одного – крайне, с его точки зрения, важного – положения.

– Вопрос о коллективной вине, – пояснил Гелен своему помощнику, – это вопрос вопросов ближайшего будущего. Армию воссоздавать нам, больше некому. Кто пойдет в нее служить, в нашу новую армию, если в головы людей вобьют концепцию «коллективной вины»? Так что необходимо добавить: «Ошибочно утверждать, что человек может считаться виновным и привлекаться к ответственности уже потому, что он принадлежит к определенному объединению, не утруждая себя тем, чтобы расследовать каждый отдельный случай, чтобы выяснить, навлекло ли данное лицо лично на себя вину своими действиями или своим бездействием».

Мерк усмехнулся:

– Про «бездействие» многие поймут очень правильно, логичное оправдание собственной позиции в прошлом.

– Знаете, я не очень-то нуждаюсь в апостолах, – поморщился Гелен. – Поняли – и слава богу, зачем конферировать? Повторяю, мы закладываем фундамент будущего, а он должен быть прочным. Надо сделать все, чтобы уроком Нюрнберга стало не обвинение, но защита.

На четвертой странице Гелен предложил включить еще одну концептуальную фразу:

– Полицейские органы, в том числе и политическая полиция, ведут деятельность в области внутренних дел государства. Признанный международный правовой принцип запрещает вмешательство какого-либо государства во внутренние дела другой страны. Таким образом, и в этом направлении существуют сомнения относительно допустимости обвинения против гестапо.

Полистав экземпляр проекта речи Меркеля еще раз, генерал потер глаза, заметив, что с такого рода «слепым» документом работать трудно, губит зрение. Прежде чем продиктовать еще одну вставку, долго, тяжело, испытующе разглядывал лицо Мерка, словно бы впервые его встретил; так бывало у него; какая-то маска неподвижности лежала на лоб, губы, подбородок; потом неожиданно, словно по команде, оживали глаза, становились прежними, все замечательными, цепкими буравчиками, а уже после появлялась тень улыбки, – значит, что-то решил, крайне для него важное.

– Не будете возражать, если попробуем протащить еще один пассаж? Он будет звучать так: гестапо было одним из государственных органов, а о сотрудниках какого-либо государственного органа нельзя говорить как о членах какой-либо частной организации. Поэтому сотрудники гестапо не являлись членами его, тем более добровольными, они занимали обыкновенные чиновничьи должности.

На вопрос, являлись ли цели и задачи гестапо преступными, следует ответить отрицательно. Целью гестапо, как и каждой политической полиции, являлась охрана народа и государства от покушения врагов на устои государства и его свободное развитие. В соответствии с этим задачи гестапо определены в параграфе I закона от 10 февраля 1936 года следующим

образом: «Задачей гестапо является выявление всех антигосударственных действий и борьба с ними, сбор и использование результатов расследований, осведомление о них правительства, информация всех других органов о важных для них событиях и оказание им помощи».

А затем Гелен продиктовал вставку, которую он определил, как совершенно необходимую:

– При решении вопроса о том, следует ли считать гестапо ответственным за все действительно совершенные преступления, не должен остаться без внимания также тот факт, что члены этого учреждения действовали не по собственному побуждению, а по приказу. Лица, на которых падает обвинение, утверждают и могут это доказать свидетельскими показаниями, что при отказе выполнить полученный приказ им угрожало не только дисциплинарное наказание или потеря прав чиновника, но и концентрационный лагерь, а в случае службы в армии – военно-полевой суд и казнь. Разве это не причина для установления факта отсутствия вины?

Походив по кабинету, Гелен закончил:

– Выступление любого защитника – а на процессе такого рода тем более – оценивается в основном по началу и концу. У Меркеля размыто начало и совершенно аморфный конец. Порою целесообразно самим ударить своих же; жертвой малым в большом: мы объективны, не боимся критики, потому что верим в будущее...

Пусть он заключит следующим... Да не пишите же, Мерк! Где ваша память?! Всего несколько фраз, запомните. «Я не ставил своей задачей оправдывать преступления тех отдельных личностей, которые пренебрегли законами человечности, однако невиновных я хочу спасти. Я хочу проложить путь такому приговору, который восстановит в мире моральный порядок».

– Стоит ли даже стараться вытаскивать гестапо, генерал? – снова спросил Мерк. – Это – битая карта. Гестапо надо топить.

– Верно, – согласился Гелен. – Чем доказательнее мы будем защищать чудовищ из гестапо, тем легче их будет привлекать к работе, во-первых, и тем надежнее наши шансы при защите армии и правительства рейха, во-вторых.

...Тем же вечером Гелен встретился с Латернзером, защитником группы генерального штаба. Беседовали с глаза на глаз, во время прогулки.

Гелен говорил медленно, словно бы вбивая в голову собеседника то, что ему представлялось основополагающим:

– Предав суду военного командира, послушно выполнявшего свой воинский долг по приказу своего правительства, за то, что действия этого правительства объявляются незаконными, а этот командир рассматривается как соучастник в деяниях правительства, обвинение тем самым возлагает на него обязанность контролировать законность политики своего государства, то есть в конечном счете делает такого военного командира судьей над политикой государства... Так как Гитлер умер, обвинение оставляет в тени его личность и ищет других людей, несущих ответственность. Но никто не может отрицать, что Гитлер сконцентрировал всю власть в империи в своих руках и тем самым принял на себя одного всю полноту ответственности. Сущность любой диктатуры в конце концов заключается в том, что воля одного человека является всемогущей и что все решения зависят исключительно от воли этого человека.

Сказанное не должно истолковываться как попытка избавить кого-либо от ответственности. Каждый немецкий генерал обладает достаточным мужеством для того, чтобы ответить за свои действия. Но если должна быть установлена правда, то нужно оценивать события так, как они действительно разворачивались, и положить их в основу для установления судебной истины. Лучшим доказательством того, что генералы не участвовали в планах Гитлера, является высказывание самого Гитлера: «Я не требую, чтобы генералы понимали мои приказы; я требую, чтобы они выполняли их».

Гелен посмотрел на адвоката:

– Я не очень быстро говорю?

– Отнюдь.

– Германские генералы, – продолжал Гелен, – меньше всего желали войны на Западе. Когда Англия и Франция объявили войну, это явилось фактом, к которому германские военные руководители отнюдь не стремились.

Если в первый период войны с Россией размещение и обращение с русскими военнопленными не соответствовали положениям Женевской конвенции, то это объясняется исключительно тем, что известные трудности неизбежны. На всех фронтах командующие издавали приказы, направленные против возможных злоупотреблений в обращении с военнопленными, и при нарушениях привлекали виновных к ответственности. Жестокое обращение или же убийства военнопленных не имели места на основании их приказов или с их ведома.

Гелен еще раз посмотрел на адвоката; тот шел сосредоточенно, молча.

– Какую возможность имели вообще подсудимые генералы для пассивного или активного действия вопреки приказу и закону? – продолжил Гелен. – Каковы были бы перспективы успеха? Простое отклонение противозаконных планов или приказов путем возражений, предостережения, выражения опасения было хотя и возможно, но на деле безуспешно. Частично эти возможности не использовались только потому, что генералы просто не знали о многом. Обвиняемые военные начальники узнавали о чем-либо только в том случае, если они, как солдаты, должны были по-военному выполнить готовое решение. Демократический политический деятель скажет, что они могли уйти в отставку. Это может сделать парламентский министр в демократической стране. Германский офицер не мог этого сделать.

Воинское неповиновение было и будет нарушением долга, а на войне преступлением, достойным смерти; долга к неповиновению не существует ни для одного солдата в мире, пока существуют государства, наделенные суверенными правами; при диктатуре Гитлера открытое неповиновение могло привести лишь к уничтожению подчиненных, а не к отмене данного приказа; ни одно сословие не понесло таких жертв за свои убеждения, противоположные методам Гитлера, как круг обвиняемых ныне офицеров... У немецких военных руководителей оставался только один долг – до последнего бороться с врагом. Они должны были сделать трагический выбор между личным правом и воинским долгом; они выбрали и, руководствуясь им, действовали так, как подсказывала им мораль воина.

Я считаю, что военные руководители, которых хотят обвинить, ни в коем случае не были организацией или группой и тем более не объединялись единой волей, направленной на совершение преступных действий. Эти люди не представляли собой преступного сообщества; произведенное обвинением соединение этих офицеров под искусственным общим понятием «генеральный штаб и ОКВ» в действительности является совершенно произвольным объединением различных должностных лиц, занимавших те или иные посты в различные периоды и, кроме того, принадлежавших к различным частям вооруженных сил. Такой подход, не обоснованный ни внутренне, ни с точки зрения правовой необходимости, может иметь своей целью лишь дискредитацию такого института, как генеральный штаб...

Латернзер не перебил Гелена ни разу; когда тот закончил, молча пожал плечами, словно бы недоумевая.

При расставании протянул Гелену вялую руку:

– Я подумаю над вашими словами.

– Спасибо... Пусть обвинят гестапо, так им и надо, пусть растопчут партию, но необходимо спасти от позора имперское правительство и генеральный штаб. Это – вопрос будущего. Как себя чувствует генерал Йодль?

– Плохо.

– Но он будет вести себя достойно?

– Не сомневаюсь.

– А Кейтель?

– Он не очень-то умен... И слишком сентиментален. Вы думаете о том, какую он оставит о себе память? Не обольщайтесь. Но Йодль, Редер, адмирал Денниц настроены непреклонно и убеждены в своей правоте.

– Вот и помогите им... Вы же немец...

Латернзер вздохнул и, обернувшись к Гелену, горестно спросил:

– Да? Вы в этом совершенно уверены?

...Поздно вечером, вернувшись в свой кабинет, Гелен открыл сейф и принялся за самую любимую работу, которая позволяла ему чувствовать себя всемогущим, как прежде, когда весь Восток Европы был в его руках, когда Салаша и болгарский царь Борис, Власов и Павелич, Мельник и Антонеску, Бандера и Тиссо не смели предпринять ни одного шага, не получив на то его согласия – письменного или устного.

Он достал из сейфа зашифрованные телеграммы от Бандеры и людей Павелича, скрывшегося в Испании, от польской агентуры, делал пометки на полях, но самое большое наслаждение испытывал, получая сообщения из Мадрида, Буэнос-Айреса и Сантьяго-де-Чили; оттуда связи должны пойти по всему миру; он, Гелен, станет сердцем новой разведывательной организации Германии, сориентированной не на один лишь Восток, как того хочет Даллес, а на все континенты планеты.

Именно поэтому он тщательно анализировал всю информацию, поступавшую из Мадрида, именно поэтому он с таким вниманием изучал телеграммы из Буэнос-Айреса от Руделя, Танка, Ультера, Лауриха; именно поэтому для него не существовало мелочей. Всякая новая фамилия, переданная его агентурой, начавшей, в отличие от людей НСДАП и СС, работу не на свой страх и риск, но с его ведома и при молчаливом согласии американцев, представляла для него огромную ценность: потянутся нити, возникнут новые имена, будь это совершенно пока еще неизвестный Риктер из Буэнос-Айреса и Брунн из Мадрида, Заурен из Каира или Ригельт из Лиссабона; нет мелочей, есть начало работы, которая принесет победу его делу.

Штирлиц. (Мадрид, октябрь сорок шестого)

– Если хотите, можем поехать в немецкий ресторан. Вы там бывали, кажется, доктор Брунн? На калье генерал Моло...

– Да. Один раз я там пил кофе.

– Нет, вы там обедали. Могу назвать меню.

– Давно следите за мною?

– С тех пор, как это было признано целесообразным. Доктор Брунн ваша новая фамилия?

– Видимо, вы знаете мою настоящую фамилию, если задаете такой вопрос. Как мне называть вас? Мистер Икс?

– Нет, можете называть меня Джонсон.

– Очень приятно, мистер Джонсон. Я бы с радостью отказался от немецкой кухни.

– Да? Поражения лишают немцев кухонного патриотизма? Давайте поедем к евреям. Они предложат кошерную курицу. Как вам такая перспектива?

– Я бы предпочел испанский ресторан. Очень люблю кочинильяс⁸.

Джонсон усмехнулся:

– Ну-ка, покажите нижнюю губу. Ого, она у вас не дура. Ваша настоящая фамилия Бользен?

– Я сжился с обеими.

– Достойный ответ, – Джонсон чуть тронул Штирлица за локоть. – Направо, пожалуйста, там моя машина.

Они свернули с авениды Хенералиссимо Франко в тихий переулок, в большом «шевроле» с мадридским номером сидело три человека; двое впереди, один – сзади.

– Садитесь, мистер Бользен, – предложил Джонсон. – Залезайте первым.

Штирлиц вспомнил, как Вилли и Ойген везли его из Линца в Берлин, в апреле сорок пятого, в тот именно день, когда войска Жукова начали штурм Берлина; он тогда тоже был зажат между ними; никогда раньше он не испытывал такого унижительного ощущения несвободы; он еще не был арестован, на нем была такая же, как и на них, черная форма, но случилось что-то неизвестное ему, но хорошо известное им, молчаливым и хмурым, позволявшее гестаповцам следить за каждым его жестом и, так же как сейчас, чуть наваливаться на него с двух сторон, делая невозможным движение; сиди, как запеленатый, и думай, что тебя ждет.

– Любите быструю езду? – спросил Джонсон.

– Не очень.

– А мы, американцы, обожаем скорости. В горах поедем кочинильяс, там значительно больше порции и в два раза дешевле, чем в городе.

– Прекрасно, – сказал Штирлиц. – Тогда можно и поднажать, время обеда, у меня желудочный сок уже выделяется, порядок прежде всего...

– Как здоровье? Не чувствуете более последствий ранения?

«На этот вопрос нельзя отвечать однозначно, – подумал Штирлиц, – надо ответить очень точно; этот разговор может оказаться первым шагом на пути домой. А почему ты думаешь, что будет разговор? Почему не предположить, что это никакой не Джонсон, а друзья мюллеровских Ойгена, Вилли и Курта? Их тысяча в Мадриде, и многие из них прекрасно говорят по-английски, отчего бы им не доделать того, что не успел Мюллер? Ну, хорошо, это, конечно, допустимо, но лучше не думать об этом; после сорока пяти каждый год есть ступенька в преисподнюю; надвижение старости стремительно, я очень сильно чувствую последствия ранения, он не зря об этом спросил; больных к сотрудничеству не приглашают, а если этот Джонсон

⁸ Кочинильяс – жаренные в духовке поросята (*исп.*).

настоящий, а не фальшивый, то именно для этого он вывозит меня из города. Они никого не выкрали из Испании, не хотят ссориться с Франко, а тут живут нацистские тузы куда как поболее меня рангом, живут открыто, без охраны; генерал СС фон Любич вообще купил апартамент в двух домах от американского посольства, вдоль их ограды своих собачек прогуливает».

– Чувствую, когда меняется погода, мистер Джонсон. Кости болят.

– Может быть, это отложения солей? Почему вы связываете боли в костях с ранением?

– Потому что я пролежал недвижимым восемь месяцев. А раньше играл в теннис. Три раза в неделю. Такой резкий слом в жизненной стратегии сказывается на костяке; так мне, во всяком случае, кажется. Мышцы не так трудно наработать, а вот восстановить костяк, заново натренировать все сочленения – дело не пяти месяцев, а года, по крайней мере.

– Сколько вам платят в неделю, мистер Бользен?

– А вам?

Все рассмеялись; Штирлиц понял, что к каждому его слову напряженно прислушиваются; Джонсон заметил:

– Вы не только хорошо говорите по-английски, но и думаете так, как мы, нашими категориями. Не приходилось работать против нас?

– Против – нет. На вас – да.

– Мы не обладаем такого рода информацией, странно.

– В политике, как и в бизнесе, престиж – штука немаловажная. Я думал о вашем престиже, мистер Джонсон, когда вы вели сепаратные переговоры с друзьями Гимmlера. История не прощает позорных альянсов.

Человек, сидевший за рулем, обернулся; лицо его было сильным, открытым; совсем молод; на лбу был заметен шрам, видимо, осколок.

– Мистер Бользен, а как вы думаете, история простит нам то, что вся Восточная Европа отошла к русским?

Джонсон улыбнулся.

– Харви, не трогай вопросы теории, еще не время. Мистер Бользен, скажите, пожалуйста, когда вы в последний раз видели мистера Вальтера Шелленберга и Клауса Барбье?

– Кого? – Штирлиц задал этот вопрос для того, чтобы выгадать время; сейчас они начнут перекрестный допрос, понял он; каждый мой ответ должен быть с **резервом**; Постоянно набирать возможность маневра, они что-то готовят, они пробуют меня с разных сторон, ясное дело.

– Шелленберга, – повторил Джонсон.

– В апреле сорок пятого.

– А Клауса Барбье? Он работал у Мюллера, потом был откомандирован во Францию, возглавлял службу гестапо в Лионе.

– Кажется, я видел его пару раз, не больше, – ответил Штирлиц. – Я же был в политической разведке, совершенно другое ведомство.

– Но вы согласны с тем, что Барбье – зверь и костолом? – не-оборачиваясь, сказал тот, со шрамом, что сидел за рулем.

– Вы завладели архивами гестапо? – спросил Штирлиц. – Вам и карты в руки, кого считать костоломом и зверем, а кого солдатом, выполнявшим свой долг.

Они выехали из города; дорога шла на Алькобендас, Сан-Себастьян-де-лос-Рейес, а дальше Кабанильяс-де-ла-Сиерра, горы, малообжитой район, там нет ресторанчиков, где жарят этих самых молочных кочинильяс; чудо что за еда, пальчики оближешь; только, видимо, не будет никаких кочинильяс; у этих людей другие задачи.

– В каком году вы встречали Барбье последний раз? – повторил свой вопрос Джонсон.

– Думаю, году в сорок третьем.

– Видимо, на Принц Альбрехтштрассе, в главном управлении имперской безопасности.

– Ему кто-либо покровительствовал в том здании?

– Не знаю. Вряд ли.

– Почему «вряд ли»? – по-прежнему, не оборачиваясь, спросил тот, кто вел «шевроле».

– Так мне кажется.

– Это не ответ, – заметил Джонсон. – Мне сдается, вы относитесь к породе логиков, слово «кажется» к ним не подходит.

– Я – чувственный логик, – ответил Штирлиц. – Я, например, чувствую, что моя идея с кочинильяс пришлась вам не по вкусу. Мне так, во всяком случае, кажется. Чувство я перепроверяю логикой: дальше, вплоть до Сиерры, нет ни одной харчевни, где бы давали кочинильяс, но до Сиерры мы вряд ли поедим, потому что у вас всего четверть бака бензина.

– В багажнике три канистры, – откликнулся тот, кто вел машину. – Слава богу, здесь продают бензин, не нормируя, как в вашей паршивой Германии.

– Зря вы эдак-то о государстве, с которым вам придется налаживать отношения.

– Как сказать, – откликнулся Джонсон. – Все зависит не от нас, а от того, как вы, немцы, станете себя вести.

Штирлиц усмехнулся:

– «Ведут» себя дети в начальных классах школы. К народу такое слово не приложимо.

– К побежденным – приложимо, – сказал Джонсон. – К побежденным приложимо все. Сейчас мы высадим вас, и когда вас подберет голубой «форд» – это случится минуты через четыре, – пожалуйста, помните, что к побежденным приложимо все. Это в ваших же интересах, мистер Бользен.

Машина резко свернула на щебенчатый проселок, отъехала метров сто и остановилась. Джонсон вышел, достал из кармана пачку сигарет, закурил, пыхнул белым дымом и, вздохнув отчего-то, предложил:

– Вылезайте, Бользен.

– Спасибо, Джонсон.

Он вылез медленно, чувствуя боль в пояснице; потянулся, захрустело; страха не было; досада; словно он был виноват в случившемся; а что, собственно, случилось, спросил себя Штирлиц; если бы они хотели убрать меня, вполне могли сделать это в машине; но зачем тогда все эти фокусы с вызовом сюда? Боятся Пуэрта-дель-Соль⁹? А что? Могут.

Джонсон прыгающе упал на заднее сиденье, крутой парень со шрамом взял с места так резко, что «шевроле» даже присел на задок, и, скрипуче развернувшись, понесся на шоссе.

...Прошло десять минут; странное дело, подумал Штирлиц, автобус здесь ходит раз в день по обещанию; в конце концов кто-нибудь подбросит до города; но зачем все это? Смысл?

Плохо, если у меня от этих нервных перегрузок снова станет ломить поясницу, как раньше; поди попробуй, пролезь с такой болью через Пиренеи; не выйдет. А через Пиренеи лезть придется, иного выхода нет. Сволочь все-таки этот Зоммер, дает деньги всего на неделю; даже на автобус до Лериды придется копить еще месяца три. Снова ты думаешь, как русский – «месяца три». А как же мне иначе думать, возразил он себе, как-никак русский, помешанный с украинцем; немец бы точно знал, что копить ему придется два месяца и двадцать девять дней. А еще точнее: девяносто дней, только мы позволяем себе это безответственное «месяца три»; вольница, анархия – мать порядка... Нет, копить придется дольше. От французской границы идет поезд; если меня не арестуют как человека без документов – не ватиканскую же липу им показывать, да и ту отобрали, – нужно, по меньшей мере, еще тридцать долларов, иначе я не доберусь до Парижа; любой другой город меня не устраивает, только в Париже есть наше посольство; почему их интересовал Барбье? Я действительно видел его всего несколько раз; палач второго эшелона, лишенный каких-либо сантиментов, – «Я ненавижу коммунистов и

⁹ Пуэрта-дель-Соль – площадь в Мадриде, на которой находился штаб тайной полиции Франко (*исп.*).

евреев не потому, что этому учит нас фюрер, а просто потому, что я их ненавижу»; да, именно так он сказал Холтоффу, а тот передал Штирлицу, пока еще Мюллер не начал подозревать его; кажется, это был ноябрь сорок четвертого, да, именно так.

Штирлиц вышел на шоссе; ни души; не нравится мне все это, подумал он; странная игра; проверяли на слом, что ли? Документы они могли отобрать иначе, зачем нужен был такой пышный спектакль?

Мимо Штирлица пронесся старый «паккард», разукрашенный клаксонами, с какими-то наклейками и чересчур длинной антенной; наверняка за рулем испанец, только они так украшают свои машины, американцы относятся к транспорту как хороший всадник к коню: заливают самый лучший бензин, часто меняют масла и отдают раз в месяц на шприцевание; моют машины редко, важнее всего скорость и надежность, а не красота; это для женщины важно быть красивой; испанец о моторах имеет отдаленное представление, им бы только поговорить, это – хлебом не корми; а еще обожают строить предположения и делиться догадками; впрочем, это не их вина, а беда; жертвы общества, лишённого информации, зацензурированы сверх меры, шелохнуться нельзя, сплошные запреты.

Вторая машина была набита пассажирами. Штирлиц даже не стал поднимать руку.

Третья машина, с большими буквами на дверцах ИТТ, притормозила; водитель спросил на довольно плохом испанском:

- Вам куда?
- В Мадрид, – ответил Штирлиц.
- Садитесь, подвезу.

И по тому, как он сказал это, Штирлиц понял, что водитель – немец.

- Вы родом из Берлина? – поинтересовался Штирлиц на своем чеканном хох-дейч.
- Черт возьми, да! – водитель засмеялся. – Но я оттуда уехал еще в тридцать девятом...

Нет, нет, я не эмигрировал, просто ИТТ перевела меня в свой здешний филиал. Вы тоже немец?

Штирлиц усмехнулся:

- Еще какой!
- Давно в Испании?
- Да как вам сказать...
- Можете не говорить, если не хотите.
- Я здесь бывал довольно часто, еще с тридцатых годов.
- Кто вы по профессии?
- Трудно ответить однозначно... Учился разному... Считайте меня филологом.
- Это как? Переводчик?
- Можно сказать и так. А что, ИТТ нужны переводчики?
- И они тоже. Но прежде всего нам нужны немцы. Хорошие немцы.
- А что вы подразумеваете под выражением «хорошие немцы»? – спросил Штирлиц. –

По-моему, все немцы – хорошие, нет?

- Достойный ответ.
- Это не ответ. Скорее уточняющий вопрос.

– Еще не настало время отвечать на вопросы, тем более уточняющие. Кстати, меня зовут Франц Кемп, я инженер, возглавляю сектор в отделе организации новых линий на Иберийском полуострове.

- А я Брунн, дипломированный филолог.
- Очень приятно, господин Брунн.
- Очень приятно, господин Кемп.
- Где вы живете?
- В центре. А вы?
- На калье Леон.

- По направлению к Аточе? Возле Санта-Мария-и-Каньизарес?
- Именно.
- Почему вы поселились в том районе? Он слишком испанский. Шумно, масса народа.
- Люди ИТТ должны жить в гуще того народа, среди которого они работают.

Штирлиц усмехнулся:

- Это директива?
- В общем-то да. Неписаная. Хотите чашку кофе? Утощаю.
- Спасибо. С удовольствием.
- Здесь есть съезд на проселок, там прекрасная кофейня дона Фелипе. Не были?
- Даже не слышал.
- Простой крестьянин, но с головой американского бизнесмена. Он знает, что все испанцы более всего любят тайну, да и от своих жен в городе не очень-то скроешься. Франко разогнал все бордели, так он вложил деньги в старый сарай – купил за бесценок, принимает тостер при свечах, имеет пару комнат для свиданий, гребет огромные деньги, финансовый надзор пока еще до него не добрался, помяните слово, станет миллионером...

Штирлиц. (Мадрид, октябрь сорок шестого)

Кемп свернул на проселок.

Отчего такая одинаковая пыль повсюду в Испании, подумал Штирлиц. Будь то север, юг, восток или запад. Странно-красноватая, и солнце в ней кажется феерическим, словно на картине ужаса; последний день цивилизации; видимо, старая земля, утес Европы; только в России есть тихие песчаные дороги в сосновых лесах без единой пылинки, да еще в Эстонии, больше нигде такого нет.

– Вон его сарай, на взгорке, – сказал Кемп. – Сейчас уляжется пыль, увидите.

– По контурам он похож на средневековый замок.

– Это силосная башня. Земля дорогая, так он силосную башню приспособил, я ж говорю, чисто американская хватка.

В отличие от американцев Кемп затормозил плавно; умеет беречь вещи; он здесь живет недавно, понял Штирлиц, если бы он не знал войны, тормозил бы так, как тормозят испанцы и как тот водитель «шевроле» со шрамом; лишь немец, переживший войну, умеет относиться к машине так, как этот Кемп; в вермахте сурово карали тех, кто резко тормозил, – острая нехватка каучука, быстрый снос покрышек; «удар в спину», так, кажется, говорил фюрер «трудового фронта» Лей о нерадивых шоферах.

Из замка-сарая вышел худой старик в крестьянской одежде, которая сидела на нем фасонисто, чисто по-испански.

Никто не умеет так красиво одеваться, как испанцы, подумал Штирлиц, это у них врожденное; когда утеряно государственное могущество, одни народы уходят в долбежку знания, другие тихо прозябают, третьи ищут наслаждений; испанцы, после того как империя рухнула, кинулись рассуждать – по поводу и без повода; заниматься делом власть не позволяла, контролировала каждый шаг подданных, боялась, что не сможет удержать инициативных; ничего бедным испанцам не оставалось, кроме как рассуждать и одеваться; тот не настоящий кабальеро, кто не меняет костюм хотя бы два раза в неделю; крестьянская одежда дона Фелипе сшита на заказ, слишком уж проработана строчка, пригнаны все линии и продумана шлица.

– Добрый день, сеньор Кемп, рад вас видеть, – радушно приветствовал дон Фелипе гостя. – Кофе ждет вас, именно такой, какой вы любите.

– Спасибо. Это мой соотечественник, сеньор Брунн.

Старик протянул Штирлицу длинную, тонкую, совсем не крестьянскую ладонь; рукопожатие его было вялым, он словно бы берег силы.

В старинном сарае было прохладно и сумрачно; пахло деревом; помещение было сложено из громадных темных бревен; возле камина стояло старинное колесо от экипажа и рыцарские латы; никто, кроме испанцев, не умеет так быстро **наладить** быт на пустом месте, подумал Штирлиц; у них врожденный эстетический вкус, этого не отнимешь. А вообще-то они похожи на нас; ни в одной другой стране мира гостю не отдают для ночлега хозяйскую кровать – только у нас и в Испании.

В простенках висели фотографии матадоров и актрис с надписями. Как и в маленьких ресторанчиках в центре, надписи были аффектированные: «Сеньору дону Фелипе де ля Бока с трепетной любовью и на добрую память от маленького Пипито, который очень боится быков, но старается делать вид, что он хозяин «Пласа де торос». Всегда ваш Франсиско Бельяр»; или: «Дорогой Фелипе, голова – это, конечно, мужчина, но шея – женщина; куда она повернется, туда и голова посмотрит. Где ты скрываешь свою донью? Твоя Лолита».

– Может быть, хотите перекусить, Брунн? – спросил Кемп. – Здесь есть довольно хорошие худиас, очень вкусный сыр...

– У вас жена, случаем, не испанка?

– Немка.

Его ко мне подвели американцы, подумал Штирлиц; он выполняет чужую работу, немец не предлагает еду незнакомому и не потому, что он плохой человек, просто такое не принято; традиции, будь они неладны; впрочем, немца могут раздражать наши горцы, которые угощают незнакомоего путника, зашедшего в дом, самым лучшим из того, что у них есть; немец будет думать, чем он может отплатить, сколько это стоит, чем такое вызвано? Господи, какой маленький мир, но как он разностей, **разгорожен**, взаимоневедом...

– Но я не смогу ответить вам тем же, – заметил Штирлиц. – Я весьма ограничен в средствах.

– ИТТ хорошо платит своим людям. Какие языки вы знаете?

– Английский и испанский.

– В совершенстве?

– А оно существует? По-моему, совершенство возможно лишь тогда, когда Бог сойдет на землю.

– Не знаю... Во всяком случае, я, не дожидаясь пришествия, в совершенстве освоил мое дело.

– Позволяете себе вольнодумствовать в католической стране? Это не против инструкций ИТТ?

– Вы набожны?

– Черт его знает... Суеверен, во всяком случае.

– Все суеверны... Так что намерены отпробовать? Сыр или худиас?

– А еще что здесь дают?

– Жареное мясо, – Кемп кивнул на камин. – Фелипе сказочно готовит мясо на ивовых прутьях. Чертовски дорого, но зато очень вкусно... Можно попросить зажарить на углях тручу, совершенно сказочная еда...

– Тогда угостите меня соленым сыром, совершенно сказочной тручей¹⁰ и тинто¹¹.

Ну, валяй, реагируй, Кемп, подумал Штирлиц. Труча – это царская еда, и платят за нее по-царски. Давай, инженер, закажи тручу себе и мне, тогда я до конца поверю в то, что ты не случайно появился на дороге.

– Дон Фелипе, – крикнул Кемп, и Штирлиц сразу же понял, что этот человек служил в армии. – Сыр и тручу для сеньора, бутылку тинто, а потом два кофе, из тех зеленых зерен, что вы показывали мне в прошлую пятницу.

– Да, сеньор Кемп. Какое тинто хотите попробовать? Есть вино из Каталонии, очень терпкое; есть из Малаги, то, что вы как-то пили, густое, с черным отливом.

– А что вы порекомендуете моему гостю?

– Тинто из Каталонии интересней, мне его привозят не так уж часто.

– Рискнем? – спросил Кемп.

– Тот не выигрывает, кто не рискует, – согласился Штирлиц. – Я здорово голоден, опьянею, в горах делают крепкое вино.

– Ну и что? Пьянейте на здоровье, я отвезу вас домой.

– Спасибо.

– Вы никогда не пробовали работать с техническими текстами, Брунн?

– Нет.

– А потянете?

– Можно попробовать.

---

¹⁰ Труча – форель (*исп.*).

¹¹ Тинто – красное вино (*исп.*).

– Это у нас, немцев, можно пробовать. Американцы другие люди, они сразу же задают вопрос: «Можете или нет?» Отвечать следует определенно, с ними надо идти в открытую.

– Во всем?

– Что вы имеете в виду?

– Да ничего особенного... Просто вы с ними работаете, вы, видимо, знаете, можно ли с ними идти в открытую во всех вопросах или что-то надо придерживать.

– Черт его знает. Скорее всего, надо идти в открытую во всем. Они ведь как дети, очень доверчивы и поддаются уговору. Им надо объяснить все, от начала и до конца, как в школе. Если они поймут и поверят, то лучших компаньонов и быть не может.

– Да, они славные люди, я с вами согласен... Но ведь они испытывают на себе влияние тех, против кого мы, немцы, так активно выступали в минувшей войне...

– Мои боссы этого рода влияниям не подвержены, – отрезал Кемп. – Цветных и славян компания не держит, в этом смысле можете не тревожиться.

Штирлиц усмехнулся:

– А я и не тревожусь. Я лишен предрассудков, тем более сейчас за это больше некому карать, все рассыпалось.

Дон Фелипе принес сыр, зелень, вино в темной высокой бутылке, расставил все это на белой бумажной скатерти и спросил:

– Тручу прожаривать или вы любите ее сыровой?

– Почти сырой, – сказал Штирлиц. – Только одной я не удовлетворюсь. Голоден. Мой друг сеньор Кемп, думаю, угостит меня тремя, а то и четырьмя тручами. Это сколько порций?

– Четыре, – ответил дон Фелипе. – Рыбы очень большие, сегодня утром еще плескались в водопаде, мясо прекрасное, очень нежное.

– Выдержите четыре порции? – спросил Штирлиц, не глядя на Кемпа, понимая, что на лице у того сейчас должно быть смятение. – Или я разорю вас?

– Да хоть пять, – ответил Кемп, и Штирлиц до конца убедился в том, что это человек есть продолжение того, что началось два часа назад на авениде Хенералиссимо, когда к нему подошел Джонсон.

– Тогда пять, – сказал Штирлиц. – Я осилю.

– Вот и прекрасно, – улыбнулся Кемп. – Труча вам наверняка понравится, припеченная корочка совершенно поразительна, у дон Фелипе свой рецепт.

– Вы можете пить? Или за рулем боитесь? – спросил Штирлиц.

– Боюсь, но буду. И потом, гвардия сивиль¹² на этой дороге не свирепствует, они психуют по тем трассам, где Франко ездит на охоту.

Кемп разлил тягучее длинное вино по грубым стаканам и чокнулся со стаканом Штирлица:

– За несчастных немцев.

– За них стоит, – согласился Штирлиц. – Чтоб не были такими доверчивыми.

– Как вас понять?

Штирлиц выпил, смакуя, очень медленно, вбирающе; пожал плечами:

– Понять просто. Несчастные немцы не могут жить без фанатичной веры. То они верили в Бисмарка, то в кайзера, то в Гитлера. Им нужен фюрер, трибун, сотрясатель, которого надо бояться. Если бояться некого, они начинают строить баррикады и объявлять забастовки, опять-таки в надежде, что появится сильная рука, вроде тех, которые были уже, и наведет порядок.

– Вы против сильной руки?

– А вы – «за»?

---

¹² Гвардия сивиль – полиция (исп.).

– Дорогой Брунн, я заметил, что вы не ответили ни на один мой вопрос, принуждая меня отвечать на все ваши.

– Принуждал? – Штирлиц пожал плечами и подвинул свой стакан Кемпу. – Плесните еще, а? Как же я вас принуждал, интересно? Пытал в камере? Арестовывал вашу жену? Отправлял детей в концлагерь? Я ни к чему вас не принуждал, – он жадно выпил еще один стакан, отщипнул кусок сыра, накрыл его зеленью, проглотил, не жуя, и заметил: – Одной бутылкой я не удовлетворюсь, закажите еще.

– Конечно, конечно. Хотите, попросим андалусское тинто?

– С большим удовольствием я бы выпил нашего баварского айнциана.

– Погодите, скоро выпьем.

Да, подумал Штирлиц, это начало; надо играть и дальше, он клюет; наверняка он знает, сколько мне дают «товарищи по партии»; ровно столько, чтобы хватило на хлеб, сыр и пару кусков мяса в пятидневку; когда же я пил настоящий кофе последний раз! Пожалуй, месяца два назад, когда Герберт Зоммер пригласил меня в «Хихон»... Герберт... Он такой же Герберт, как я Брунн. И поселили меня в тот пансион, где старик из «Голубой дивизии» дает ключи и внимательно следит, когда и кто выходит и возвращается. Но какого же черта они тогда вывели меня из Берлина? Судя по всему, они вытащили меня оттуда во время последнего танкового прорыва, вряд ли кто еще смог уйти из того месива. Зачем нужно было лечить меня в Риме? Переправлять по ватиканской фальшивке сюда, в Мадрид? Зачем я им нужен? На тебе была их форма, возразил себе Штирлиц, и никаких документов. В горячке, пока еще был их порядок, они, видимо, тогда были обязаны вытащить штандартенфюрера. А здесь очухались: отчего без документов? Почему оказался в том районе Берлина, куда уже прорвались русские? Отчего один? В форме? Мюллер мертв, Герберт даже сказал, на каком кладбище его похоронили. Первого мая. Никто, кроме него, не может иметь материалов против меня, Мюллер ни с кем не делился своей информацией, не в его привычках. Вилли, Ойген и Курт погибли на моих глазах, это отпадает. Айсман? Даже если он жив, у него нет против меня улики, я вернулся в марте сорок пятого из Швейцарии в Берлин. Это свидетельствует о моей верности режиму фюрера; человек, связанный с русскими, просто-напросто не мог вернуться в рейх. Это же верная смерть... Холтофф? Он предложил мне сговор и за это заплатился разбитым черепом, все по правилам. О сыне, о встрече с ним в ночном Кракове Штирлиц запрещал себе вспоминать, рвало сердце, а оно ему еще нужно, чтобы вернуться на Родину. Оставалось лишь одно уязвимое звено – СС штурмбаннфюрер Хёттль. Именно ему Штирлиц дал в Линце явку русской разведки в Швейцарии, когда искал связь со своими. Если об этом узнал Даллес, – а он мог об этом узнать, потому что Хёттль контактировал именно с ним, – тогда дело меняется. И никого нельзя спросить о судьбе Хёттля. И писать никуда нельзя. Надо затаившись ждать, откладывая из еженедельной субсидии несколько песет; иного выхода нет; поскольку он назвал в Ватикане себя доктором Бользенем, возможно, они еще не вышли на Штирлица; они могут выйти, если им в руки попали все архивы, но, судя по тому, как в апреле жгли ящики с документами во внутреннем дворе Принц Альбрехтштрассе, Мюллер имел указание Кальтенбруннера уничтожить ключевые документы; если те, кто уцелел, решатся воссоздать «Черный интернационал», они получают необходимые документы в сейфах швейцарских банков, куда положили самые важные архивы еще в конце сорок четвертого. Да, но жив главный свидетель, Шелленберг, возразил себе Штирлиц, он сидит у англичан, он наверняка пошел с ними на сотрудничество. Но он слишком умен, чтобы отдавать все карты; на что тогда жить дальше? О том, как я стал «доктором Бользенем», знает только он, это была его идея, он дал мне этот паспорт из своего сейфа. И потом, не в обычаях англичан делиться своей информацией с кем бы то ни было, даже с «младшим братом». Да, но тогда бы ко мне подкатили англичане, а не американцы. Если бы год назад я мог ходить и говорить, меня бы американцы вернули домой, скажи я им, кто я; время упущено, теперь, видимо, не отдадут, признаваться Джонсону в том, кто я есть

на самом деле, наивно, не по правилам. Не надо себя сейчас мучить вопросами, сказал себе Штирлиц, это неразумно. Все равно ты не сможешь просчитать ходы тех, кто обладает информацией и свободой передвижения; следует положиться на судьбу, тщательно анализировать каждый взгляд и движение тех, кто взял меня в кольцо; жизнь приучила рассчитывать фразы контрагентов, ухватывать то слово, которое открывает их; ни один из них не отдал борьбе столько лет, сколько я, за мной опыт, треклятый, изнуряющий, делающий стариком в сорок шесть лет; мой опыт может противостоять их информированности, не очень долго, понятно, но какое-то время вполне может: а сейчас надо пить и точно играть состояние голодного опьянения; примитивно, конечно, но они клюют именно на примитивное; у людей этой психологии извращенные чувствования, они похожи на сластолюбцев – те никогда не тянутся к красивым и достойным женщинам, их влечет к потаскухам, никаких условностей, все просто и ясно с самого начала, они будут тащить меня вниз, к себе; я поддамся, иного выхода нет, единственный путь **прикоснуться** к информации... И будь я проклят, если он сейчас не спросит меня о «фарсе суда в Нюрнберге»...

– Убеждены? – задумчиво спросил Штирлиц. – Вашими бы устами да мед пить. Почему вы думаете, что мы вернемся домой? Я не очень-то в это верю.

– Дон Фелипе! – крикнул Кемп. – Еще одну бутылку. Только давайте андалусского... И где наша труча?

– Разве вы не чувствуете запах дыма? – откликнулся дон Фелипе. – Через три минуты труча будет на столе...

– А что это вы сказали «наша труча»? – спросил Штирлиц. – Это моя труча, моя, а не наша.

– Почему не едите сыр?

– Потому что я его ненавижу. Я сижу на нем почти год, понимаете?

– А зачем же заказали?

– От жадности, – подумав, ответил Штирлиц. – Жадность и зависть – главные побудители действия.

– Да? А мне казалось, гнев и любовь.

– Любите Вагнера, – заметил Штирлиц.

– Очень, – согласился Кемп. – И он того заслуживает.

Он наполнил стакан Штирлица; ему не хватило; русский бы не удивился, отлей я половину, подумал Штирлиц, но если я это сделаю сейчас, здесь, меня станут считать подозрительным, потому что так тут не **принято**; всякое отклонение от нормы дискомфортно и оттого вызывает отталкивание, ощущают чужака, только в условиях традиционной демократии общество не страшится того, что чужак обособливается; строй, созданный Гитлером, авторитарный по своей сути, не терпел ничего того, что фюрер считал неорганичным и вне традиционным; человеческая самость каралась лагерем или расстрелом; сначала рейх и нация, а потом человек; какой же ужас выпал на долю несчастных немцев, бог ты мой...

– Как вы относитесь к Гитлеру? – спросил Штирлиц, плавающе подняв свой стакан.

– А вы? Видите, я стал говорить, как вы, – вопросом на вопрос.

– Хороший ученик, быстро взяли методу, очень, кстати, надежная штука, резерв времени на раздумье.

– Вы не ответили на мой вопрос.

Штирлиц выпил вино, поставил стакан, приблизился к Кемпу:

– А как мне лучше ответить? От моего ответа, видимо, зависит получение работы в вашей фирме. Что мне надо ответить? Я повторю, только скажите.

Подошел дон Фелипе с большим деревянным подносом, на котором лежали пять скалочных рыбин, чуть прижаренных; сине-красные крапинки по бокам были, однако, явственно видны, очень хорошая форель, высокогорная, прекрасно сделана, видно, что ешь.

– Красиво, а? – сказал дон Фелипе. – Сам люблюсь; готовлю и люблюсь.

– Сказочно, – согласился Штирлиц. – Даже как-то неудобно отправлять таких красавцев в желудок.

– Ничего, – улыбнулся Кемп, – отправляйте. Для того их и ловят. Если бы их не ловили, вид бы вымер. А попробуйте не отстреливать зайцев? Эпизоотия, мор, гибель. Пусть выживут сильнейшие, закон развития. Я пробовал форель в долине; совершенно безвкусное мясо, волглое, дряблкое; потому что там рыба живет без борьбы, вырождается...

Штирлиц управился с первой тручей, выпил андалусского тинто, блаженно зажмурил глаза, откинулся на спинку грубо сколоченного деревянного кресла и заметил:

– Если спроецировать вашу концепцию на людскую общность, тогда мир ждет славянско-еврейская оккупации. Им больше всего доставалось, наша с вами родина прямо-таки охотилась на представителей этих племен – без лицензий, в любое время года, вне зависимости от пола и возраста.

Кемп разлил вино по стаканам, Штирлицу – полный, себе – половинку, усмехнулся:

– Ничего, постараемся самосохраниться. Силы для этого существуют.

– Не выдавайте желаемое за действительное.

– Я инженер, а не политик, мне это противопоказано.

– Инженеры не умеют противостоять оккупации, Кемп, это как раз удел политиков. Или военных. Какое ваше воинское звание?

– А ваше? Труча остынет, она особенно хороша горячей.

– Верно, – согласился Штирлиц. – Я совсем забыл. Вы меня втягиваете в спор, я же спорщик, забываю об угощении.

Он принялся за вторую рыбу; обсосал даже глаза; дон Фелипе, сидевший возле своего громадного камина, заметил, что кабальеро ест рыбу как человек, знающий толк в труче, браво, была бы шляпа – снял.

– Вы заметили, – сказал Штирлиц, – что испанцев в первую голову заботит, как сказано или сделано; что – у них всегда на втором месте; трагедия народов, задавленных абсолютизмом, лишенных права на самовыражение в деле...

– Абсолютизм рейха не мешал нам построить за пять лет лучшие в Европе автострады и крупнейшую промышленность, – откликнулся Кемп. – Это не пропаганда, это признают даже враги.

– А еще они признают, что в рейхе была карточная система. И за каждое слово сомнения человека сажали в концентрационный лагерь...

– Ну, знаете, сейчас в этом легче всего обвинять фюрера. Всегда обвиняют тех, кто не может защититься. Вы же знаете, что происходит в Нюрнберге... Мечь победителей. Мы сами писали друг на друга доносы, никто нас к этому не понуждал. Такая уж мы нация, ничего не поделаешь.

Принявшись за третью рыбу, Штирлиц пожал плечами:

– Да, странная нация... При паршивых социал-демократах доносов не писали, имели возможность говорить открыто, а пришел фюрер, и нация переменялась, – шестьдесят миллионов доносчиков...

– Вот теперь я понял, как вы относитесь к Гитлеру.

– И правильно сделали, – ответил Штирлиц. – Если бы он не задирали Лондон и Вашингтон, у нас были бы развязаны руки на Востоке. Никто еще за всю историю человечества не выигрывал войну на два фронта.

– Разве? – Кемп снова налил Штирлицу тинто. – А Россия? В восемнадцатом году у нее было не два фронта, а несколько больше.

– Это несравнимые категории. Русские провозгласили интернационал обездоленных, вне зависимости от национальной принадлежности, за ними стояли пролетарии всего мира. Наше движение было национальным, только немцы, никого, кроме немцев.

– Вот в этом и была определенная ошибка Гитлера.

– Да? – удивился Штирлиц. – Вы уже смогли выжать из себя страх? Прекрасно, завидую; я до сих пор боюсь позволять себе думать о каких-то вещах: инерция государственного рабства, ничего не попишешь... А зачем я вообще говорю вам об этом, Кемп? Вы напоили меня, и я развязал язык. Ах, черт с ним, налейте-ка еще, а? Смотрите, я могу запеть. Я пою, когда пьяный. Я, правда, редко бываю пьяным, тут ни разу не был, нет денег, а сейчас я отвожу душу, спасибо вам. А почему вы не заказали себе тручу?

– Я люблю мясо.

– Так вы же говорили, что здесь прекрасное мясо!

– Если бы я хотел есть, – ответил Кемп, скрывая раздражение, – поверьте, я бы заказал себе.

– Налейте мне еще, а?

– С удовольствием, – Кемп снова улыбнулся. – Сказочное вино, правда?

– Правда, – ответил Штирлиц, допив вино и принимаясь за четвертую рыбу. – А теперь переходите к делу. Вы слишком долго финтили, Кемп. Только не говорите о случайности встречи, не надо. Я слишком долго работал в разведке, чтобы поверить в это. Я бы очень рад поверить, я счастлив возможности получить работу в ИТТ, но не могу поверить вам, понимаете? Просто-напросто не могу и, пожалуйста, не браните меня за это. И потом, пьяный я становлюсь обидчивым, а потому агрессивным.

Информация к размышлению – ИТТ. (1927–1940)

Судьбы людей зависят от крутых поворотов исторического развития в такой же мере, как нравственные категории, определяющие моральный облик человека, выдвинутого – силою закономерностей и случайностей – к лидерству в том или ином регионе мира; это же распространяется на деятелей науки, бизнеса, культуры, ибо политика невозможна вне и без этих ипостасей общественной и деловой жизни планеты.

Быть бы Сосенсу Бену блестящим филологом, не начнись Первая мировая война. Действительно, сын датчанина и француженки, он с детства владел языками родителей; поскольку отец его был почетным консулом Франции на Виргинских островах, юноша легко выучил немецкий и английский, ибо острова были перевалочной базой судов – не только, понятно, рыболовецких. Отец отправил Сосенса на Корсику, мальчик должен знать **диалект**, на котором говорил великий император; лишь после этого он разрешил ему переехать в Париж; там молодой Бен присматривал себе тему для защиты звания магистра, но в это именно время Белый дом уплатил Дании тридцать миллионов долларов, Виргинские острова сделались собственностью Соединенных Штатов, а Сосенс – их гражданином. Именно это дало ему возможность отправиться в Пуэрто-Рико, начать там торговлю сахаром, присматриваясь к тому, что происходит на его новой родине; а происходил тогда бум в средствах связи; гораздые на просчет выгоды северные американцы быстрее всех поняли, сколь важен телефон в системе дела, объединяющего страну не словом, но общенациональным узлом бизнеса.

Сразу же после войны Бен организовал маленькую компанию с претенциозным названием: «Интернэйшнл телефон энд телеграф» со штаб-квартирой в Пуэрто-Рико и на Кубе. Там, научившись в совершенстве испанскому, он обкатался, и в двадцать третьем году, после путча испанского диктатора Примо де Риверы, пригласившего иностранные монополии принять участие в реконструкции страны («наша революция, – говорил Примо де Ривера, – стала возможной лишь потому, что братья в Италии во главе с дуче фашизма Муссолини доказали свою жизнестойкость»), оказался в Мадриде.

Если ты не **готов** к Испании, не рассчитывай на успех; страна, изгнавшая – в эпоху инквизиции – арабов и евреев, давших ей ученых, купцов и врачей, отброшенная в своем развитии из-за этого назад не на одно столетие, словно бы несла на себе печать проклятия: бывшее величие ушло в небытие; некогда великая держава обрушилась в состояние **задворочности**, сделалась пугалом Европы, ее большим ребенком; претензии, однако, оставались былыми, имперскими.

Бен смог – в отличие от десятков других своих конкурентов – так поставить себя в Мадриде, так пустить пыль в глаза испанцам, падким на имя и роскошь, что смог организовать филиал ИТТ, назвав его «Компания телефоника де Эспанья», президентом которой стал не кто-нибудь, а граф Оргас, имя которого сделалось хрестоматийным не из-за заслуг его рода, но потому лишь, что образ одного из них запечатлел Эль Греко, великий испанец – духом, пришлый грек – по крови.

Во время подписания контракта Бен заявил:

– Я намерен и впредь помогать любому режиму в мире, который готов сотрудничать со мною и в первооснове которого я вижу динамику и открытую национальную устремленность.

Контракт с диктаторским режимом был столь выгоден, что уже через четыре года Бен, получив кредит у Морганов, купил некогда могучую фирму «Интернэйшнл Вестерн электрик», уплатив прежним владельцам тридцать миллионов долларов; следующим шагом на пути к созданию империи был брак; он женился на Маргарет Данлап, которая была членом семьи угольных королей.

Вскоре после этого он организовал «Стандарт электрицитетс гезельшафт» в Германии, заблокировавшись с могучим АЭГ, затем купил компанию «Лоренц», входившую в империю «Филипса»; после этого **подкрался** к шведскому «Эриксону».

И спустя десять лет после того, как начал подторговывать углем в Пуэрто-Рико, Бен, ставший к тому времени полковником (обожал свое воинское звание, всячески подчеркивал это, особенно в разговорах с теми журналистами, которым верил; не мог понять, отчего они относятся к этому с юмором), сделался одним из самых сильных бизнесменов мира, занятых в индустрии связи.

Именно поэтому 4 августа 1933 года одной из первых внешнеполитических акций канцлера Германии Адольфа Гитлера была встреча в Берхтесгадене с полковником Сосенсом Беном и его специальным представителем в Берлине Генрихом Манном.

В результате этой встречи ИТТ получила такие права в рейхе, которые Гитлер не давал ни одной иностранной фирме.

После того как Бен обменялся прощальным рукопожатием с «великим фюрером германской нации», до автомобиля его проводил личный советник Гитлера по экономическим вопросам Вильгельм Кепплер.

– Я бы рекомендовал вам, полковник, – сказал он, – поддерживать контакт с вашим коллегой, бизнесменом и банкиром Куртом фон Шредером. Вы знаете, что наша национальная революция весьма критически настроена по отношению к финансовому капиталу; исключения составляют люди, понимающие нашу национальную устремленность; Шредер понимает ее, поэтому фюрер ему доверяет. Если у вас возникнут какие-то проблемы в «будущем – держите связь со Шредером, я узнаю обо всем через пять минут. По телефону, – улыбнулся Кепплер. – Если тем более это будет ваш телефон, то конспиративность, столь угодная нам, политикам, и вам, бизнесменам, будет соблюдена абсолютно.

Он, естественно, не сказал Бену, что Курт фон Шредер возглавлял «кружок друзей Гимmlера» и финансировал создание гестапо; не сказал он ему и того, что Шредер был ветераном нацистской партии; впрочем, Бен прекраснейшим образом знал об этом через свои нью-йоркские контакты; братья Даллесы поддерживали устойчивую связь со Шредером, характеризуя его, как вполне надежного партнера, патриота антикоммунистической борьбы, сторонника сильной власти в Германии, измученной либерализмом социал-демократии, близкой к идеям Маркса.

На следующий день Бен и Шредер встретились. Стол был накрыт в самом дорогом ресторане Берлина; именно там и было заключено соглашение о том, что Курт фон Шредер, «старый борец национал-социализма», будет членом наблюдательного совета компании СЭГ, дочерней фирмы ИТТ.

Вечером того же дня Бен дал ужин в честь человека, названного ему Шредером (вопрос был заранее согласован с Герингом и Гимmlером, оба поддержали банкира). Звали этого человека Герхард Алойз Вестрик; хозяин крупнейшей адвокатской конторы рейха; «старый борец»; консультировал службу Гимmlера, выполнял его задания во время многочисленных поездок за рубеж.

Бен и Вестрик расстались не только друзьями, но и компаньонами; Вестрик сделался членом наблюдательного совета ИТТ, отныне он мог ездить в Штаты не как гость, но как член руководства империи связи, представитель интересов ИТТ в рейхе.

А уже после этого Бену была организована деловая встреча с Германом Герингом; был обсужден вопрос о том, как будет участвовать ИТТ в перевооружении германской армии; о результатах переговоров не знал никто, кроме Гитлера и Кепплера; Бен дал согласие на участие ИТТ в создании вермахта – чисто враждебный акт против Белого дома, куда пришел Рузвельт, против Парижа и Лондона, подписавших Версальский мирный договор, по которому Германия была лишена права иметь свою армию.

Естественно поэтому, когда началась репетиция второй мировой войны в Испании, Бен оказался в Мадриде: естественно и то, что Франко – после своей кровавой победы – заново заключил договор с Беном, по которому вся телефонная сеть страны, телеграф и радио переходили под контроль полковника: делил он эту власть лишь с двумя фалангистами, личными представителями каудильо: речь шла не о финансах, но лишь о престиже нового режима.

Вскоре после вторжения Гитлера в Польшу компании ИТТ в рейхе – в отличие от всех иностранных, которые были ариезированы и перешли в собственность министерства экономики, – стали **германскими**. Прибыли ежеквартально перечислялись на счета Бена в Швейцарию, империя росла невиданными темпами, ибо Вестрик заботился о том, чтобы во всех оккупированных странах заводы, связанные с производством радиоаппаратуры и средств связи, отчуждались в собственность ИТТ.

И после того как вся Европа была повержена Гитлером, директор европейского ИТТ и член наблюдательного совета штаб-квартиры в Нью-Йорке доктор Вестрик прибыл в Нью-Йорк как личный гость полковника Бена.

Эмиссару Гимmlера были заказаны роскошные апартаменты в отеле «Пласа» – пятикомнатный президентский номер; двухкомнатные номера сыновьям и роскошный трехкомнатный номер личному секретарю, баронессе Ингрид фон Фагенхайм; все счета оплачивались Беном.

На первый ужин Бен пригласил Эдселя Форда, сына автомобильного короля Штатов:

– Дорогой Эдсель, я думаю, вам будет полезно подружиться с моим близким другом доктором Вестриком, – сказал Бен, знакомя гостей. – Никто, как он, не понимает всю выгоду укрепления американо-немецких отношений.

– Очень приятно, доктор Вестрик, – Форд резко тряхнул руку немца, – я с симпатией отношусь к эксперименту вашего канцлера.

– Очень приятно, мистер Форд, – ответил Вестрик. – Фюрер поручил мне выразить вам свое восхищение деятельностью вашего концерна.

– Спасибо. Тронут.

Вестрик кашлянул, закурил, поинтересовался:

– Я могу говорить за этим столом со всей откровенностью, господа?

– Бесспорно, – ответил Бен. – Только так, Герхард.

– Берлин уполномочил меня обсудить с вами возможность повлиять на большой бизнес Соединенных Штатов лишь в одном смысле: помощь Британии бессмысленна. Лондон обречен на поражение, если только Черчилль не примет условия, которые мы намерены ему продиктовать. Какой смысл помогать покойнику, политическому трупу? Я имею точные выкладки, с цифрами и прогнозами, – чего мы можем ждать от развития нашей торговли; это гарантирует вам великолепную прибыль.

– Что ж, – откликнулся Форд, – интересное предложение. Как вы считаете, Сосенс?

Тот пожал плечами:

– Придерживайся я противоположной точки зрения, вряд ли мне пришло на ум организовать этот ужин.

– Я думаю, – заметил Форд, – стоило бы собраться в более широком кругу и обсудить интересующие нас вопросы предметно.

Спустя три дня Бен – через президента нефтяного гиганта «Тексас компани» Рибера – организовал обед, на который был приглашен шеф зарубежных операций «Дженерал моторе» Джеймс Муни; миллионер Страсбургер, владевший крупнейшими издательствами страны, Форд и руководители концернов «Ундервуд» и «Кодак».

(Бен не зря включил в комбинацию Рибера: шеф его разведывательной службы Герберт Грюн сообщил ему после ужина с Фордом, что встречей весьма интересовалась контора Гувера; люди Грюна зафиксировали трех агентов ФБР в зале ресторана «Пласа»; блестящий конспи-

ратор, Бен выставил Рибера, в каждой комбинации важна фигура прикрытия, это развязывает руки на будущее.)

Разговор был конструктивным; люди американского бизнеса заверили доктора Вестрика, что начнут кампанию за прекращение военных поставок Англии; дело это, однако, весьма тонкое и сложное; Рузвельт начал свое президентство с того, что признал Москву; видимо, он связан незримыми узами и с Лондоном, так что надеяться на скорый сдвиг не приходится; тем не менее позиции тех, кто видит будущее мира в альянсе Вашингтон – Берлин, достаточно сильны в этой стране; посмотрим, кто сильнее.

Удар по Бену и его друзьям нанес не Гувер; тот хранил информацию в своих бронированных сейфах, ожидая, кто возьмет верх в схватке интересов – ИТТ, «Форд», «Дженерал моторс», «Кодак», «Ундервуд», «Салливан энд Кромвэлл» братьев Даллесов или же администрация Рузвельта и те англосориентированные корпорации, которые поддерживали демократов.

Удар нанесла британская разведка – неожиданный и точный; резидент лондонской секретной службы в Нью-Йорке Вильям Стефенсон смог опубликовать в июле сорокового года в «Нью-Йорк хералд трибюн» статью о том, что доктор Вестрик на самом деле является видным национал-социалистом; несмотря на то что он прибыл в Штаты по легенде «гостя» Рибера, на самом деле визит был спланирован во время поездки в рейх Бена; странно и то, что доктор Вестрик прибыл по дипломатическому паспорту Риббентропа; в Лондоне имеют все основания утверждать, что каждое слово, произнесенное нацистским бонзой, было заранее обговорено в ставке Гитлера и получило полнейшее одобрение фюрера.

Вестрику больше было нечего делать в Штатах; вернувшись в рейх, он тем не менее показал группенфюреру Курту фон Шредеру контракт, подписанный им с Беном накануне отъезда из Нью-Йорка: ему, Вестрику, поручалось руководство предприятиями ИТТ во всей Европе, за что Совет директоров фирмы обязался выплачивать ему сто тысяч золотых рейхсмарок ежегодно.

Перед отъездом Вестрик весьма тактично обговорил с Беном конспиративные формы связи (причем предложил поддерживать контакты не с ним, президентом предприятия, но с руководителем службы разведки и безопасности ИТТ Грюном, так удобнее и надежней). Вскоре Грюн положил на стол Бена расшифрованную телеграмму из Берлина: «Рейхсмаршал Геринг приглашает вас, уважаемый полковник Бен, быть его гостем для обсуждения проблем, представляющих взаимный интерес».

Геринг принял Бена в Каринхалле; встретил у входа, дружески обнял; одет был в скромную охотничью куртку, гольфы и тяжелые башмаки, казавшиеся несоразмерно его фигуре большими, оттого что были обуты на толстые шерстяные носки домашней, баварской вязки, белое с синим и розовым, очень колоритно; сначала показал американскому гостю коллекцию ружей, их было девяносто четыре; двенадцать «голанд-голанд» с золотой инкрустацией; двадцать два «пёрде», восемь «перле», два «Ивана Алешкина», семнадцать «Мацка», остальные – ружья из Зуля; потом пригласил в залы, где экспонировалась живопись; два Тициана, Рубенс, Тинторетто, Вермейер, Гойя, Веласкес, наброски Эль Греко; импрессионистов не держал: фюрер называет их живопись «бредом сумасшедших маляров», а кто, как не он, понимает искусство?!

Бен замер перед Эль Греко:

– Какая разительная сочность цветов, рейхсмаршал! Какое точное единение невозможностей – красного, синего и густо-зеленого! Как трагична бледность лица графа Оргаса в контрасте с этим буйством красок, как явственно видится печать близкой смерти!

– Пошли дальше, – улыбнулся Геринг, – там есть более интересный Эль Греко.

– Нет. Позвольте мне полюбоваться этим.

– Будете любоваться им дома, он – ваш, это мой подарок, полковник Бен, я рад, что в вашем доме будет память об этом визите дружбы в рейх.

– Рейхсмаршал, я не могу принять такой дорогой подарок, что вы.

– Можете. Даже обязаны. Да и вы можете сделать мне подарок, чтобы не чувствовать себя обязанным. И этим подарком может быть ваш полет в Лондон, встреча с Чемберленом и Черчиллем, обсуждение с ними наших мирных предложений... Если же они отвергнут мое предложение и рейх не получит столь ожидаемого нами подарка, мира, то и тогда есть выход: оформление в Швейцарии – с вашей помощью, естественно, – поставок на те стратегические товары, в которых нуждается рейх и которые запрещены Лондоном к продаже... Вашингтоном – не столь резко конечно же – тоже.

– Считайте, что вы получили подарок, связанный с оформлением стратегических сделок в Швейцарии, это не проблема. Что же касается переговоров в Лондоне... Не убежден в успехе, но попытаться можно, попробую...

– Спасибо, полковник Бен, – Геринг улыбнулся своей чарующей улыбкой, похлопал его по плечу и добавил: – Но чтобы мы были квиты, пожалуйста, отправляйтесь в Бухарест, к фюреру «железной гвардии» Иону Антонеску... Он встретится с вами, естественно, сугубо конспиративно... Обсудите с ним вопросы, связанные с будущим статусом ИТТ в Румынии...

– Возможны какие-то проблемы?

– Да. Там будут брать под контроль государства все иностранные фирмы. Мои люди помогут вам получить компенсацию, думаю, детали вы сумеете проговорить с Антонеску за столом дружбы, он – думающий человек, благородный и смелый.

(Единственным американцем, получившим от Антонеску компенсацию, был Бен; Румыния выплатила ему тринадцать миллионов долларов: нацисты умели благодарить за службу.)

После роскошного обеда, с русской икрой, фазанами и испанскими ангула¹³, которых привозили военные самолеты из Сантьяго-де-Компостела прямо к столу рейхсмаршала, Геринг, провожая Бена к машине, сказал:

– И – последний подарок, полковник. У нас есть возможность помочь вам не только расширить ваше предприятие в Испании, ибо Франко наш друг, но и закрепиться в Аргентине. Раскручивайте там дело. Оттуда можно переброситься в Чили, Колумбию и на Кубу. В Боливию, думаю, тоже. Мы готовы быть рядом с вами в том регионе. И присмотритесь к майору Хуану Перону, но так, чтобы об этом знали только три человека: я, вы и ваш Грюн. Договорились?

---

¹³ 13 Ангула – угорь (*исп.*).

Штирлиц. (Мадрид, октябрь сорок шестого)

– Почему вы решили, что я должен перейти к делу, дорогой Брунн? – удивился Кемп. – К какому? Подвез человека – это здесь принято; угостил соотечественника...

– Что не принято...

– Мой отец – ганзеец, мы особые немцы, у нас в Гамбурге это в порядке вещей.

– Да? Ну, как хотите. Я хотел облегчить вам задачу.

– Какую?! О чем вы?!

Штирлиц принялся за следующую рыбу, подвинул свой стакан Кемпу, посмотрев при этом на бутылку; вина оставалось на доньшке; цвет его был действительно черно-красным, траурным.

– Хотите еще? – спросил Кемп.

– Хочу.

– У вас хорошая печень.

– Видимо, поскольку я вообще не знаю, что это такое.

– А я раньше ежегодно ездил в Карлсбад. Все-таки это самый великий курорт в мире. Нет, нет, во мне не говорит тупое национальное чванство – раз немецкий курорт, значит, самый хороший... Я фиксирую данность. В детстве я переболел желтухой, врачи пугали родителей, что останусь полуинвалидом, всю жизнь диета, ничего жареного, одни овощи, в лучшем случае вареная курица, а после Карлсбада я ем, что хочу, даже сало.

Штирлиц кивнул на последнюю рыбку:

– Хотите?

Кемп рассмеялся:

– Знаете, боюсь, что да! Вы так прекрасно едите, так вкусно это делаете, что я, пожалуй, не удержусь. А вы сыты?

– Черт его знает... Если угостите еще одной бутылкой, пожалуй, не отказался бы от мяса, вы говорили, здесь мясо тоже отменное, нет?

– Неужели сможете одолеть и мясо?

– Только с вином.

– Плохо не будет?

– Хуже, чем есть, не бывает.

– Хотите завтра утром прийти к нам на фирму?

– Обязательно приду. Спасибо.

– Не обольщайтесь по поводу заработка. Более чем на две тысячи поначалу не рассчитывайте.

– Сколько?! Две тысячи?! Так это же целое состояние! Я имею пятьсот песет и то пока еще не умер с голода. Две тысячи... Если вы поможете мне получить такую работу, буду вашим рабом до конца дней моих.

– Думаю, смогу. Вы сказали, что работали в разведке... У кого именно?

– А вы?

– Я же говорил вам, – поморщился Кемп. – Я понимаю, вы вправе быть подозрительным, но мы с вами в Испании, слава богу, здесь с пониманием относятся к тем, кто выполнял свой долг перед рейхом... Я должен представить вас шефам... Директор фирмы Эрл Джекобс, славный человек, совсем еще молодой, любит немцев за умение работать, ненавидит тех, кто был с Гитлером... Я должен придумать для вас какую-то историю... Только поэтому я вас и расспрашиваю... Помогите же мне...

– Во-первых, каждый, кто выполнял свой долг перед рейхом, был с Гитлером. Во-вторых, я не очень-то люблю врать. Да, я служил в разведке, да, я, доктор Брунн, выполнял свой долг, какую тут придумаешь историю?

– Очень простую. Я могу сказать Эрлу, что вы поддерживали Штауфенберга и всех тех, кто хотел уничтожить Гитлера летом сорок четвертого. Да, скажу я ему, доктор Брунн действительно был сотрудником военной разведки, но он никогда не состоял в нацистской партии...

– Он вам поверит?

– А ему ничего не остается делать. Ему нужны люди, хорошо образованные люди, а таких в Испании нет, понимаете? Испанцы не любят учиться, они предпочитают фантазировать и болтать...

– Они не учатся потому, что курс в университете стоит десять тысяч песет.

– Если человек хочет учиться, он находит любые возможности, – ожесточившись, ответил Кемп. – Есть народы, которые прилежны знанию и работе, а есть лентяи; испанцы – лентяи.

– А французы?

– Не надо проверять меня, – Кемп снова засмеялся, лицо его сделалось мягким, расслабленным, и Штирлиц почувствовал, сколько усилий потребовалось этому человеку, чтобы так резко сломать себя; наверняка у него на языке вертелся ответ, подумал Штирлиц, и мне знаком этот ответ, смысл которого сводится к тому, что французы тоже недочеловеки: бабники и пьяницы; конечно, они не такие животные, как славяне или евреи с цыганами, но все равно они неполноценные, стоит посмотреть на ту грязь, которая царит на их рынках, на обшарпанные стены их домов, на их баб, бесстыдно-размалеванных, в коротких юбочках, все, как одна, потаскухи...

– Я не очень-то умею врать, Кемп, вот в чем вся штука. Любой человек, если он не полный придурок, сразу поймет, что я вру. Ну-ка, проговорите мне то, что вы намерены сказать этому самому американскому воротилю...

– Ну что ж, попробую... Только не перебивайте, я ведь импровизирую... Дорогой мистер Джекобс, я встретил моего давнего знакомого, доктора Брунна, великолепный лингвист, английский и испанский, кое-что понимает и по-немецки, – улыбнулся Кемп. – Дипломированный филолог, честный немец, бежал на Запад от русских полчищ... Во время войны выполнял свой долг на передовых участках битвы... Сейчас живет здесь, пока что не принял ни одно из тех предложений, с которыми к нему обращались испанские и британские фирмы...

– Давайте разделим проблему, – усмехнулся Штирлиц. – Первое: ваша импровизация... Я не знаю американцев, но я довольно тщательно изучал Секста Эмпирика. Он говорил мудрые вещи, вроде такой, что при отсутствии ясного критерия становится неочевидным и истинное, а расхождение во мнениях об истине приводит к воздержанию от суждения. Если бы вы рассказали мне, Джекобсу, историю доктора Брунна, я бы воздержался от суждения, то есть я бы не стал брать его, Брунна, на работу. Да, да, именно так, Кемп... Слушайте, а вы ведь мне обещали еще одну бутылку... Мысли бегают... Но это ничего, мы их возьмем в кулак... Умеете брать свои мысли в кулак? – спросил Штирлиц и навалился грудью на стол. – Умеете. По глазам вижу. Я, конечно, пьян, но все равно могу анализировать ваши слова... Так на чем я остановился?

– На том, что я обещал вам еще одну бутылку.

– Это будет очень любезно с вашей стороны. Только я бы предпочел каталонское... Если, конечно, можно.

– Можно, все можно, Брунн. Дон Фелипе! Вина моему другу!

– Я не ваш друг, – Штирлиц резко отодвинулся и, раскачиваясь, устоялся на Кемпа. – Все мои друзья погибли. Я один. У меня нет друзей, ясно? Не считайте, что я ничего не соображаю. Я помню, с чего начал. С моей истории, которую вы импровизировали. Все это чепуха... Да, именно так, чепуха. Я бы не поверил ни одному вашему слову на месте вашего Джонсона...

– Джекобса.

– Ну и ладно... Джекобса... Не считайте его идиотом, только потому что он представитель самой молодой нации мира. Молодость – это достоинство, а старость – горе. Мы представители старой нации, потому-то и прокакали войну. Мы привыкли к дисциплине сверху донизу... Как оловянные солдатики... А они, американцы, эмпирики. Теперь о втором... Что, мол, я не принял предложения от каких-то там фирм... Глупо... У него что, нет телефона, у этого Дэвиса?

– Джекобса...

– Тем более... Что он, не может позвонить на те фирмы, которые вы будете обязаны ему назвать? И спросить, кто, когда и где предлагал мне работу? Сейчас я должен вас покинуть. – Штирлиц, качаясь, поднялся и пошел в туалет; там он пустил воду, сунул голову под холодную струю, растер лицо хрустящим, туго накрахмаленным полотенцем; мы здесь первые посетители, подумал он, к полотенцам еще никто не притрагивался; Кемп не может не клюнуть; по моему, я подставляюсь ему достаточно точно, и шел я сюда прямо, не раскачиваясь, только чуть поплыл, когда поднялся; я играл спиной **попытку** собраться, я это умею. Не хвастай, сказал он себе, все не просто, ты до сих пор не понимаешь, что происходит, и не можешь даже представить, что тебя ждет, а тебя ждет что-то, причем ждет сегодня же, это точно... А почему ты не допускаешь вероятия его версии? – спросил себя Штирлиц. Ты напрочь отвергаешь возможность того, что он действительно пригласил тебя сюда сам по себе? Немец – немца? Да, я отвергаю это вероятие; если бы он пригласил меня сюда как соплеменника, он бы рассказывал о себе; иначе – открыто и заинтересованно – спрашивал бы про мою историю, он бы другому вел себя, в нем сейчас ощущается напряженная скованность. Он к чему-то готовится. Это несомненно. Я предложил ему размен фигур, он отказался. Почему?

Штирлиц услышал шум подъезжающей машины, резкий скрип тормозов, хлопки дверей, похожие на далекие выстрелы из малокалиберной винтовки.

Вот оно, сказал он себе; это наверняка приехал тот голубой «форд», который должен был появиться «через четыре минуты». Ничего себе четыре минуты! Хороша американская точность. Но почему тот, который назвал себя Джонсоном, так интересовался каким-то Барбье? Тоже не по правилам. Черт его знает. Может быть, разработали комбинацию, которой хотят запутать меня. Смысл? Я не знаю, ответил он себе, я не могу понять их логики... Когда они говор или с Карлом Вольфом или Шелленбергом, они преследовали стратегические интересы, но они всегда подчеркнуто брезговали контактами с нацистами такого уровня, каким считают меня. Зачем им падаль? Что им могут дать штандартенфюреры? За каждым из них тянется шлейф преступлений, который обязывает американцев отправлять их в Нюрнберг, на скамью подсудимых. Отсюда нельзя вывезти человека в Нюрнберг, франкисты не допустят, братья фюрера, союзники рейха.

Он посмотрел на свое отражение в зеркале; господи, как постарел, сколько седины и морщин, мумия, а не человек; высох, кожа да кости, костюм мятый, болтается, как на вешалке, стыд.

Штирлиц вернулся в темный сарай; за столиком возле двери устраивались два человека; на Штирлица они даже не взглянули; увлечены разговором.

– А вина все нет? – громко спросил Штирлиц; Кемп приложил палец к губам, сделал это профессионально, едва заметным, скольльзящим жестом.

Штирлиц сыграл испуг, приблизился к Кемпу, перешел на шепот:

– В чем дело?

– Вы не знаете того, кто сел к вам спиной? – Он кивнул на столик у двери.

– Откуда же мне его знать, если я только начал ходить по городу?

– Давайте-ка расплатимся и поедем ко мне. У меня есть и вино и мясо...

– А кто тот человек, которого вы испугались?

– Я не испугался его. Отчего я должен его пугаться? Просто я очень не люблю красных. Этот человек был здесь с республиканцами, Хорст Нипс, отсидел свое в лагере у Франко, а сейчас работает с французами, представляет банк «Крэди лионез». Пошли отсюда, пошли, Брунн.

Вот на кого они меня вывели, понял Штирлиц, на республиканца. Не надо было ему называть банк, зачем уж так разжевывать?! Надо было назвать имя и потом смотреть за тем, как я стану искать к нему подходы. Да, видимо, меня привезли сюда именно для того, чтобы назвать фамилию Хорста Нипса. Но почему он приехал сюда, словно по заказу? А что, если Нипс оказался здесь случайно? Что, если действительно был с республиканцами, а потом сидел в лагере Франко? Будь все трижды неладно; не мир, а огромная мышеловка, где нельзя верить никому и ни в чем. Ведь если Нипс республиканец и работает с французами, это самый надежный канал связи с домом. Что ему, трудно переслать мое письмо в наше посольство в Париже? Нет, а ведь я вроде бы малость опьянел. Или растерялся.

...Машина Нипса, старый «рено» с французским номером, стояла возле автомобиля Кемпа; сейчас я должен сыграть сон, понял Штирлиц; будет время подумать, мне сейчас есть о чем думать, потому что я обязан вынудить Кемпа на поступок. Я прав, весь этот обед у дона Фелипе срежиссирован от начала до конца, они перебрали с «республиканцем», подставу надо уметь готовить, закон биржи не для разведки, стремительность необходима лишь в экстремальных ситуациях.

Кемп достал из ящичка, вмонтированного в щиток машины, жевательную резинку:

– Отбивает запах, гвардия сивиль, если они нас задержат, унюхает мяту, а не вино. Я ведь тоже несколько опьянел...

– Вы решили, что я пьян, если говорите о себе «тоже»? Я не пьян, Кемп. Я мучительно трезв. Я просто-напросто не умею пьянеть, такой уж у меня организм. Куда едем?

– Я же сказал – ко мне. Если, конечно, хотите.

– Хочу. Вы женаты?

– Вообще-то женат... Семья живет в Лиссабоне... Я тут один. Нет, не один, конечно, за мной смотрит прекрасная старуха...

– А девки есть?

– Хотите девку?

– Конечно.

– Испанок нет, вы же знаете их кодекс, сплошные Дульсинеи. Но какую-нибудь француженку можно найти. Есть парочка англичанок в нашей фирме, очень падки на любовь, на Острове все мужики грешат гомосексуализмом, у них климат дурной, солнца нет, а девки страдают, готовы прыгнуть на первого встречного мужчину.

– Пусть прыгают, – согласился Штирлиц. – Чтобы не упасть, когда начнут прыгать, я сейчас посижу с закрытыми глазами и расслаблюсь.

– Отдохните, конечно, отдохните. У вас добрых тридцать минут.

– Вы так медленно ездите? – удивился Штирлиц, оседая в кресле. – Ладно, ежайте как хотите... Но вы не уснете за рулем?

– Постараюсь.

– Некоторых надо развлекать разговорами... Вас надо?

– Расслабьтесь и отдохните. Меня не надо развлекать разговорами.

– Хорошо. Вы меня успокоили, – откликнулся Штирлиц.

А почему бы мне действительно не соснуть полчаса, подумал он. Так, как сегодня, я не пил и не ел добрых полтора года. Меня сытно кормил лишь Герберт; наверное, это был их первый подход ко мне, он был ловчей и Джонсона, и этого самого Кемпа, настоящий ас, вопросы ставил «по касательной», срисовывал меня аккуратно, не темнил, – «я из братства, дорогой Брунн, сейчас надо лежать на грунте, как подводная лодка, когда море утюжат дредноуты с глубинными минами на борту. Увеличить пособие мы пока не можем, однако пола-

гаю, скоро ситуация изменится. Согласны со мною? Ощущаете новые веяния в мире? Нет? А я ощущаю. Я никогда не выдавал желаемого за действительное, наоборот, меня обычно упрекали в излишнем пессимизме. Кто? Товарищи по партии и СС. Я кончил войну в вашем звании. Кстати, Бользен ваша настоящая фамилия?» Штирлиц тогда ответил, что разговаривать о профессии он может только с тем, кого знает по РСХА. «Моим шефом, как, впрочем, и вашим, был Кальтенбруннер, но он в тюрьме Нюрнберга. Однако я убежден, что мы достаточно хорошо подготовились к условиям борьбы в подполье, так что я жду того, кто предъявит свои полномочия на руководство моей деятельностью в будущем. Тому человеку я и перейду в безраздельное подчинение». – «Позиция, – согласился Герберт. – Спорить с этим невозможно. Кого вы готовы считать своим руководителем? Если не Эрнст Кальтенбруннер, то кто?» – «Шелленберг, – ответил Штирлиц, зная, что тот сидит в тюрьме англичан, сидеть будет долго, пока те не получат от него всю информацию, есть резерв времени. – Вальтер Шелленберг». – «Очень хорошо, я доложу о вашем условии. Со своей стороны я поддерживаю вашу позицию, можете мне верить. Какие-то просьбы или пожелания имеете?» – «Нет, благодарю». – «Может быть, хотите установить связь с кем-либо из родных, близких, друзей?» – «Где Мюллер?» – «Он погиб». – «Когда?» – «Первого мая, похоронен в Берлине».

Ты неблагодарный человек, сказал себе Штирлиц. Высшая форма неблагодарности – это беспамятство, даже невольное; как же ты мог помнить постный обед этого самого Герберта и забыть Педро де ля Круса, матадора из Малаги?! Ведь он накормил тебя сказочными кочинильяс, не такими, конечно, как в Бургосе у Клаудии, лучше, чем она, их никто не готовит, хотя нет, готовят, в Памплоне, во время Сан-Фермина, фиесты, но он пригласил тебя после корриды и сказочно накормил; не тебя одного, конечно, матадоры обычно приглашают человек двенадцать, это у них принято, – после того особенно, когда закончил бой с трофео, получив с убитого им быка два уха, – одна из высших наград Испании.

Штирлиц долго разрабатывал эту комбинацию – бессильную, продиктованную отчаянием человека, поменявшего коричневый ад на голубой; чем лучше синие фалангисты Франко коричневых штурмовиков Гитлера?! Такой же произвол, цензура, тотальная слежка каждого за каждым, такая же закрытость границ, такая же ненависть к красным.

Ему нужна была связь, он привык верить в то, что дома постоянно думают о нем, готовы прийти на выручку в любой ситуации, тем более критической; наладь он связь – Штирлиц был убежден в этом, – дай он знать Центру, где находится, и его вытащат отсюда, его выведут домой. Связь, что может быть важнее связи для человека, работающего разведку?

Побудителем действия было громадное объявление у входа на Пласа де торос: «Последние выступления великого матадора Педро де ля Круса перед его отъездом в Мексику; быки Миуры; квадрилья выдающегося мастера Франсиско Руиса».

В Мексике нет почтовой цензуры, подумал Штирлиц, если я смогу поверить де ля Крису, он возьмет с собою в Мексику мое письмо пастору Шлагу и бросит его в ящик в том отеле, где остановится; я попрошу Шлага поехать в советскую зону Берлина, позвонить в военную комендатуру и сказать дежурному, что Юстас находится в Мадриде, проживает по калье Пиамонте, неподалеку от старого храма, в пансионате дона Рамона Родригеса, дом три, второй этаж.

Штирлиц даже не допускал мысли, что дежурный может не знать немецкого, а если и знает, то такого рода звонок покажется ему подозрительным, а если он его и запишет в книгу, то никто там не поймет, что речь идет о нем, Максиме Максимовиче Исаеве; какой Юстас? Почему в Испании? И зачем об этом знать комендатуре Берлина? Сознывая свою общность с Родиной, человек полагает правомочным и прямо-таки необходимым постоянную обратную связь; особенно часто такого рода абберация представлений случается с теми, кто долго живет вдали от дома, черпая силу жить и выполнять обязанности именно в этом обостренном ощущении своей общности со своими, в постоянном внимании к нему – каждодневном и ежеминутном.

Что-то мешало Штирлицу в этом плане, он понимал всю его призрачность, однако ощущение покинутости было таким, что он упрямо отводил от себя вопросы, а их было множество; сначала надо подойти к матадору де ля Крису, говорил он себе, а уж потом, если он окажется таким человеком, которому можно верить, я продумаю детали и сделаю эту работу так, как единственно и возможно ее сделать.

Он отправился в редакцию «Пуэбло», газету франкистских «профсоюзов», и рассказал свою историю: доктор филологии, покинул родину; кроме Испании, не может жить ни в одной другой стране; участвовал в битве генералиссимуса против республиканцев, имеет награду; хотел бы попробовать себя в роли спортивного репортера; естественно, речь не идет о штатной работе в отделе, только гонорар; живу на пенсию, в деньгах не нуждаюсь, более всего преклоняюсь перед корридой; какое достоинство, побеждает сильнейший, логичность эмоции; это нигде невозможно, кроме как на Пласа де торос; удостоверение на бланке вашей влиятельной газеты откроет путь к постижению тайны схватки человека с быком, зритель одно, а репортер, имеющий право быть рядом с квадрильей, – совершенно другое дело; у вас такого, кажется, еще не было – иностранец пишет о бое быков; да, конечно, Хемингуэй, но ведь он красный, да к тому же его не пускают в Испанию, и писал он романы, а не репортажи.

...С удостоверением «Пуэбло» Штирлиц отправился на «Пласа де торос Виста Аллегре», не очень большую, но вполне престижную, прошел сквозь три заградительных кордона полиции, спустился на арену, туда, где за деревянной загородкой квадрилья и матадор организовывали бой, представился Педро де ля Крису; тот попросил пикадора Анхела прочитать бумажку, сам-то из деревни, неграмотен; попросил писать правду; «я не боюсь критики, но терпеть не могу отсутствия профессионализма; я получаю деньги за работу, а она кровавая, так что, если чего не поймете, спросите моих коллег, они знают толк в деле и помогут вам разобраться в тонкостях».

Штирлиц несколько раз бывал на корриде в тридцать седьмом, когда работал в Бургосе при штабе Франко; обычно он покупал билеты на трибуну «Сомбра»¹⁴, где собирались те, кто мог платить; чаще всего он садился рядом с шефом политической разведки генералом Гонсалесом – сам по себе личность незаурядная и корриду любил совершенно истово; хотя истинного ощущения боя Штирлиц все-таки не научился чувствовать, ему, однако, стала понятна геометрия схватки; высший смысл корриды в том, чтобы довести риск до абсолюта. Чем ближе от бедра матадора проходит рог быка, острый, как шило, чем небрежнее он взмахивает своей бордовой мулетой перед разъяренной мордой окровавленного животного, тем выше класс борьбы; испанцы чтут безрассудство риска, небрежение к смертельной опасности, а это нельзя сыграть, фальшь скрывается в слове, но она сразу же заметна в движении крохотной фигурки матадора на громадной арене, один на один с пятисоткилограммовым быком, приготовившимся к последнему удару: или ты пронзишь ему сердце, или он поднимет тебя на рога, третьего исхода не существует.

Поначалу бой складывался не лучшим образом, хотя бык был прекрасен; торс его чем-то напоминал Штирлицу торпеду, такая же тупая одержимая устремленность; когда он занимался делом атомщика Рунге, ему пришлось обращаться за экспертизой не только в ведомство Геринга (тот какое-то время поддерживал атомный проект), но и к людям Вернера фон Брауна, отца ФАУ. Штирлиц тогда с ужасом смотрел на эти ракеты; такие же, как этот бык, могучие в «торсе» и такие же узкозадые, они зримо таили в себе направленную, бессмысленную угрозу.

Педро де ля Крус применил неверную тактику боя; с самого начала он повел себя слишком уж бесстрашно; публика не любит этого в начале, не надо тешить ежеминутным вероятием летального исхода; конечно, если люди заметят, что он боится быка, матадора освищут, и, как бы прекрасно он ни провел корриду, первое впечатление будет решающим, а ведь еще древ-

¹⁴ Сомбра – тень (*исп.*).

ние драматурги знали, как **играть** героя, не зря вводили в ткань представления хоры, которые рассказывали, как силен и опасен враг; герою оставалось только победить или погибнуть, категория интереса соблюдена абсолютно; так же, подумал тогда Штирлиц, и Педро надо было играть своего быка; надо было загодя срежиссировать с пикадором его падение с лошади, когда бык бросится на всадника: надо было договориться с бандерильерос¹⁵, чтобы они разбежались по арене, а еще лучше скрылись за деревянный барьер, когда бык начнет метаться за людьми, и лишь после этого, оставшись с животным «мано-о-мано»¹⁶, следовало показать бесстрашие, оно было бы подготовлено; контраст есть прием искусства, а что, как не искусство, настоящий бой против пятисоткилограммового быка с пастбищ Миуры?!

Настроение людей, пришедших на зрелище, переломить трудно; Штирлицу показалось даже, что Педро проиграл бой; освищут; однако воистину не было бы счастья, да несчастье помогло: бык поднял на рога молоденького бандерильерос, настигнув его возле самой загородки, куда спешил парень, чтобы укрыться от расвирепевшего животного.

Он мог погибнуть, если бы Педро не бросился к быку с мулетой в руке, отманывая его на себя; отманил; начал игру; бык проносился мимо него в сантиметре, не больше; на трибунах стали кричать «оле!»¹⁷. А это значит, что работу Педро оценили; мертвая тишина трибун, разрываемая жарким выдохом «оле!», свидетельствует о том, что матадор ведет бой достойно, как истинный кабальеро, бесшабашное мужество и абсолютная грация движений, никакой суеты; достоинство, прежде всего достоинство.

На почетных местах для наиболее уважаемых гостей Штирлиц заметил генерала Гонсалеса; тот сидел в белом чесучовом костюме, в белой шляпе, со стеклом в холеных руках; после увольнения в отставку никогда не носил форму, хотя имел на это право.

«Вот кто мне нужен, – подумал тогда Штирлиц. – Только я не интересен ему – в моем нынешнем положении. Если бы я был силен, он бы пошел на любой блок со мной; тот, кто уволен от дел, алчет связей с сильными, особенно иностранцами... А я – нищ и слаб, пустое место, ему нет никакого резона восстанавливать знакомство, которое было таким тесным в тридцать седьмом...»

После окончания боя, когда Педро обошел арену, подняв над головой трофею – ухо быка, врученное ему президентом корриды, – он пригласил Штирлица в свой громадный «паккард», вмещавший восемь человек, всю его кВАДРИЛЬЮ, включая «шпажного парня» Антонио, и они покатали в маленький бар «Алемания» на тихой улице Санта Анна, здесь традиционно собирались после боев все матадоры, угощение было по-испански щедрым и безалаберным, тарелки ставили и тут же забирали; Штирлиц не успевал доесть, как у него выхватывали мясо и ставили тарелку с новыми яствами; ну и темперамент!

Чем дальше, тем больше матадор нравился Штирлицу; он любил в людях надежность и уважительность к тем, кто от него зависел; Педро смотрел на своих бандерильерос и пикадора влюбленными сияющими глазами; «без вас я ничто, кабальерос, спасибо вам, вы были истинными бойцами, я восхищался вами». Люди за соседними столами щелкали языками: «Как сказано! как прекрасно сказано!» Никто так не ценит слово в застолье, как испанцы и грузины. «Сначала было слово» – как же иначе?

Такой парень не подведет, подумал тогда Штирлиц, ему можно доверить письмо, он не станет вскрывать его и не отдаст тому, кто попросит об этом; испанцы ценят доверие; чем больше и открытее доверяешь ему, тем более он верен дружеству, – ведь доверие возможно только между друзьями; я спрошу его, где он остановился в Мадриде, и приду к нему завтра; я запутаю тех, кто может следить за мной, хотя вряд ли, вроде бы я чист, кому я здесь нужен?

¹⁵ Бандерильерос – участники боя (*исп.*).

¹⁶ Мано-о-мано – лицом к лицу дословно рука к руке (*исп.*).

¹⁷ Оле! – давай! (*исп.*).

Штирлиц присматривался к матадору; он умел смотреть так, что человек не замечал этого; не зря он занимался живописью; взгляд, как удар бандерильей, стремителен, рассеян, и вот уже срисована манера человека слушать (а ведь это так важно, как люди слушают других, за этим сразу встает характер); взгляд – и в памяти навсегда останется манера говорить; взгляд – и ты навсегда запомнишь, как человек ест и пьет, в этом тоже его характер; нет, он положительно нравился Штирлицу, этот матадор.

Педро пил очень мало, ел еще меньше, на вопросы отвечал сдержанно, но очень красиво; в конце обеда подвинулся к Штирлицу:

– Я уважаю вас, немцев. Мой брат сражался вместе с вами в «Голубой дивизии» против красных. Его там убили.

Нет, сказал себе Штирлиц, я не зря ощущал все это время запеленатость; я чувствую опасность кожей; это чувство стало моим «альтер это», ничего не попишешь; не оно конечно же превалирует во мне, все-таки, во-первых, я логик, и поэтому мне довольно трудно жить, ибо каждый порыв автоматически, как само собой разумеющееся, перепроверяется холодным расчетом, анализом фактов и явлений, иначе нельзя, если бы я жил не так, меня бы давным-давно ждал провал. Стоики утверждали, что из трех элементов – обозначающее (мысль), обозначающее (слово) и предмет, находящийся вне всего, – главным является обозначающее. Эпикурейцы упростили эту позицию, исключив понятие «обозначающее», вознесли того, кто видит и судит о предмете, выражая ложь или правду словом; эпикурейцы облегчали себе жизнь, они отказывались принимать идею, мысль как явление, существующее вне нас; «я – хозяин мира, я создаю его в своем воображении так, как мне угодно, истина или ложь определяется лишь моим словом»; бедные эпикурейцы, моя работа им бы не подошла, сторели бы за месяц, а то и быстрее. Впрочем, и стоики долго бы не продержались, примат слова никого до добра не доводил; не слово определяет факты бытия, но именно оно, бытие, формулирует словом правду и ложь; как только слово становится самодовлеющим, как только сознание делается тираном бытия, так начинается шабаш лжи. Я всегда шел за правдой факта, наверное, поэтому и слова находил правильные; я не пытался подогнать жизнь под себя, это невозможно, хотя так заманчиво; жизнь обстругивает нас и заставляет – рано или поздно – следовать в ее русле, как же иначе?! Ладно, будет тебе хвалить себя, подумал Штирлиц, жив еще – и слава богу, думай, что тебя ждет, и похрапывай, чтобы Кемп верил в твою игру: голодное опьянение, развезло, рано или поздно язык развяжется, обмякнешь. Вот и готовься к тому, чтобы размякнуть достоверно. А для этого заставь себя отключиться, ты же умел спать и по пять минут, зато какой свежей делалась голова, какой чистой и собранной, давай отключайся, у тебя еще есть минут десять.

...Кемп положил ему руку на плечо через пятнадцать минут, когда притормозил около старинного красивого дома:

– Мы приехали, Брунн. Как поспали?

– Я не спал ни минуты, – ответил Штирлиц. – Я думал. И у меня чертовски трещит голова. Самое хреновое дело, если не допил. У вас есть что выпить?

– Я же говорил: все, что душе угодно. Дома и я с вами отведу душу, вы-то пили, а я лишь поддерживал компанию, знаете как обидно...

– Знаю. Я тоже поддерживал компанию, когда мне приходилось выполнять свою работу.

– Опять вы за свое... – вздохнул Кемп, пропуская Штирлица в маленький лифт, всего на двух человек, хотя сделана кабина была из красного дерева, зеркало венецианское, а ручки на дверцах латунные, ручной работы, – оскаленные пасти тигров, очень страшно.

Квартира Кемпа поразила Штирлица: в старый испанский дом, с его таинственными темными закоулками, длинными коридорами и громадными окнами, закрытыми деревянными ставнями, была словно бы **вставлена** немецкая квартира – много светлого дерева, (скорее

всего, липа), бело-голубая керамика, баварские ходики-кукушка, хирургически чистая кухня-столовая, большой холл с камином; на стенах пейзажи Альп и Гамбурга, его маленьких улочек возле озера.

- Хотите виски? – спросил Кемп. – Или будете продолжать вино? Я жахну виски.
- Сколько у вас вина?
- Хватит. Дюжина. Осилите?
- Нет, мочевого пузырь лопнет, некрасиво. А пару бутылок высосу.
- Есть хамон¹⁸. Настоящий, из Астурии, очень сухой. Любите?
- Обожаю. А сыр есть?
- И сыр есть. Располагайтесь. Включить музыку? Я привез много наших пластинок.

«Лили Марлен» поставить?

- Какое у вас воинское звание?
- Капитан. Я кончил службу капитаном. Останься в армии, был бы полковником.
- В каком году кончили служить?
- Давно.
- Просто так и сказали: «больше не хочу служить рейху и фюреру»?

– Нет, – ответил Кемп, расставляя на столе большие тяжелые бокалы, тарелки, на которых были изображены охотничьи сцены, бутылки, блюдо с хамоном и сыром. – Вы же прекрасно знаете, что так я сказать не мог. Меня перевели в министерство почт и телеграфа... Мы занимались атомным проектом. Штурмбаннфюрер Риктер возглавлял административную группу, я курировал координационную службу, громадный объем информации, нужно было следить за всем тем, что выходило в печать на английском языке, на французском... Да и потом, постоянные драки между теоретиками... Они вроде писателей или актеров... Грызутся день и ночь, толкаются, словно дети, только в отличие от малышей дерутся не кулаками, а остро отточенными шилами. Попробуйте вино. Каково?

Штирлиц сделал глоток:

– Это лучше того, чем нас поил дон Фелипе.

– Да? Очень рад. Мне присылают вино из Севильи, там у нас бюро, мы купили хорошие виноградники. Эрл знает толк в коммерции... Еще?

– С удовольствием.

– А я добавлю себе виски... Хорошее виски, крестьянский напиток... Зря отказываетесь.

– Я не откажусь, когда вы устроите меня к себе. Напьюсь до одури. Обещаю.

– До одури – не позволю. На чужбине соплеменники должны оберегать друг друга. Неро-вен час...

– Когда вы уехали сюда?

– В сорок четвертом... Фюрер закрыл атомный проект как нерентабельный. А потом гестапо арестовало ведущего теоретика Рунге, они выяснили, что у него то ли мать, то ли бабка были еврейками, вы же знаете, не чистых к секретной работе не допускали... Ну, – меня и отправили сюда, на Пиренеи...

– Кто? Армия?

Кемп впервые за весь разговор тяжело, без улыбки посмотрел в глаза Штирлица и ответил:

– Да.

– Разведка? Абвер?

– Нет. Вы же прекрасно знаете, что Гиммлер разогнал абвер после покушения на Гитлера, но ведь министерство почт и телеграфа имело свои позиции в армии...

– С какого года вы в ИТТ?

¹⁸ Хамон – вяленое мясо (исп.).

- С сорок пятого.
- Гражданин рейха работает в американской фирме?
- Почему? Это испанская фирма... И потом, мне устроили фиктивный брак с испанкой, я получил здешнее гражданство, все легально. Как, кстати, у вас с паспортом?
- У меня хороший паспорт.
- Можно посмотреть?
- А зачем? Я же сказал – вполне хороший паспорт.
- Вы испанский гражданин?
- Нет, у меня вид на жительство.
- Что ж, на первое время – терпимо. Выпьем за успех нашей задумки, доктор Брунн. Выпьем за то, чтобы вы стали человеком ИТТ...
- Я за успех не пью... Суеверный. А за знакомство выпью. Спасибо, что вы подобрали меня на дороге.
- Не стоит благодарности. Как вы, кстати, там очутились?
- Ума не приложу.
- Кемп плеснул виски в свой тяжелый стакан и, выпив, заметил:
- Сколько же лет вам надо было проработать в разведке, чтобы стать таким подозрительным?
- Жизнь, – ответил Штирлиц. – Где, кстати, сейчас этот парень из гестапо?..
- Какой именно?
- Рунге? Нет, Риктер...
- Не знаю. Да и не очень интересуюсь этим.
- Не думаете о том, что эти люди могут нам понадобиться в будущем?
- «Нам»? Кого вы имеете в виду?
- Немцам.

Кемп поднялся, походил по холлу, потом остановился около окна, прижался лбом к стеклу и негромко ответил:

– Чтобы ответить на этот вопрос, доктор, я должен получить от вас исчерпывающие данные о том, кто вы, как сюда попали, с кем поддерживаете контакт и отчего оказались на той дороге, где автобусы ходят всего лишь два раза в день... Впрочем, если вы откажетесь это сделать, на работу я вас так или иначе устрою. Как любой немец, я сентиментален, ничего не напишешь.

...Расстались в три утра; Кемп вызвал такси, спустился на улицу, уплатил шоферу деньги, повторил, что ждет Штирлица завтра, в двенадцать, в своем кабинете на Аточе, вернулся в квартиру, выключил аппаратуру звукозаписи, достал из скрытой в стене фотокамеры кассету, тщательно завернул ее в светонепроницаемую бумагу, затем снял отпечатки пальцев Штирлица со стакана и бумажной скатерти, обработанной специальным составом, все это запер в сейф. Завтра **материалы** уйдут в Мюнхен, в «организацию» генерала Гелена.

(О том, что «доктор Брунн» будет идти по дороге на Сиерру с двенадцати до двенадцати двадцати и что именно в это время его надо посадить в машину, ему, подполковнику абвера Рихарду Веккерсу, живущему в Испании по паспорту инженера Кемпа, пришло указание из «организации», причем он был предупрежден, что «объект» может представлять серьезный интерес в будущем, если только подтвердится, что он является именно тем человеком, которым заинтересовался генерал Гелен.)

Информация к размышлению. (Братья Даллесы, осень сорок пятого)

1

Они встретились в клубе во время ленча; сидели, как всегда, за столиком возле окна – там было их постоянное место; когда официант начал готовить стол к десерту, Аллен вздохнул:

– Тяга к парадоксам есть первый симптом старения.

– Вот как?

– Определенно так; мы избежим главного вопроса: сколько еще **осталось**? Оттачиваем мозг рассуждениями о том, как бы невозможное сделать достижимым.

– Такого рода парадокс меня интересует куда в большей степени, чем тебя, потому что я значительно старше.

– Но он, как всегда, опосредован, – Аллен пыхнул своей прямой английской трубкой. – Чем лучше твоё настроение, тем больше шансов на долголетие, а чем дольше ты живешь, тем реальнее изобретение эликсира вечности.

– Но это аксиома, а не парадокс.

– Верно, я еще только подкрадываюсь к парадоксу... Ответь мне, какие этапы русской истории ты можешь определить как пиковые, наиболее значительные?

– Хм... Видимо, крещение, затем победа над татаро-монголами, после того разгром Наполеона, а затем – нынешняя победа над Гитлером.

Аллен покачал головой:

– Не совсем так, хотя первые две позиции я принимаю. Двумя махинами, определившими гигантские **скачки** России, были Петр Великий и Ленин. Первый сделал Россию европейской державой, великой европейской державой, уточнил бы я, а второй превратил ее в мировое государство: если до семнадцатого года в Мехико, Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айресе не очень-то и знали о России, то после революции Ленина самая идея его государственности сделалась фактом присутствия на юге нашего континента, в Африке, Индии и Австралии. Ты согласен?

– К сожалению, ты вынуждаешь меня согласиться с этим.

– Я? – усмехнулся Даллес. – Или Ленин?

– Опять-таки, к сожалению, не ты, – в тон ему ответил Джон Фостер. – С тобою бы я как-нибудь договорился.

– Теперь ответь на следующий вопрос: кто из русских лидеров прожил на Западе столько, сколько Петр и Ленин? Отвечаю: никто больше. Следовательно, прикосновение мятежной русской мысли к европейскому техническому и культурному прогрессу дважды оказывалось для Запада чревато появлением нового качества государственной силы. А когда Россия оказывалась на задворках Европы? Когда она терпела унижительные поражения? В момент, когда русский двор стоял на позициях изоляционизма, когда все контакты с Западом были прерваны, когда они варились в собственном котле: первый раз это проявилось во время Крымской войны, когда **десант** англо-французов разгромил армию Николая Первого. К сожалению, да, да, именно так, к сожалению, вскоре после этого поражения в России освободили крестьян. Затем начал налаживаться контакт с Западом, что – если бы продолжался – могло ввести Россию в число пяти ведущих промышленных держав Европы. К счастью, после воцарения Александра Третьего то окно, которое прорубил Петр, снова захлопнулось, – древние традиционалисты, стоявшие в оппозиции к новациям Петра Великого, живучи при дворе императоров, – все контакты прекратились, и была выработана стратегия на превращение империи

в евроазиатскую державу. Но разгром Николая Второго махонькой Японией снова вызвал в стране бурю негодования, а негодовать там было кому, как-никак Толстой, Чайковский, Достоевский и Менделеев по национальности русские, а отнюдь не англичане, нация мыслителей куда не крути! И после всех пертурбаций пришел Ленин, который состоялся как политический и государственный деятель России на трех китах: немецкой философии, Французской революции и английской политэкономии. И Россия, став Республикой Советов, перешагнула границы Европы, Азии и Америки вооруженной не экспансией, но притягательностью своей доктрины. Не спорь, Джон, это мне неприятно, как и тебе, но нельзя восставать против фактов. Что же происходит сейчас? Наша сегодняшняя политика должна быть определена как самая глупая из всех, какую мы проводили за последнее время. Мы насильно тащим – Россию за стол переговоров, мы навязываем ей рецепты европейского парламентаризма, мы охаем и ахаем по поводу того, что они не понимают нас... Так ведь и слава богу, если не понимают, Джон! Задача Запада в том и состоит, чтобы, затолкав джинна в бутылку, отеснить к его границам, пусть они преют в своем соку! Это им нужен обмен, Джон! Он нам не нужен! Мы должны сделать все, чтобы там снова восторжествовала идеология традиционалистов, мы обязаны Содействовать разрыву всех тех контактов, которые установились во время войны! Только это даст нам свободу маневра в Европе, Джон, только это гарантирует нашу спокойную работу на юге Америки, что в конечном-то счете главное для нашего поколения. Восток Европы – болевая точка Кремля, для нас это – тактика ближнего боя, тогда как защита Западного полушария – стратегия, спланированная на многие десятилетия вперед.

Джон Фостер хрустко откусил яблоко, покачал головой и спросил:

– Загадать загадку?

– Конечно.

(Это у них было с детства: они разговаривали на особом языке, непонятном взрослым; отец посмеивался: «Пусть, это тяга к автономии, независимость человека рождается именно в младенчестве, научатся стоять за себя, без этого сомнут».)

– В таком случае ответь мне: кому выгоден роспуск ОСС? Кому будет на руку, если твоя организация перестанет существовать? Только отвечай **парадоксально**, иначе тебе меня не увлечь, – улыбнулся Джон Фостер Даллес.

– Не знаю, – ответил Аллен. – Теряюсь в догадках.

... Когда Трумэн вернулся из Потсдама, о роспуске ОСС никто еще и не помышлял, хотя в воздухе витало нечто; постоянно, день за днем, не очень-то заметно для обывателя шел процесс формирования нового штаба; людям Рузвельта, как и их покойному кумиру, выказывалось прилюдное уважение, протокол соблюдался неукоснительно, однако тем, кто умел мыслить, было ясно, что грядут новые времена, зреет иная концепция политики.

Понятно, что первую атаку на ОСС организовал директор ФБР Гувер, конкурент, однако и он это сделал не напрямую, но через своих друзей, работавших в Объединенном комитете начальников штабов: «Ныне Отдел стратегических служб является не чем иным, как мыльным пузырем; война кончилась, и мы обязаны сказать это со всей определенностью, уже не опасно, поскольку реальная угроза делу появляется лишь в том случае, когда лошадей перепрягают на ходу. Давайте открыто признаем, что ОСС проморгал Перл Харбор; давайте не будем закрывать глаза на то, что Донован имел сведения о ситуации в Югославии, Польше, Болгарии, Чехословакии, но ничего не смог предпринять для того, чтобы привести там к власти режимы, оппозиционные Сталину; давайте, наконец, согласимся с тем, что ОСС зависел от англичан, от их опыта и традиций, куда в большей мере, чем от таланта американских разведчиков».

Слово сказанное есть предтеча действия. В прессе начались толки; люди Рузвельта справедливо увидели в нападках на ОСС требование создать новый разведывательный орган, подчиненный непосредственно президенту. Это был поворот к построению общества, в котором

был бы признан примат разведки и утверждена позволительность знать все обо всех. Те из штаба Рузвельта, которые еще могли как-то влиять на события, заняли резко отрицательную позицию по отношению к тем, кто покатил на ОСС.

«Дикий Билл», умный, но не сдержанный Уильям Донован, крестный отец ОСС, разразился филиппикой против тех, кто перемывал кости ОСС: «Вы поднимаете голос на святое, на то, что создано во время войны и выдержало испытание войною».

Именно тогда, во время очередной встречи с президентом, Джон Фостер Даллес и задал вопрос:

– Хорошо, допустим, время ОСС кончилось. Кто станет правопреемником?

Трумэн тогда ответил в обычной своей манере: «Надо посоветоваться, подумаем».

...Джон Ф. Даллес не знал еще, что именно его младший брат стоял за спиной Гувера, начавшего атаку против ОСС.

Он не знал, даже не мог представить себе, что именно Аллен задумал и просчитал всю комбинацию с роспуском ОСС. К этому решению Аллен Даллес пришел не сразу и далеко не просто, после мучительных раздумий о выработке концепции будущего. Как и всякая идея, тем более носящая характер стратегический, то есть глобальный, эта его комбинация рождалась на ощупь, постепенно, подминая под себя факты и мнения, правду и ложь, желаемое и действительное. Постепенно, поначалу зыбко, появлялись некие контуры замысла, однако в отличие от тех задумок, которые рождались ранее, – в обкатке с друзьями, в проверке и перепроверке аналитиками, эта его идея обязана была жить в тайне и принадлежать одному лишь человеку на свете: ему, Аллену Даллесу, и никому больше, даже брат не имел права ничего о ней знать.

Он исходил из того, что, во-первых, война кончена, нацизм сломлен и вся концепция прошлой деятельности ОСС, таким образом, изжила себя, более того, делалась обузой той политике, которая подспудно оформлялась Трумэном – открытое сдерживание коммунизма, закрепление американских позиций в мире и постепенное оттирание русских к границам тридцать девятого года. Во-вторых, новая стратегия базировалась не на союзнических постулатах, а на реальном положении дел в мире, а оно было таким, что Англия перестала быть империей, потеряла свои ключевые позиции как в Азии, так и на юге Американского континента, не говоря уже о Европе и Ближнем Востоке; Франция лишь на словах называется союзником, но на самом деле таковым не является; таким образом, единственным реальным союзником, объединенным со Штатами общностью антикоммунизма, могла и обязана стать Германия. Однако тот коллектив людей, который составлял мозговой центр ОСС, не сразу и не легко согласится с такой моделью будущего, а она представлялась Даллесу единственно целесообразной, ибо Германия есть – хотим мы того или нет – бастион Запада, выдвинутый к русским границам. В-третьих, зловещим шуткам президента Рузвельта – об имперских амбициях Черчилля, который дрожал за британские колонии, пришел конец; теперь Америке надо было защищать завоеванные в мире позиции, как бы эта борьба ни называлась – имперской, гегемонистской, агрессивной – неважно; все то, что принадлежало раньше Англии и Франции, должно контролироваться Соединенными Штатами, ибо лишь их мощь сможет удержать эти территории в орбите Запада. И наконец, в-четвертых, он понимал, что создавшийся в период битвы против Гитлера военно-промышленный комплекс нуждается в том мобильном инструменте, который сможет не только давать продуманные рекомендации по оптимальному вложению капиталов в мире, но и защищать эти вложения так, как это не мог делать Отдел стратегических служб, каждое действие которого (в той или иной мере, естественно) контролировалось, обсуждалось и санкционировалось тремя равноправными штабами – сухопутным, морским и военно-воздушным, а ведь за каждым из этих штабов стояли совершенно определенные корпорации, и что было угодно «Тексасу», ставившему на флот, то совершенно не устраивало «Диллона», который традиционно поддерживал сухопутные (особенно десантные) войска.

– А все-таки, как ты предполагаешь поступить, если ОСС действительно перестанет существовать? – спросил Даллес-старший.

– Знаешь историю про то, как осел попал на необитаемый остров? – пыхнув трубкой, спросил Аллен.

– Нет.

– Не обидишься?

– Мы же уговорились никогда друг на друга не обижаться; сердиться – да, но обижаться – нет; обидчивость – родимое пятно тугодумной малоподвижности...

– Хорошо... Итак, осел оказался на необитаемом острове, где нет ни пресной воды, ни тени, ни еды. Проходит день, второй, ситуация совершенно безнадежная, осел обошел весь остров, бил копытом песок в поисках воды или корней – ничего, пусто. И ни паруса на водной глади, ни вертолета в небе. Что надо было предпринять ослу, чтобы спастись?

Джон пожал плечами:

– Может, рядом был какой-нибудь островок с водой и травами?

– Был. В ста метрах. Но ведь осел не умел плавать. Как быть?

– Не знаю, – ответил Джон Фостер. – Право, не знаю.

– Вот видишь, – Аллен вздохнул. – И осел не знал.

Джон отвалился на спинку стула, рассмеялся, пообещал:

– Я попробую рассказать эту историю президенту. Хотя ему нельзя, он обидится...

– Да уж, ему этого рассказывать не следует. Мыслительный аппарат нашего избранника весьма заторможен. Должен признаться, что именно я в значительной степени способствовал появлению идеи о роспуске ОСС, мой мудрый и добрый брат.

– Опасаешься, что помощнику никогда не стать шефом предприятия?

– И это тоже... Но – лишь в какой-то степени... Я бы даже сказал, что в незначительной. Все проще: «Дикий Билл» рекрутировал кадры ОСС не только из числа наших с тобою друзей и единомышленников. Он взял в кадры множество людей вполне левых, я бы даже сказал, марксистских концепций. Если это было целесообразно в дни войны против Гитлера, то сейчас это не допустимо.

– Такого рода пассажи я еще не встречал в прессе.

– Пока – рано. Как, по-твоему, когда Трумэн решится на то, чтобы официально разогнать мой родной ОСС?

– Скоро.

– А что придет взамен?

– Он не знает.

– Было бы идеально, передай он функцию ОСС государственному департаменту, Джон.

– Это значит погубить все дело на корню.

– И очень хорошо. В будущем я отвожу тебе, – жестко сказал Аллен, снова пыхнув трубкой, – пост государственного секретаря. Я так задумал, видишь ли ты...

– И поэтому подкладываешь мне свинью?

– Не тебе. А нынешнему государственному секретарю Бирнсу.

Пусть он сломает на этом деле зубы. Последовательность и еще раз последовательность, Джон. Всякое истинное восхождение есть восхождение по лестнице, а оно – постепенно. Если ты сможешь помочь реализации этой моей идеи, я обещаю тебе спектакль.

– Какой?

– Сенсационный. Который пойдет на пользу делу. Который приведет тебя в государственный департамент, а меня – в разведку, подчиненную не своре честолюбцев, но президенту Соединенных Штатов.

– Конструкция любопытна, – заметил Джон Фостер, – но ты до конца не сформулировал причинные последовательности. Думая о сдерживании коммунизма в Европе и, видимо,

в Азии, ты пока ни слова не сказал о Латинской Америке, а это – главная опасность, Аллен, реальная опасность, поскольку именно там тлеет фитиль, заправленный в бочку с порохом. Там русских нет и не было, там не оправдаешь наше действие угрозой рывка красных армий к Ла-Маншу.

– Я с тобою совершенно согласен. Я уже начал работать.

– Каким образом?

– Я пытаюсь создать архив, Джон. С этого начинается любая разведывательная акция.

А если мы уговорились, что новая организация разведки будет качественно новой, то есть действенной, то сбор архива на тех и на то, что меня интересует, даст нам повод к действию. И потом: именно там, на юге, я намерен опробовать еще одну свою задумку...

– Поделись.

– Дай слово, что поймешь меня верно?

– Я постараюсь понять тебя так, как нужно.

– Я намерен провести эксперимент... Я хочу сделать так, чтобы черновую работу на юге нашего континента провели наши с тобою бывшие враги. Когда американцы открыто выступили против Панчо Вильи и Сандино, нас корили этим и справа и слева. Мы не будем впредь так выступать, почву взрыхлят немцы. На них обрушатся все удары – в случае неудачи, но с нас нечего спрашивать, мы были в стороне, мы не вмешивались...

– Заманчиво, но – рискованно.

Аллен снова пыхнул трубкой, испытующе посмотрел на брата:

– Ты против?

– Я против того, чтобы это стало достоянием гласности.

– Нет, это не станет достоянием гласности.

– Станет.

– Нет.

– Гарантии?

– Я создаю группы верных людей, которые будут искать и найдут нацистов, скрывшихся от возмездия. И эти люди сделают все, что им прикажут. Всякий поиск – это архив, тот самый архив, без которого нельзя начать серьезное дело. Но вот если о том, что ты считаешь юг континента самой горячей точкой мира – и ты считаешь верно, – узнают наши противники на Уолл-стрите, вся идея с созданием централизованного органа разведки будет торпедирована на корню. Ведь они же понимают, что у тебя есть брат, не претендующий на лидерство, любящий свои трубки и предпочитающий речам – дело. Они не допустят того, чтобы наш с тобой альянс сделался фактом жизни! Прецедента такого рода – внешняя политика и новая организация разведки в руках одной семьи – не было еще в истории Штатов. Всякий прецедент опасен именно тем, что он – прецедент, то есть реальность.

...После того как в октябре сорок пятого президент Трумэн упразднил ОСС, после того как Даллес-младший организовал довольно изящную дезинформацию на Кремль, суть которой сводилась к тому, что этот жест президента Соединенных Штатов не может не вызвать ответный шаг генералиссимуса Сталина, ибо война кончена, надобность в разведывательной работе отпала, мир гарантирован единством союзников и ролью. Организации Объединенных Наций, после того как Сталин ничего не ответил на этот пассаж, – правая пресса США начала кампанию за немедленное создание «мобильного и вполне дееспособного разведывательного органа».

А уж потом конгрессмен Мундт жажнул заявление, смысл которого сводился к тому, что люди ОСС, переданные государственному департаменту, сплошь заражены бациллами коммунизма, запятнаны контактами с русскими и подлежат тотальной проверке.

ФБР получило право начать негласное расследование против трех тысяч сотрудников Отдела стратегических служб.

После этого Аллен Даллес тайно встретился с сенатором Маккарти и вручил ему документы, свидетельствующие о «связях» ведущих работников ОСС с коммунистами; Маккарти начал раскручивать колесо комиссии по расследованию антиамериканской деятельности; главное внимание было обращено – с подачи Аллена Даллеса – на антифашистов, причем не американского происхождения.

В прессе стали появляться документы о тотальном шпионаже; потребность в создании могущественного и совершенно самостоятельного разведывательного сообщества, таким образом, делалась необходимой.

Но никто в Соединенных Штатах: ни Донован, уволенный со своего поста и отправленный в почетную отставку в Европу, заместителем американского обвинителя в Нюрнбергском трибунале, ни даже Гувер, – не мог предположить, что за кулисами этой комбинации стоял Аллен Даллес, не мог, и все тут, слишком уж тонко; они привыкли к более простым решениям, подобных комбинаций планировать не умели, это ж талант, а с ним рождаются... И никто не знал, что самой глубокой, истинной, а оттого потаенной причиной, которая подвигла Аллена Даллеса форсировать разгон ОСС, было абсолютно точное видение им будущего разведывательного организма Соединенных Штатов.

Именно сейчас, в период безвременья, когда он отойдет от дел, его люди, – через цепь других людей, за поступки которых он не отвечает и никогда не сможет отвечать, – наберут такую команду, которая будет готова на все. Ни один руководитель, отвечающий за конституционно созданное правительственное учреждение, никогда бы не разрешил привлекать тех, кого привлекут сейчас; он – в стороне; он ничего не знает, он отошел от дел, его работа по борьбе с нацизмом кончилась победой, он не подписывает ни одного документа, не дает ни одной санкции на действие. Но, когда его призовут к делу, он будет обладать укомплектованной командой, которой еще никогда не было в Западном полушарии; филиалы его «ударных отрядов» будут разбросаны по всему миру; новая команда приказов не обсуждает, построена по принципу пятерок, никто никого не знает, а потому каждый готов на все. Тем более что и здесь, в Штатах, он будет в тени, всю оперативную работу возьмет на себя Роберт Макайр, а он умеет молчать, как утопленник, для этого есть весьма серьезные основания.

Личность и история... Вопрос этот весьма не прост. Попробуй, ответь на него, особенно если представишь, что могло быть с миром, не уйди столь внезапно Рузвельт, не займи его место Трумэн.

Когда личность выдвигается к лидерству, как выявление вполне закономерной тенденции, тогда история развивается так, как ей и надлежит развиваться; в том же случае, когда у руля правления оказывается человек, который поднялся вверх в результате сцепленности случайностей, тогда развитие мстит человечеству, словно бы наказывая его за пассивность, трусость и приспособленчество.

Личность и история... Ответ на этот вопрос – в достаточной степени актуальный – не дан еще наукой; успеть бы послушать ответ ученых, ибо появление случайных личностей на арене истории чревато катастрофой, и чем дальше, тем эта угроза делалась явственнее, потому что если раньше право на владычество решалось на полях битв, когда лицом к лицу сходились армии, то ныне все определяет скорость, с которой пальцы, – по приказу лидера, – опустятся на безликие кнопки, приводящие в действие те силы, которые раздирают атомы, выхлестывая их силу, сжигающим все окрест пыльным грибом смерти.

2

«Дорогой мистер Макайр!

После пятидесятилетнего путешествия по атиноамериканскому континенту я собрал достаточное количество документов (из первых рук), которые позволяют сделать вывод, что Гитлер добился совершенно феноменального успеха в своей попытке проникнуть на юг Западного полушария. В Чили, например, в тридцать пятом году существовали три экономические силы – Соединенные Штаты, Великобритания и Германия. Если на долю нашей страны тогда падало двадцать семь процентов экспорта и двадцать три процента импорта, то на долю Германии соответственно – двадцать и семь. Однако спустя год рейх поднял свой экспорт до двадцати восьми процентов, а импорт до девяти, понудив нас сдать свои позиции, поскольку наш экспорт упал до двадцати пяти процентов, а импорт до девятнадцати. Великобритании был нанесен еще больший удар. Такая же (или почти такая же) ситуация сложилась в Сальвадоре, Гватемале, Перу, Эквадоре, Колумбии. Казалось бы, после крушения нацизма положение должно было коренным образом измениться, однако, поскольку Аргентина, начиная с тридцать восьмого года, занимала на юге континента первое место по торговле с Германией, поскольку там существует более тысячи фирм, созданных на капиталы НСДАП и СС, позиции Германии – как только эта страна будет воссоздана – вновь окажутся весьма сильными.

Именно поэтому я и хочу поставить перед Вами кардинальный вопрос: в какой мере Вы санкционируете работу с немецкими колониями в Аргентине, Бразилии, Чили и Парагвае, да и санкционируете ли вы такую работу вообще?

Я долго занимался историческим срезом проблемы и пришел к довольно любопытным выводам. Дело в том, что мы, единственная страна, не имевшая разведки вплоть до сорокового года, совершенно лишены архивов, то есть **резерва** для привлечения к сотрудничеству возможных друзей нашей системы. Это пока еще – подчеркиваю, пока еще – восстановимо, если вы сочтете возможным поручить аналитикам исследовать документацию, хранящуюся в Пентагоне и ВМС, связанную с акциями на юге континента, начиная с 1890 года, тогда наш корабль “Таллапуза” пришвартовался в Буэнос-Айресе в связи с революционными волнениями и внес свой весомый вклад в стабилизацию положения в стране.

Никак не исследованы документы адмирала Бенхайма, который возглавил нашу эскадру, принимавшую в 1894 году участие в боях против повстанцев; никто не изучал материалы о десанте в Никарагуа с крейсеров “Марлбхэд” и “Коламбия” в 1898 году; ни в ВМС, ни в Пентагоне (как мне сказали) нет информации (то есть наверняка она существует неразобранной, в архивах, валяющихся в сырых помещениях) об отряде наших гардемарин, выезженных в 1905 году в Гондурасе с эсминца “Мариэтта”. В ВМС кое-что есть о нашем десанте в Панаму, когда мы удерживали эту территорию в 1903–1904 годах; не исследованы контакты наших военных моряков с коренным населением Доминиканской республики во время десанта морской пехоты с эсминцев “Детройт”, “Янки”, “Ньюарк” и “Хатфорт”. Поскольку мы довольно прочно обосновались тогда в Санто-Доминго, необходимо поднять все корабельные книги о том, где дислоцировались наши люди в городе, в каких домах; фамилии хозяев, род занятий, родственники, дети. Я не убежден, что мы достаточно серьезно исследовали наши контакты на Кубе, а их было множество в период с 1906 по 1912-й, когда мы завершили операцию по высадке наших войск на остров договором о предоставлении нам военной базы Гуантанамо. А контакты на Гаити, столь необходимые ныне? А Доминиканская республика? Всего тридцать два года назад, в 1914-м, мы нашли в себе мужество вмешаться в конфликт и бросить эсминец “Мачиас” на подавление революционного бунта. Кто об этом помнит? Борьба против левых в Никарагуа, когда мы были хозяевами положения в течение семи лет, с двадцать шестого по тридцать третий год? Я не убежден, что Самоса до конца искренен с нами, все-

таки его нацистские симпатии так сильны, что верить в его сориентированность только на нас весьма рискованно. Его удар по немецким колонистам в стране после начала Второй мировой войны был продиктован отнюдь не его верностью нашим антигитлеровским принципам, но лишь желанием забрать себе плантации, принадлежавшие немцам. Немецкие колонисты были интернированы, многие уехали в Парагвай и Аргентину, но резидентура СД и абвера работала в Никарагуа беспрепятственно, документацию по этому вопросу я подбираю, перешлю Вам со следующей почтой.

И наконец, последнее.

Исполняющий обязанности резидента в Испании Пол Роумэн, собравший серьезную информацию по Латиноамериканскому континенту и по Пиренейскому полуострову, рекрутирован в ОСС из профсоюзов, причем, как мне сказали, был весьма тесно связан с левыми элементами. Я ни в коей мере не намерен дезавуировать его мужественную работу вовремя войны в Германии, но ситуация в мире меняется, а он по-прежнему остается схоластическим идеалистом. Когда я запросил у него данные на тех немцев, с которыми у нас есть контакты в Испании, он ответил мне в том смысле, что ни с одним из нацистов служба не намерена поддерживать связи, дабы не компрометировать те демократические идеалы, на которых состоялись Соединенные Штаты. Естественно, после этого я не считал возможным делиться с ним моими соображениями о необходимости работы среди немцев, которые поселились на юге континента. Видимо, было бы целесообразнее переместить Роумэна куда-либо в другое место, туда, где его идеализм не будет препятствовать делу. Промедление – смерти подобно; каждый упущенный день работает против нас, ибо Лондон не сидит сложа руки, да и немцы рассчитывают на то, что в ближайшие годы ситуация в Европе изменится таким образом, что демократиям придется пойти на альянс с консервативными элементами Германии. Следовательно, Латинская Америка делается сейчас опытным полем возможного сотрудничества. Вдали от европейской шумихи, на здешних бескрайних просторах такого рода эксперимент можно проводить обстоятельно и спокойно – в расчете на далекое будущее.

Жду ответа; как всегда, Ваши рекомендации являются бесконечно ценными, определяющими настрой дальнейшей работы.

Искренне Ваш Джон Джекобс».

3

«Дорогой Аллен!

Я хотел бы показать Вам для ознакомления любопытное письмо Джона Джекобса, брата Эрла, руководителя ИГТ в Испании.

Ваш Макайр».

4

«Дорогой Макайр!

Вы ознакомьте меня со всеми любопытными письмами, когда я стану Вашим начальником. Пока же я скромный адвокат из “Салливан энд Кромвэлл”. Дерзайте!

Ваш Аллен Даллес».

5

«Дорогой Макайр!

Я долго раздумывал, прежде чем сесть за это письмо. Вы знаете, я всегда старался быть подальше от начальства и поближе к практике нашей борьбы против коричневого ужаса; при всех моих недостатках именно это качество я причислял к тем немногим достоинствам, которыми меня наградил Бог. Многое из того, что происходит сейчас, я считаю неверным, и это мое право, согласитесь. Я выполняю свой долг, руководствуясь, основополагающими принципами нашей демократии, но если мое понимание справедливости вступит в противоречие с теми понятиями, которые начинают брать верх, сочту своим долгом начать борьбу против нечестности. Однако, прежде чем начать драку, я бы хотел выслушать Ваше мнение.

Дело в том, что Джон Джекобс, который сейчас живет в Буэнос-Айресе (его брат Эрл возглавляет “наше” мадридское ИТТ), вылетая оттуда в другие регионы континента, подчеркнуто заявляет себя Вашим личным представителем. Но это бы полбеды. Ужас заключается в том, что он пытается привлечь к работе в Аргентине немцев, которых я по-прежнему полагаю нашими главными врагами. Речь идет не о тех, которые эмигрировали туда, спасаясь от Гитлера, нет, совсем наоборот, ибо именно тех немцев он считает подозрительными, “красными”. Он ищет устойчивых контактов с теми, кто был откомандирован сюда гитлеровцами еще до войны, а также с теми, кто ныне скрывается здесь от возмездия. Я разворачиваю нашу работу в Испании (надеюсь, и во всем испаноговорящем мире) так, чтобы выявить всех нацистов, подготовить условия для их выдачи правосудию, а Джекобс, наоборот, предпринимает все возможное, чтобы привлечь их к **доверительному** сотрудничеству. (Я, кстати, намерен проверить, не ведет ли аналогичную работу в Испании его брат Эрл.)

Отсюда мой вопрос: это его личная инициатива или же он развивает свою активность, исходя из Ваших рекомендаций?

Искренне Ваш Пол Роумэн»

6

«Полу Роумэну.

Дорогой Пол!

Я был очень рад получить Ваше честное письмо, исполненное гражданского мужества и столь обычной для Вас открытости.

Конечно же активность Джона Джекобса, который отнюдь не является **моим** личным представителем (да и как он может меня представлять, если я ныне, после ликвидации ОСС, стал чиновником государственного департамента), является его личной инициативой.

Думаю, Вам известно мое отношение к нацистам.

Тем не менее обещаю потребовать у Джона Джекобса самого подробного отчета о том, что он на самом деле делает в Аргентине. Вы же знаете, сколь обычны фантазии отдельных чиновников, особенно тех, которые больше думают о личном успехе, чем о торжестве нашего дела, а оно очень просто, но поэтому чрезвычайно трудно: защита демократии от угрозы тоталитаризма, откуда бы она ни исходила. В этом смысле мы обязаны использовать все возможности в нашей борьбе, но отнюдь не такие, которые могут нанести урон престижу страны и дела.

Советовал бы Вам пока что никак не вмешиваться в работу Джекобса – во всяком случае до тех пор, пока я не получу его объяснений.

Искренне Ваш Макайр».

7

«Джону Джекобсу.

Мой дорогой мистер Джекобс!

Ваше письмо показалось мне чрезвычайно интересным. Вы хорошо и перспективно мыслите, Ваш поиск представляется мне весьма и весьма обнадеживающим. Дерзайте! Однако постоянно думайте о престиже нашей страны, внесшей главный вклад в победу над коричневым ужасом гитлеризма.

Дружеский совет: работайте автономно, прервите контакты с посольством. Зря Вы сердитесь на Пола Роумэна; прекрасный человек и мужественный солдат, он – и это вполне допустимо – может быть в плену умирающих концепций; я не сбрасываю со счетов и самую обычную человеческую ревность. Тем не менее я питаю к этому ветерану уважение и симпатию. Вы примкнули к нашей деятельности, когда битва с нацизмом и японским агрессором была закончена, не Ваша вина, что Вы не знаете всех заслуг Роумэна; рано или поздно страна воздаст ему благодарственную память. Его былая близость к левым не может ставиться ему в вину, ибо она бездоказательна, а мы живем в условиях такой демократии, которая всегда отвергала и будет отвергать оговор как метод борьбы с политическим оппонентом. И еще: поскольку Вас рекомендовала на службу банковская группа Дигона, всячески избегайте того, чтобы Вас могли упрекнуть в **работе** не на того **хозяина**. Это козырь в руки тем, кто является противником того дела, которому мы с Вами служим.

Жду Вашего подробного и развернутого доклада. Посылать его через посольство не следует. Найдите возможность еще раз встретиться с руководителем ИТТ в Аргентине мистером Арнолдом, он знает о Вашем визите, и обговорите с ним формы сотрудничества. Думаю, ИТТ и впредь будет вполне надежным партнером в нашей дальнейшей работе.

Искренне Ваш

Роберт Макайр».

8

«Джозефу Маккарти. Сенат США.

Мой дорогой Джозеф!

Хочу поздравить Вас с тем, что теперь именно Вы курируете комиссию по борьбе с антиамериканской деятельностью. Никто другой не смог бы наладить эту благородную работу – столь сейчас нужную, – кроме Вас. Это не комплимент, а констатация реальностей.

Поскольку, как я знаю, Ваши связи с Эдгаром¹⁹ носят дружеский характер, просил бы Вас попросить у него всю информацию на Пола Роумэна, работающего ныне в нашем посольстве в Испании. Дело в том, что наш с Вами любимец Билл²⁰ привлек его к сотрудничеству еще до начала войны, из числа тех, кого они рекрутировали в левом лагере. То, что было совершенно необходимо в сороковом году, сейчас подлежит переосмыслению.

---

¹⁹ Эдгар – Эдгар Гувер, директор ФБР.

²⁰ Билл – Уильям Донован, бывший директор ОСС.

Я просил бы Вас выполнить мою просьбу тактично, в высшей мере аккуратно, потому что Роумэн по праву считается одним из наиболее талантливых и мужественных разведчиков, а такие люди – поверьте, я говорю это вполне профессионально – обладают особой чувствительностью и ранимостью.

Если у Эдгара есть какие-то тревожные материалы, мы могли бы встретиться и обсудить ряд возможных шагов.

Ваш ответ я бы предпочел получить при личной встрече, в такого рода деле документ порою оборачивается против дела.

Сердечно Ваш Аллен Даллес».

9

«Тому, кого это касается! Эдгару Гуверу
Весьма конфиденциально! Директору Федерального бюро расследований

Дорогой Эдгар!

Вы обладаете уникальным даром формулировать задачу так коротко и емко, что я не перестаю восторгаться Вами.

Совершенно согласен, что мы никогда не наведем порядок дома, если не стукнем по носу левых во главе с коммунистами – как нашими, американскими, так и теми, кто приехал сюда во время войны, вроде всех этих Брехтов и Эйслеров, То, что они пишут, печатают и снимают в Голливуде, есть открытый вызов нашим традициям, гимн чуждой нашему народу доктрине коммунизма. И происходит это при равнодушном попустительстве администрации, Хватит!

Я сформулирую задачу круче и бесстрашней: необходим общенациональный процесс над врагами, который докажет доверчивым американцам, что в стране зреет заговор, который обязаны пресечь истинные патриоты Америки.

Совершенно согласен с Вами, что пора готовиться к смертельной схватке. Я буду глубоко признателен, если Вы позволите мне и моим наиболее близким друзьям из Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности познакомиться с Вашими досье, в которых собраны избобличающие левых материалы.

После этого я намерен снести с Алленом Даллесом и обсудить с ним то, что меня более всего интересует, а именно: каким образом европейские центры большевизма организуют свои боевые пропагандистские группы для проникновения на наш континент? Аллен недавно заметил, что целый ряд сотрудников ОСС, оставшихся на государственной службе, по-прежнему поддерживает тесные контакты с левыми в Европе, которые они наладили с ними, когда те были в подполье. Они поэтому великолепно знают, как **работать** против государственной идеи, они, наконец, увенчаны лаврами “антифашистских борцов” и, что самое устрашающее, организованы в **легионы**, Эдгар! Я испытываю страх перед их постоянным, скрытым, шуршащим присутствием!

Поэтому, если наше содружество оформится в некий необъявленный блок: Гувер – Даллес – Маккарти, убежден, мы сможем вылечить нашу прекрасную родину от той болезни, которой она насильственно заражена людьми чужой крови, чужой идеи, чужой традиции.

Сердечно Ваш

Джозеф Маккарти, сенатор США».

10

«Совершенно конфиденциально!»

Аллену Даллесу
“Салливэн энд Кромвэлл”,
Уолл-стрит, Нью-Йорк, США

Дорогой Аллен!

Со свойственной ему эффективностью Джозеф Маккарти поддержал все то, о чем мы с Вами говорили.

Как я понял, Джозеф намерен начать с чужих. Я передам ему материалы по Брехту и Эйслеру, они впечатляют. Однако эти люди имели кое-какие связи с Вашими коллегами по ОСС, с Полом Роумэном, которым Вы интересовались, в том числе.

Был бы глубоко признателен, если бы Вы нашли время для того, чтобы мы вместе позавтракали. Какие-то вещи стоит обсудить с глазу на глаз, они того стоят. Никто, кроме Вас, не умел организовать такие комбинации, которые будут занесены в хрестоматии политической борьбы XX века. Пришло время думать о новых комбинациях. Вне и без Вас они невозможны.

Искренне Ваш

Эдгар Гувер, директор ФБР».

11

«Совершенно секретно! Генералу Гелену.
В одном экз. Мюнхен, Рихардштрассе, 8

Уважаемый господин генерал!

Отправляю данные по Аллену Даллесу за прошлую неделю, полученные оперативным путем.

1. Последние шаги, тайно предпринятые м-ром Даллесом против бывших работников ОСС, скорее всего, продиктованы его желанием провести “черновую работу” по перевербовке видных офицеров политической разведки РСХА и тех, кто с ними тесно сотрудничал в борьбе против большевизма, именно в то время, пока он отошел от работы в ОСС, став частным лицом. Пока левые, работавшие в ОСС, не будут ошельмованы и удалены из секретных служб США, такого рода деятельность может стать достоянием гласности, что нанесет трудно поправимый ущерб престижу семьи Даллесов.

2. Следует предполагать, что м-р Даллес намерен “копить” резерв “ударной агентуры”, который он предполагает ввести в активную работу накануне того часа, когда вернется к активной государственной деятельности.

3. Видимо, этим же следует объяснить и то, что м-р Даллес предпринял ряд шагов в Нюрнберге, целью которых является нажим на тех, от кого зависит судьба обвиняемых президента Рейхсбанка Ялмара Шахта, вице-канцлера фон Палена и заместителя рейхсминистра пропаганды, главного эксперта по коммунизму Науманна.

4. Главным “контактом” м-ра Даллеса следует считать Роберта Макайра, исполняющего обязанность начальника разведки государственного департамента. Установить причины, по которым м-р Макайр столь фанатично предан м-ру Даллесу, пока что не представилось возможным.

СВ-722».

Макайр

...Лето сорок второго года в Мадриде выдалось знойное и безветренное; ни единого дождя за три месяца; листья были серые, пыльные; в июле они казались ноябрьскими, жалкими, вот-вот облетят.

И люди были подобны листьям, такие же пыльные, **скрученные**, серолицые. А уж на тех, кто выстаивал очередь к воротам американского консульства, прикрыв голову газетой, и вовсе смотреть было тягостно; стояли, однако, по несколько часов на солнцепеке, тихо стояли, стараясь не вступать в разговоры друг с другом, хотя надежда была у всех одна: получить заветную американскую визу и уехать к чертовой матери из этой сошедшей с ума Европы, где все катилось в пропасть и каждый новый день сулил горе и ужас.

Очередь порою казалась каким-то живым саморегулирующимся существом: стоило одному войти в здание консульства, как люди делали два, а то и три шага, подталкивая друг друга, только бы поскорее приблизиться к заветным воротам; казалось бы, логика должна была подсказать людям, что нецелесообразно потно жаться друг к другу, вошел лишь один человек, нет смысла делать два, а то и три шага, но если и один-то человек довольно слабо поддается посылам разума (а потому большую часть поступков в жизни делает благодаря эмоциональным, порою совершенно слепым, импульсам), то людская толпа живет чувством, логика противна ей, вступает в действие неуправляемый, стадный инстинкт, особенно когда ситуация экстремальна, но нет лидера и никто не выкрикивает сдерживающие слова команд.

Поэтому когда к воротам подошел такой же пыльный человек, как и те, что стояли в очереди, и взялся за ручку двери, толпа змееподобно подалась вперед, инстинктивно отсекая чужаку путь в то заветное, чего ждали все. Если бы он подъехал на машине, был одет в костюм с галстуком, никто бы и не шелохнулся: прошел представитель другого мира, какой-то инопланетянин; разве им можно стоял в очереди? Она, эта молчаливая змея, нами создана, нами управляема, нам одним и служит.

Однако человек сказал тем, кто потно отжимал его от дверной ручки, фразу на английском, из которой явствовало, что он – американец, идет сюда по делу и к их ожиданию никакого отношения не имеет.

Английскому языку и напору, с каким была произнесена фраза подчинились, не стали даже кричать, чтобы человек показал паспорт; доверие или, наоборот, ярость толпы рождается в первую секунду общения с чужаком, с тем, кто хочет быть сам по себе, независимым от неписанных законов общности обездоленных. Если толпа поверила – все в порядке; нет – разговоры бесполезны, не переубедишь, тут только пулеметы могут навести порядок, слово – бессильно.

Человеку поверили, он открыл дверь и сказал солдату, стоявшему у входа:

– Вице-консул ждет меня.

Но вице-консул его не ждал, да и не был он американцем, и пришел сюда с тем же, с чем стояли люди в очереди: с просьбой о въездной визе. Однако в отличие от тех, кто вошел в здание консульства, он не стал заполнять множество страниц обязательных анкет, чьи вопросы казались устрашающе-многозначительными, а обратился к белозубой секретарше с вопросом, где он может найти второго вице-консула мистера Роберта Макайра.

– Но он не занимается выездными делами, – ответила девушка, – у него совершенно иные вопросы.

– Я знаю, – ответил посетитель, – именно поэтому его и ищу.

Он действительно знал, что Макайр представляет в консульстве организацию генерала Донована, ОСС. Он обязан был знать это, потому что именно от этого человека зависела его дальнейшая жизнь, ибо информация – мать успеха.

– Здравствуйте, – сказал он, войдя в маленький, без окон, кабинет, где главными предметами, сразу же бросавшимися в глаза, были громадный старинный сейф, мощный радиоприемник и кондиционер, врезанный во внутреннюю дверь, которая вела в другие комнаты. – Позвольте представиться... Я – Вальтер Кохлер, сотрудник абвера. Мне предписано получить американскую визу, обосноваться в Соединенных Штатах и организовать передачу военно-стратегической информации на гамбургский центр организации моего шефа адмирала Канариса.

– А почему вы решили, что меня интересуют работники абвера? – спросил Макайр, включая приемник. – Я занимаюсь вопросами культурного сотрудничества между Штатами и Мадридом, вы, видимо, ошиблись дверью...

– Мистер Макайр, вашу фамилию я услышал в абвере, только поэтому и решил обратиться к вам.

– Ну, знаете ли, – усмехнулся Макайр и, поднявшись из-за стола, начал прохаживаться по комнате, не предложив Кохлеру садиться, – к нам приходят десятки агентов абвера, сулят открыть секреты рейха, но мы их выставляем за дверь, потому что они никакие не агенты, а самые обычные эмигранты, стремящиеся любыми путями, как можно скорее попасть в Нью-Йорк.

– Но я пришел не с пустыми руками, – сказал Кохлер. – Я пришел с доказательствами.

По-прежнему прохаживаясь по кабинету (Макайр таким образом силился унять охватившее его волнение: ни разу, ни один человек пока еще не приходил в консульство с такого рода признанием, он сказал неправду, но он сказал ее умышленно, намереваясь затянуть посетителя в беседу, навязав ему свой ритм и стиль разговора; это же такое дело – если, конечно, Кохлер говорит правду, – о котором через час узнают в Вашингтоне, это такая операция, которая сразу же сделает его имя известным администрации, путь наверх, к известности и карьере), вице-консул сказал:

– Ну что ж, давайте посмотрим ваши доказательства.

Они, эти доказательства, оказались абсолютными: Кохлер выложил на стол микропленки с инструкцией по сбору передатчика, написанные симпатическими чернилами позывные рации и время работы, а также рецепт для производства такого же рода чернил на месте.

– Ну, хорошо, – сказал Макайр, отодвигая микропленку, – все это, конечно, интересно, но какие деньги вам дали в абвере? Вы ведь не рассчитываете зарабатывать в Штатах своим трудом на шпионскую деятельность?

– Во-первых, она невозможна, потому что я – убежденный антифашист, – ответил Кохлер. – Моя семья подвергалась преследованиям со стороны нацистов за то, что я возглавлял церковную общину в Утрехте, и лишь поэтому я сделал вид, что соглашаюсь на их предложение... Во-вторых, они снабдили меня деньгами, – и он положил на стол шесть тысяч долларов.

Это был первый эмигрант, который предъявлял американцам такие деньги; это и убедило Макайра окончательно в том, что ему в руки свалилась удача, о которой он не смел никогда и мечтать.

– Покажите ваш паспорт, – сказал он.

– Пожалуйста, – ответил Кохлер.

Макайр пролистал фанеру, бросил ее в письменный стол, открыв его ловко, как кассир – конторку, куда сгребает серебряную мелочь, снова походил по кабинету, а потом сказал:

– Сейчас мы начнем собеседование... Думаю, лучше, если мы сразу же станем записывать ответы на вопросы... А в конце мы продумаем, как вам сделать свое заявление... более убедительным, что ли...

– А в чем оно сейчас кажется вам неубедительным, мистер Макайр?

– Его неубедительность видится мне в его неподготовленности.

– То есть, – помог ему Кохлер, – вы хотите, чтобы ваши вопросы подвели меня к признанию?

Макайр внимательно посмотрел на Кохлера, ничего не ответил, кивнул на стул; тот аккуратно присел, сложив маленькие, пухлые руки на округлых коленях.

– Вы предлагаете мне делать липу, – сказал Макайр наконец. – Зачем?

– Какую липу? – Кохлер вскинул руки. – О чем вы?! Я занимался коммерцией, у меня в Утрехте был маленький ювелирный магазинчик, я пытался иметь бизнес с американцами, я знаю, что вы всегда думаете о том, чтобы выгоду получали обе стороны, что в этом плохого?! Вот я и предложил...

– Давно приняли католичество?

– Я всегда был католиком...

– А отец?

– Тоже.

– Он принял крещение?

Кохлер мелко засмеялся:

– Вы думаете, я еврей? Нет, я не еврей, просто я неплохой коммерсант, мистер Макайр...

... Через два дня Макайр отправил в Вашингтон шифротелеграмму о том, что он перевербовал агента абвера, который пришел именно к нему, поскольку в гамбургском центре Канариса ему удалось получить информацию о том, что наиболее сильным контрразведчиком в аппарате Донована, работающим на Пиренеях, там считают именно Макайра.

Вскоре после этого Макайр вернулся в Штаты, был отмечен наградой и, помимо других дел, которые ему поручил Донован, начал готовить дезинформацию для Кохлера. Для этого он был командирован в Швейцарию, к Аллену Даллесу, рассказал ему о перевербовке, тот был совершенно покорен логикой, силой и жесткостью молодого коллеги, всячески его – в дальнейшем – отмечал, ставя в пример молодым сотрудникам ОСС. Поддерживал он Макайра также и потому, что тот стал любимцем директора ФБР Эдгара Гувера; старик поручил своим паренькам, работавшим с Кохлером, консультировать каждый свой шаг с Макайром, потому что «этот человек по справедливости может считаться восходящей звездой нашей разведки».

Кохлер тем временем получил хороший номер в нью-йоркской гостинице, и агенты ФБР начали – от его имени – гнать информацию на Гамбург. Оттуда приходили радиogramмы, полные благодарности, подчеркивалось, чтобы агент соблюдал максимум осторожности, поскольку его работа вносит огромный вклад в дело борьбы против американского финансового капитала, Уолл-стрита и большевистского интернационала Москвы.

Однако Кохлер обратился к своим шефам из ФБР и попросил их выполнить то, о чем он уговорился с Макайром в Мадриде:

– Ни я, ни вы не знаете, – сказал он, – есть ли здесь другие агенты абвера и СД. Я думаю – есть. А поскольку все они подобны скорпионам в банке, я не чувствую себя в безопасности ни единого часа. Необходимо прикрытие. Это гарантирует меня от выстрела в затылок. А потом такого рода прикрытие поможет нам в оперативной работе: кто знает, может, кто из агентов рейха клюнет на меня...

– Какого рода прикрытие вы имеете в виду? – спросили его люди ФБР.

– Радиомастерскую в Нью-Йорке. Это совершенно логично с точки зрения Канариса: агент, который гонит информацию из вражеского логова, пустил корни и подстраховался легальной работой.

Люди ФБР обратились за консультацией к Макайру, потому что мнения в окружении Гувера разошлись, часть сотрудников выступала против такого рода комбинации, рискованно; однако Макайр поддержал Кохлера. Ему купили радиомастерскую в Бронксе, бизнес пошел на лад, Кохлер совершенно не интересовался тем, что гонят от его имени на абвер, веселился, куролесил, но несколько раз так ловко оторвался от наблюдения, что в штаб-квартире ФБР

объявили тревогу; сняли ее лишь через восемнадцать часов – после того, как голландец вернулся в отель, совершенно измученный, с синяками под глазами; решили, что дох у проститутки, так, видимо, и было. На самом-то деле был он не у проститутки, а на связи с агентом абвера, который был внедрен немцами на химическое предприятие, входившее в состав концерна «Дженерал электрик».

Три раза он отрывался от наблюдения ФБР за два года его работы – вплоть до апреля сорок пятого – и три раза получал информацию, носившую чрезвычайный характер, связанную с атомным проектом.

Когда передовые части американской армии захватили архив абвера, люди Даллеса сразу же начали исследование всех донесений немецкой агентуры, которые были переданы из Соединенных Штатов и Канады, на Гамбург.

Наиболее интересную информацию сразу же докладывали Даллесу – это было в порядке вещей и не вызывало чрезмерной ревности Пентагона, потому что к этому времени Аллен по справедливости считался самым знающим человеком из всех, кто был занят во время войны делами рейха.

Именно он и натолкнулся на странное несоответствие в радиограммах от Кохлера: большая часть была зашифрована теми цифрами, которые голландец передал Макайру (они были записаны симпатическими чернилами между строк в молитвеннике, напечатанном на голландском языке); эти сообщения, отправленные людьми ФБР, научившимися копировать почерк перевербованного агента, рассказывали о том, какие части готовятся к отправке на континент, о новых соединениях флота США, комплекующихся на Западном побережье, и о том, кто из высших офицеров будет возглавлять те или иные дивизии. Информация была вполне корректной, она не могла вызвать подозрений в абвере. Однако те радиограммы, которые хранились в личном деле Кохлера с грифом «О. В.», то есть «очень важно», были зашифрованы совершенно иначе, и та информация, которая была отправлена из Нью-Йорка, представляла высший секрет Соединенных Штатов, поскольку она была посвящена не чему-нибудь, но именно «Манхэттенскому проекту», то есть атомной бомбе.

Даллес похолодел, когда получил эти материалы, запер их в свой сейф, попросив сотрудников изъять из общих описей, и затребовал у своего помощника Геверница подробную информацию о том, как обстояло дело у Гитлера с проблемой «оружия возмездия», но не на основании данных американской агентуры, а из первоисточника, благо почти все архивы рейха попали в его, Даллеса, руки.

Люди Геверница провели довольно скрупулезную работу, выяснили, что проблему атомной бомбы в Германии поначалу курировал Геринг, но вермахт относился к Информации о работе над проектом в Штатах весьма скептически. Агент А-2232 сообщал еще в сороковом году, что химические заводы в Амарилло, на юге Штатов, начали особо интенсивно производить гелий и что власти страны делают все для организации максимальной секретности, связанной с выпуском именно этой продукции.

Генеральный штаб вермахта ответил Канарису, что эта информация не представляет никакого интереса, совершенно преждевременно делать выводы о том, что между производством этого газа и выработкой тяжелого урана может быть хоть какая-то связь и что информация агентуры представляет определенный интерес лишь в том смысле, насколько вообще интенсифицируется работа промышленных комплексов США.

Однако Канарис продолжал бомбардировать Кейтеля телефонными звонками, считая, что информация его агентуры представляет исключительный интерес и, как он считает, вышла к ключевому вопросу, имеющему политическое, а не только военно-промышленное значение.

Тем не менее штаб вермахта и в сорок первом году ответил Канарису, что «увеличение выработки гелия не имеет никакого отношения к развитию ядерной техники, а объяснить уве-

личение выпуска этого газа следует увеличением флота дирижаблей, принадлежащих ВМС США».

Только в сорок втором году, когда начальник разведуправления люфтваффе генерал Шмит после разговора с Герингом сообщил одному из шефов абвера Карлосу, что, по его мнению, подтвержденному справкой СС штурмбаннфюрера Вильгельма Риктера, отвечающего за «гелиевый узел атомного проекта рейха», работы в области ядерной техники в США не стоят на месте, а по мнению «исследователя Рунге, имеющего допуск к американской научной литературе, продвинулись далеко вперед». Поэтому было признано необходимым внедрить в США агентуру, целью которой было бы проникновение в тайну ядерных исследований США, если таковые действительно имеют место быть.

Именно тогда – явствовало из документов Канариса и Шелленберга – Вальтер Кохлер и был внедрен в США, причем его легенда, которую так преступно-легкомысленно принял Макайр, была сработана в абвере и дала возможность гитлеровскому агенту беспрепятственно заниматься сбором особо секретной информации, тогда как люди ФБР и Макайр, главный любимец Донована, гнали в Гамбург сущую ерунду – в надежде на то, что Берлин вышлет на связь с Кохлером целую армию своих агентов.

Даллес понимал, что, сообщив он в Вашингтон эти подробности, на карьере Макайра можно ставить крест; если он и открутился бы от военного суда, то ни о какой работе в правительственных организациях не могло быть и речи. После первой встречи с Макайром, тогда еще, в конце сорок второго, Даллес знал, что этот человек вышел из простой семьи, особым образованием не блещет, имеет крепкие челюсти, завидную напористость и мечтает о хорошей карьере. Получив информацию о том, как он, Макайр, – вольно или невольно – способствовал засылке в Штаты немецкого агента, занимавшегося шпионажем по атомной бомбе, Даллес затребовал от своих друзей в Вашингтоне доверительные данные о том, что же такое на самом деле Макайр, чем он сейчас занимается, кто его поддерживает и что его может ждать в ближайшем будущем.

Ответ он получил весьма интересный: «В настоящее время “М” переведен “Диким Биллом” в государственный департамент, где он занимается подбором, оформлением на службу и контактом с теми кадрами разведчиков, которые переведены из ОСС в дипломатическое ведомство и отправлены на работу в посольства. Можно считать, что в ближайшем будущем “М” получит внеочередное повышение; вполне возможно, что именно он возглавит весь отдел, занимающийся кадровой политикой. Новая администрация будет его активно выдвигать, поскольку он пользуется поддержкой директора ФБР Гувера, и притом отменно зарекомендовал себя на работе в нашем консульстве в Мадриде, когда именно он завербовал наиболее серьезного немецкого агента “К”, игра с которым позволила дезинформировать сначала Канариса, а затем и Шелленберга в период подготовки операции вторжения во Францию».

...Даллес уже тогда имел в голове свой план: разгон ОСС, расфасовка кадров Донована по отделам государственного департамента, министерства юстиции, Пентагона, штабов ВМС и ВВС – с тем, чтобы в последующем не только создать свою, личную разведку, но и ударить по Доновану под предлогом того, что он привел в ОСС огромное количество красных, работавших не столько на Рузвельта, сколько на Сталина.

Даллес уже тогда понимал, что дипломаты, да и политики, не смогут сделать того, что задумал сделать он: не только в Западной Европе, но и на юге Американского континента, а также и в странах, попавших в зону советского влияния. Не было, считал он, таких людей в Вашингтоне, которые бы обладали отчаянным мужеством для того, чтобы вернуть Америке утраченные позиции: и не только в Чили и Аргентине, но и в Венгрии, Югославии и Чехословакии.

Да, конечно, эта работа не вписывается в нормы общепризнанных статей международного права, но именно поэтому ему и были нужны люди, которые бы выполняли его приказы куда более рьяно, чем предписания своего непосредственного начальства. Будучи высоким профессионалом, Даллес, размышляя о категориях отправных, глобальных, никогда не чурался черновой работы; проблему оформления деловых отношений как со своими, так и с противником, который шел на контакт, полагал делом основополагающим; если ты вынужден постоянно думать о том, в какой мере контрагент верен тебе, не ведет ли двойную игру, не **отдает** ли тебя другим, серьезная комбинация просто-напросто невозможна, ибо она, по идее, должна быть подобна заговору влюбленных, абсолютное доверие друг другу, никаких сомнений в честности партнера...

Поэтому, прилетев с Геленом в Штаты, Даллес пригласил Макайра на ленч, был предельно любезен, вспоминал рискованный полет молодого коллеги в Женеву; люблю отважных людей, дождался, пока Макайр сам тронул Кохлера, и тут-то нанес свой сокрушительный удар, достав из кармана справку о том, кто такой Кохлер, чем занимался в Штатах на самом деле и какой урон мог бы нанести «Манхэттэнскому проекту», не будь Гитлер истерическим кретином, а его «паладины» – трусливыми марионетками, боявшимися сказать хоть слово, которое бы шло вразрез с чувствованиями «великого фюрера».

Макайр побледнел до синевы; Даллес заметил, что собеседник, видимо, бреется чуть ли не от самых век – так щетинист; борода бы закрыла все лицо, не скоблись он столь тщательно (видимо, два раза в день).

– Что будем делать? – спросил Даллес, не назвав его ни «мистером Макайром» – если бы понял, что имеет дело с дурнем, ни «Бобом» – как называл его всего пять минут назад.

Макайр хрустнул пальцами, что было противоестественно всему его физическому и духовному строю: тяжелый, сильный, самовлюбленный, уверенный в будущем, он сломался, пальцы крутил, словно девушка на первом приеме у гинеколога, и смотрел на Даллеса испуганными глазами, ставшими похожими на рачьи – так они были выпучены и круглы, безо всякого выражения, один лишь нервический блеск...

– Я не знаю, Аллен... Это такой ужас... Вы должны помочь мне.

– Как? – поинтересовался Даллес. – Каким образом?

– Я не знаю... Не мне вам подсказывать... Я готов на все, я...

– А на что вы можете быть готовы? На то, чтобы мы забросили вас в Японию и вы принесли сведения, что Шелленберг не переслал японцам вашу информацию? Или успокоили Трумэна, что копия ваших шифровок не попала в Кремль?

– Моих шифровок?!

– А что, Кохлера я привез в Штаты? Или Гевеверниц?

– Но я даже не мог себе представить...

– Ладно, Боб, – сказал Даллес, понявший за эти мгновения то, что ему хотелось понять, – пишите на мое имя письмо... Абсолютно честное, со всеми подробностями, не стараясь выгородить себя... Изложите дело так, как вы бы его рассказывали Богу. Завтра вечером ваша исповедь должна быть у меня. Я попробую погасить пожар. Я на вас ставил, Боб, и мне очень горько, что вы невольно сработали на руку Гитлеру... А сейчас – выше вашу красивую голову с ранней сединой! Храните улыбку и думайте о том, что у вас есть друзья, – это помогает жить.

– Но мне, право, не в чем исповедоваться, Аллен! Не думаете же вы, что за этим стояла какая-то корысть?

– Боб, только не делайте ошибки. Вы на грани того, чтобы сделать непоправимую ошибку: то есть сказать мне половину правды. Я знаю, как делают суперагентов. Я наблюдал за работами, подобными вашей с Кохлером, и смотрел на это сквозь пальцы, потому что с самого начала догадывался о случившемся и страховал моих мальчиков. Я понимаю, как страстно вам хотелось выскочить. Боб, я все это прекраснейшим образом понимаю... Но как все случилось?

На чем вас обошел Кохлер? Почему вы решили безусловно на него поставить – напишите мне об этом... В конце концов, я должен убедиться в мере вашей искренности... Вы же, надеюсь, не предполагаете, что я пойду на укрывательство врага, даже если он мне и симпатичен... Я могу простить ошибку, но не предательство.

– Зачем писать? – тихо спросил Макайр. – Вы и так все поняли... Верно поняли... Это была ставка моей жизни... Неужели вы не верите мне?

– Верю, – ответил Даллес, упершись своими мудрыми добрыми глазами в его расширившиеся зрачки. – Но мне нужна гарантия, Боб. Жизнь приучила меня страховать рискованные предприятия.

Через три дня после того, как «исповедь» была получена, Даллес встретил Макайра в государственном департаменте, встретил «совершенно случайно», обменялся рукопожатием и, не выпуская изо рта свою прямую английскую трубку, сказал так, что это было слышно только им двоим:

– Все хорошо, Боб, живите спокойно, мои друзья в курсе произошедшего... На днях свидимся, я объясню вам то, что надо будет сделать...

Он объяснил ему, что надо было делать: Макайр стал некоего рода тайным курьером между Гувером, министерством юстиции и Даллесом, причем если формально он должен был координировать акции отдела разведки государственного департаменте в плане его кадровой политики с пожеланиями, которые ему высказывались Пентагоном (подбор и расстановка военных атташе); ФБР (изучение личных дел дипломатов и разведчиков) и министерством юстиции (надзор за соблюдением законности), – то отныне он фактически работал на Даллеса, не предпринимая ни одного шага без того, чтобы не проговорить заранее все препозиции со своим спасителем.

Именно Макайр и оказался той фигурой, в которой Даллес так нуждался, замышляя свой удар по ОСС еще летом сорок пятого; как всякий талантливый разведчик он понимал, что черновую работу, связанную с риском разоблачения и публичного скандала, должен вести такой человек, который готов на все и никогда не заложит босса.

Возможность разоблачения (люди ОСС – зубасты, за себя драться умеют, особенно те, которые пришли сюда в начале войны из левого лагеря, во всем и всегда ориентировались на Рузвельта) и связанного с этим лишения заработка в государственном департаменте была соответствующим образом подстрахована: брат Макайра, вполне надежный человек, никак, ни во что, понятно, не посвященный, был приглашен на работу в ИТТ и готовился к тому, чтобы занять место директора филиала концерна в Монтевидео; помимо заработной платы, ему выделили определенное количество акций, которые он положил в банк на свое имя, хотя был уведомлен о том, что распоряжаться этими средствами должен Роберт – «в целях национальных интересов страны». Когда Макайр узнал, сколько стоят эти акции, ему стало понятно, что за всю свою деятельность в государственном департаменте, да и в любом другом правительственном учреждении, – даже если предположить, что жить он будет до ста лет и столько же лет сидеть в своем кресле, – он не сможет заработать и третьей части того, что оказалось принадлежащим ему в результате благодетельства Аллена Даллеса и тех сил, которые за ним стояли.

Штирлиц. (Мадрид, октябрь сорок шестого)

Штирлиц вылез из такси, вызванного ему Кемпом, поднялся в свой номер, удивившись тому, что старика, сидевшего на этаже, не было на месте; обычно он чутко дремал в кресле, укрыв ноги, раздутые водянкой, тяжелым баскским пледом.

Штирлиц включил свет – тусклый, уныло-пыльный, устало снял мятый пиджак, обернулся и сразу же натолкнулся взглядом на человека, который спал на его узенькой кровати, не сняв ботинок; ботинки были тупорылые, американского фасона, как и на Джонсоне. Человек действительно спал; даже хороший профессионал не мог бы так точно сыграть ровного похрапывания, неловкой позы, да и розовые помятости на лице говорили за то, что необычный гость лежит на его кровати не менее часа, а то и двух; сморило, видимо, бедолагу, пока ждал.

Штирлиц мгновение стоял возле двери, продумывая, как ему следует поступить: то ли разбудить незнакомца, то ли уйти из номера, то ли лечь спать на маленький жесткий диванчик, стоявший в закутке, возле умывальника, – туалета в номере не было, приходилось ходить в самый конец коридора: душевая была на первом этаже, каждое посещение стоило семь песет; вода шла то холодная, то горячая; ничего не попишешь, пансионат с одной звездочкой; раньше в таких жили проститутки, студенты и бедные иностранцы, приехавшие в Мадрид, чтобы изучать язык.

Он выключил свет, аккуратно повесил пиджак на спинку стула и устроился на диванчике, досчитай до ста, сказал он себе, и ты уснешь; ну их всех к черту; ты не понял, чего от тебя хотят, все слишком запутанно, никакой логики; нет, конечно же логика есть, их логика, непонятная тебе; значит, надо ждать; ничто так не помогает **превозмочь** ноющую тягость ожидания, как сон; спи.

И он уснул, словно провалился в темноту.

... На грани пробуждения Штирлиц вдруг увидел громадный луг, совершенно белый из-за того, что весь был усыпан полевыми ромашками, и по этому бело-желтому лугу шли Сашенька и Санька; она совсем еще молодая, он никогда не видел ее иной, а Санька был в немецкой форме без погон, но отчего-то босой, ступни совершенно восковые, с синими прожилками холодных, безжизненных вен; если Сашенька казалась веселой, близкой, живой, то сын – из-за этих страшных восковых ног – был весь пепельный, как бы нереальный, и вокруг его головы вился рой красной мошкар.

Он вскинулся с диванчика; было еще темно, значит, спал не больше часа; человек на его кровати сжался в комочек, положил ладонь под щеку, чмокал, словно младенец. Это сладкое чмоканье отчего-то разъярило Штирлица; он достал сигарету, закурил, тяжело затянулся и сказал:

– Слушайте, пора и честь знать, у меня ноги затекли.

Чмоканье прекратилось, человек на кровати затаил дыхание и – Штирлиц почувствовал это – спружинился.

– Вы ведь говорите по-английски, – сказал наконец человек, откашлявшись, – я плохо понимаю немецкий.

– Ложитесь на диван, я хочу поспать на своей кровати, – сказал Штирлиц. – Ноги свело.

– Я ждал вас с двенадцати, извините за вторжение... Я менял скат, именно я должен был подобрать вас на дороге, вам ведь говорили мои коллеги про голубой «форд».

– Говорили... Что ж так долго меняли скат? Я шел минут двадцать по шоссе, все ждал, когда пульт в спину.

– Я всегда стрелял в лоб, мы ж не гестапо, – человек поднялся с кровати, потянулся так, что Штирлиц услышал, как хрустнули его суставы, включил свет и, улыбнувшись, сел на стул к колченомому маленькому столику. Ранняя седина делала его лицо благородным, глаза

были круглые, иссиня-черные, умные, со смешинкой. – Это ведь я должен был накормить вас сказочным обедом. Придется дожидаться утра, пойдем сказочно завтракать.

– Вы, наверно, недавно в Испании, – заметил Штирлиц, не поднимаясь с диванчика. – Здесь отсутствует институт сказочных завтраков; в «Ритце» дают кофе и джем с булочкой, скучно; надо ждать десяти утра, когда откроются испанские таверны, только там можно полакомиться осьминогом, колбасками и тортильей...

– А сейчас только семь, – сказал человек, посмотрев на часы. – Сдохнешь с голода. Может, пока что обговорим ряд вопросов, представляющих взаимный интерес? Не против?

– Давайте, чего ж не обговорить. Вас как зовут?

– Это неважно. Мало ли как могут звать человека. Шарль. Или Магомет. Иван. Важно, что я пришел к вам с предложением. Я представляю американскую разведку и заинтересован в том, чтобы познакомиться с вами поближе. Я только что получил кое-какие данные из Вашингтона, связанные с вами и вашим прошлым. Присматривался я к вам довольно долго, пришлось поработать в немецких архивах, полнейший хаос; видимо, все-таки много документов погибло, но по фотографиям я пришел к выводу, что доктор Брунн и господин Бользен – одно и то же лицо.

– Слушайте, Магомет, – хмуро усмехнулся Штирлиц, но продолжить не смог, потому что человек вдруг переломился от смеха; смеялся он громко, заливисто, как-то по-детски; такое тоже трудно сыграть, подумал Штирлиц; у него глаза птичьи, а такие бывают у детей; глядя на то, как хохочет незнакомец, Штирлиц тоже улыбнулся, повторив: – Слушайте, Магомет, если вы все про меня знаете, то мне неудобно говорить, ничего не зная про вас. Мне за вчерашний день и сегодняшнюю ночь надоели игры. Хочу ясности.

– Будет ясность. Только сначала ответьте, куда вы исчезли с дороги?

– Сначала я выслушаю вас и в зависимости от этого приму решение: сказать вам правду или утаить ее.

– Нет, мистер Бользен-Брунн, у вас нет альтернативы, и права выбора вы лишены. Решать буду я, а не вы. – Гость достал из кармана конверт, подошел к дивану, протянул Штирлицу. – Поглядите.

Там были отпечатки пальцев, его пальцев; Штирлиц был убежден, что именно эти «пальцы» ему показывал Мюллер, когда привел в подвал гестапо и потребовал ответить на один-единственный вопрос: как эти – «пальчики» могли оказаться на чемодане русской радистки; Штирлиц, однако, ошибался; отпечатки пальцев – как это явствовало из надписи на обороте – были копией из дела «Интерпола», заведенного двадцать третьего марта сорок пятого года в Швеции по делу об «убийстве доктором Бользеном гражданки Германии Дагмар Фрайтаг».

«Но это же фальшивка, – подумал Штирлиц. – Дагмар присылала мне телеграммы из Швеции».

Он достал из конверта еще одну фотографию: Дагмар в морге, с номерком на ноге; вспышки магния холодно отражаются в белом кафеле; бесстрастные лица полицейских; рядом с ними два человека в строгих черных костюмах.

– А это кто? – спросил Штирлиц, ткнув в черных пальцем.

– Толстый – германский консул фон Риббау. Второго не знаю... Риббау полагает, что этот человек из резидентуры вашего посольства, то, что немец, не сомневается. Мы его ищем. Найдем, это точно.

– Риббау подтвердил свои слова под присягой?

– По поводу чего?

– По поводу смерти фрау Фрайтаг.

– Посмотрите внимательно все документы, там есть заключение шведов. Мы были уверены, что вы захотите получить этот документ.

- Почему?
- Потому что я собрал на вас кое-какую информацию.
- Где она?
- В нашем досье. Хотите посмотреть?
- Естественно.
- Ладно, кое-что покажем. Ну, я жду ответа.

Штирлиц поднялся с дивана, подошел к умывальнику, ополоснул лицо, чувствуя омерзительный запах хлорки (водопровод ни к черту, трубы старые, а испанцы боятся инфекций, – память о чуме живуча, нет ничего страшнее массового мора или голода, потому что толпа становится неуправляемой), травят микробов, а потом глаза; растер лицо полотенцем, аккуратно повесил его на крючок, вернулся к дивану, сел, забросив ногу на ногу, и сказал;

- Меня подобрал на дороге работник вашего ИТТ мистер Кемп.
- Американец?
- Он представился немцем. Может, натурализовавшийся немец, не знаю. Вам проверить легче, чем мне.

- Мы проверим. Что он от вас хотел?
- Того же, чего и вы. Честности и моей дружбы.

– Я вашей дружбы не хочу. Я ею брезгую, простите за откровенность. Я очень не люблю нацистов, но мне поручили встретиться с вами, накормить вас обедом и поговорить обо всех ваших прежних знакомых.

– Зачем вы показали мне эти фальшивки? – спросил Штирлиц, кивнув на фотографии и заявление консула; посмотрев, он неловко бросил их на стол, они рассыпались, лежали веером, как новенькие игральные карты.

– Чтоб вы знали, как вас ищут. Я-то бы вас выдал трибуналу, честное слово, но мои шефы считают возможным использовать вас в качестве рассказчика... Они хотят услышать ваши рассказы о былом, понимаете?

- Понимаю.
- Если вы не согласитесь, пенять придется на себя.
- Выдадите трибуналу?
- После нашего разговора, – если он будет носить вербовочный характер – это уже невозможно.

- Что же тогда делать? Пиф-паф, ой-ой-ой, умирает зайчик мой?
- Что, что?

– Есть такая сказочка про бедного зайца, ее хорошо перевели на немецкий, а я постарался дословно пересказать на вашем языке...

– Дословно – не получится. В дословном переводе отсутствует личное начало, а без личности любое дело обречено на гибель.

- Верно.
- Что вам предлагал Кемп?
- Предлагал работу в ИТТ.
- В качестве кого?
- Переводчика.
- Хм... странно... Кто он такой?

Если у Кемпа воткнута аппаратура прослушивания, подумал Штирлиц, они будут иметь расшифрованный разговор к девяти утра, ребята умеют ценить время. Если же у него дома чисто, тогда мне невыгодно говорить все; две силы – не одна, есть возможность маневра, если только он не продолжает игру, заранее проговоренную с тем же Кемпом.

- Немец. Как я. Вроде бы инженер...
- Давно он здесь?

- Спросите в ИТТ, возможно, он мне все врал.
- В ИТТ мы спросим конечно же, только вот что странно: работу переводчика на этой фирме должен был предложить вам я, а никакой не Кемп. Где тут у вас телефон? У деда?
- Да.
- Я должен позвонить.
- Не будите своего шефа, еще рано... Рассердится...
- Шеф я. Будить намерен помощника. Портье понимает по-английски?
- А вы его сами спросите.

Человек снова переломился от смеха – он как-то внезапно переламывался, словно наткнулся на невидимый шнур; продолжая беззвучно смеяться, вышел из номера, положив на стол еще один конверт.

Штирлиц раскрыл его: там лежал паспорт гражданина Никарагуа на имя Максими Брунна с видом на жительство в Испании; триста долларов; визитная карточка, на которой было имя Эрла Джекобса, Мадрид, ИТТ, генеральный директор. Ватиканской липы, которую вчера отобрал полицейский на улице, в конверте не было; странно.

«Что им от меня надо? – устало подумал Штирлиц. – Являются ли Кемп, этот хохотун и вчерашний Джонсон звеньями одной цепи? Да, бесспорно. А зачем уловки? Условия игры? Так, считают они, полагается? Надо меня запутать? Но ведь я понимаю, что они меня путают. Верно, я понимаю, только они могут не понимать этого. Они же не знают меня. Они получили какие-то архивы, но разве можно до конца понять человека на основании одних только архивных данных? Нет, конечно. Хорошо, но ведь им мог рассказать про меня Шелленберг. Мог, но англичане никому не отдадут свою информацию, даже самым близким союзникам, да в общем-то и правильно поступят; что знают двое, то знает и свинья. Не пытайся облегчить жизнь, – сказал себе Штирлиц, – к американцам могли попасть Айсман, – Холтофф, Хёттль, эти работали со мной, у них нет против меня улики, но они имеют представление о моей манере думать, говорить и делать; три разных характера, вполне достаточно для того, чтобы набросать мой психологический портрет... Хотя почему только три? А люди, которые работали с Кэт на конспиративной квартире? А Троль, который знал ее и меня? А Шлаг, с которым мы расстались друзьями и который знает, кто я есть на самом деле. А может быть, все же рискнуть? И сказать прямо и открыто: “Хватит, ребята, в конце концов, мы союзники, сообщите вашему послу в Москву для передачи Кремлю, что полковник Максим Максимович Исаев жив и ждет возвращения домой”. Нет, это можно было сделать в прошлом году, летом еще, когда я был недвижим, а сейчас, особенно после того, как они затеяли **штуку** с Фрайтаг, такое невозможно... Соглашайся, со всем соглашайся, но за одну лишь плату: требуй расследования обстоятельств убийства Фрайтаг. Докажи, что это работа Мюллера, чья же еще, ему надо было обезопасить себя на случай моего бегства к нейтралам, ясно, зачем он это сделал. Он мог не верить Фрайтаг, мог бояться, что я сделал ее своей, но главное, что его пугало, – это мой уход из рейха. Он страховался. Они умели страховаться кровью невинных людей, возлагая вину за это на того, кто им нужен. Если этот американец откажется выполнить это условие, тогда надо слать все к черту; здесь, в пансионате, они меня вряд ли станут убирать, слишком шумно; есть час-два на поступок. Идти в метро, отрывать от слежки, любым путем оторваться от слежки и бежать к французской границе. Как угодно, только туда. Где подбросит попутная машина, где автобус. Идти проселками, подальше от шоссе. Главное – идти, движение есть то единственное, что может спасти от ощущения безнадежности. Во всяком случае, это выход. Грязным даваться нельзя, они тогда могут сунуть меня в любую гадость, не отмоешься. И не успокаивай себя Лойолой, его словами, что цель оправдывает средства... Да, но как ты, именно ты докажешь свою непричастность к убийству Фрайтаг? В архивах не может быть рапорта исполнителя. Такое вряд ли фиксируется. Но в архиве могут быть отчеты шофера Ганса, которого потом убили люди Мюллера, чтобы замазать меня кровью несчастного парня... В архиве должен быть его рапорт о том,

что мы с ним отправили Фрайтаг в Швецию и она стояла на борту парома и махала мне рукою, долго, как-то незащитно, очень нежно; все-таки в людях, осужденных на гибель, заранее прочитывается обреченность... Да, это один путь. Второй путь для доказательства моего алиби – экипаж парома; судно шведское, те, кто работал там полтора года назад, должны по-прежнему плавать из Германии к себе домой... Пусть американцы опросят тех, кто видел, как я ходил по пирсу, там еще стояла моя машина, как я прощался с женщиной, которая плакала, стоя на борту. Я тогда был один на пирсе, шел дождь, машина стояла вдалеке, но с парома ее видели; тогда» из рейха практически никто не уезжал в Швецию, границы были перекрыты, весь народ сделался заложником, чтобы фюреру было не так страшно погибать одному... Наверняка меня запомнили. Я назову точную дату. Я заставлю себя вспомнить лица тех членов экипажа, мимо которых я проходил из каюты первого класса к сходням... Я должен настроиться на тот день, собраться, посмотреть это кино в моей памяти и описать тех, кто там был тогда».

Американец вернулся, в задумчивости сел к столу, внимательно посмотрел на Штирлица, хмыкнул и, повертев головой, чтобы размять шею, спросил:

– Ну как?

– Прекрасно, – ответил Штирлиц. – А у вас как? Помощник не сердился?

– Сердился. Костил меня последними словами. Ничего, он отходчивый. Ну, что надумали? Как мое предложение?

– Оно интересно. Но я не приму его, если вы не поможете мне доказать, что это, – Штирлиц тронул мизинцем фотографии мертвой Дагмар, – грязная фальшивка, сработанная против меня шефом гестапо Мюллером.

– Вы же с ним хлебали из одного корыта. Какой ему смысл было вас марать?

– Прямой. Я расскажу об этом после того, как вы примете мое условие. Я не стану рассказывать вам мою историю, как мелкий уголовник, оказавшийся в камере рецидивистов. Только мелюзга ублажит старых бандитов. А это против моих правил.

– Зато это по моим правилам.

– Ну, тогда и играйте с самим собой по вашим правилам. Только сначала заберите весь этот мусор, – Штирлиц подвинул на краешек стола паспорт, фотографии, отпечатки пальцев, деньги и визитную карточку Эрла Джекобса, – и закройте дверь комнаты с другой стороны.

– Не надо зарываться, – глаза у человека сузились, ничего птичьего не было в них, крохотные щелочки. – Постарайтесь никогда не забывать, что вы – грязный нацистский бандит.

– К которому вы, чистый демократ и борец за свободу, пришли с предложением сотрудничества.

– Не надо дразнить меня. Я сверну вам челюсть, я это умею делать, потому что работал в профессиональном боксе.

– Это очень демократично, когда профессионал бьет больного человека. С таким демократизмом вас бы с радостью взял в свою личную гвардию рейхсфюрер Гиммлер, он ценил профессионалов.

– Не зарывайся, скотина.

– Вон отсюда, – негромко, очень спокойно сказал Штирлиц. – Вон! Или я разбужу весь этот клоповник. Мои соседи торгуют краденым, они не любят легавых, какой бы национальности они ни были. Уходите, иначе будет шум. Вам этого не надо. А я уже ничего не боюсь.

– Вы все боитесь за свою вонючую нацистскую шкуру...

– В каждом правиле бывают исключения, – заметил Штирлиц, поняв, что у них нет ничего, кроме этих его «пальцев»; ни Айсмана нет, ни Хёттля, ни Рольфа, ни Холтоффа, ни Шлага; если бы они были у них, этот парень говорил бы иначе, не держат же они у себя кретинов, умная нация, сильное государство, ценят ум.

– Что вы этим хотите сказать? Пытаетесь заправить информацию, будто поддерживали героев покушения на Гитлера? Спасали евреев? Передавали секреты бесноватого Белому дому или Кремлю?

– Заправляют рубашку в брюки. Информацией обмениваются.

Глаза снова стали круглыми; засмеялся, но не сломно, как раньше; похохатывал, внимательно глядя на Штирлица.

– Значит, если я попробую разобраться в деле с убийством Фрайтаг, вы готовы на меня работать? Так надо вас понимать?

– Меня надо понимать так, что я приму ваше предложение после того, как вы покажете мне абсолютно все материалы, связанные с делом Фрайтаг, а я объясню вам, что надо сделать для доказательства моего алиби. Имейте в виду, вам это выгодно больше, чем мне. Одно дело, когда вы сотрудничаете с офицером политической разведки Шелленберга, который занимался анализом внешнеполитических вероятий, а другое – с костоломом и убийцей. Не вы делаете агента, Мухамед, а именно агент делает вас, гарантируя ваш рост и продвижение вверх по служебной лестнице.

– Слушайте, а на рынке здесь можно поесть? – задумчиво спросил американец.

– Можно, только там нет горячего.

– Едем на рынок?

– Едем.

– Но прежде чем мы поедем, ответьте: пока я буду выполнять вашу просьбу, готовить телеграммы в Швецию и в нашу зону Берлина, вы согласны повстречаться с вашими коллегами? Бывшими коллегами?

– Я знаю только одного. Вы его тоже наверняка знаете, он мне приносит деньги по субботам.

– Герберт, он же Зоммер? Он не ваш коллега. Он из вашей вонючей партии, он никогда не работал в разведке. Мы знаем о нем все, он нас не очень-то интересуется.

– Да? Значит, вам известно, где он берет деньги?

– Это мое дело, а не ваше... Я дам вам имена нескольких людей... Встретитесь с ними?

– Что за люди?

– Один возглавлял резидентуру в Лиссабоне, в сорок пятом, другой был в разведке Риббентропа.

– У Риббентропа не было своей разведки.

– У него был отдел исследований, это одно и то же.

– Хорошо. Цель встречи? Чего следует добиться? Психологические портреты моих собеседников? Семейное положение? Друзья? Привычки? Интересы? Образование?

– Ишь, – улыбнулся незнакомец. – Бритва. Кстати, меня зовут Пол. Мистер Пол Роумэн.

– Хорошо. А меня – господин доктор Брунн.

– Ну, ты и сукин сын...

– Да и ты большая скотина.

– Ненавидишь нас?

– Честно говорить?

– А я пойму, если будешь врать.

– Очень люблю американцев.

– Вроде не врешь. Странно.

– Именно поэтому я сделал все, что мог, только бы сорвать переговоры о сепаратном мире между генералом СС Вольфом и твоим боссом, Даллесом. Вам, американцам, было бы очень стыдно, если СС обергруппенфюрер пожал руку Даллесу при вспышках фотоаппаратов мировой прессы. Лучше уж до конца стоять на своем, чем становиться Иудой. Тираны вызы-

вают обостренный интерес, страх, ненависть, восхищение, зависть, недоумение, но не презрение. Иуда – вызывает.

– Бользен твой псевдоним?

– Это мое дело. У тебя в руках архивы – ищи.

– Едем на базар?

– Едем.

– Только пить ничего не будем... В двенадцать тебе надо быть у Эрла Джекобса, в ИТТ.

– С Кемпом?

– Нет, к Кемпу ты придешь в одиннадцать. Он сидит на втором этаже, семнадцатая комната, секретаря у него нет. Пока. Кстати, он один из тех двух, кто меня интересуется. С декабря сорок четвертого он был в вашей поганой резидентуре в Лиссабоне. Ты подружись с ним, Бользен. Или Брунн, как тебе удобнее... Он очень большая паскуда, этот Кемп, который на самом деле Рихард Вилккерс, то ли майор, то ли подполковник, с женой живет сепаратно, она спит с двумя неграми в Лиссабоне, очень сексуальна, видимо, маньячка, ее сестра работала с доктором Вестриком, есть такой сукин сын, который лизал задницу Гиммлеру, был членом СС, а теперь выставляет себя нашим человеком, представляет интересы ИТТ в Германии и борется за демократию. Меня интересуется, чем занимался этот самый Вилккерс-Кемп до января сорок пятого. Друзей у него нет. Он никому не верит, ни одному человеку на свете. Из аристократической семьи, родился под Гамбургом, про родственников мы не очень-то знаем. Чаще всего видится с Эрлом Джекобсом. Тоже скотина, наша скотина, но не лучше ваших скотов. В сорок первом был против того, чтобы мы ударили по Гитлеру. В сорок пятом кричал «ура» и надел военную форму, грабил вместе со своим братом Германию. Правильно делал, только надо было трофеи передавать, стране, а не набивать свои карманы. Будь с ним осторожен. Держи ухо остро.

Пол Роумэн открыл дверь, вышел первым, грохоча тяжелыми ботинками; по-мальчишески резво спустился вниз, быстро пошел по улице, не оборачиваясь на Штирлица, свернул за угол, там стоял голубой «форд».

В машине уже Роумэн сказал:

– Хорст Нипс... Такое имя что-нибудь говорит?

– Республиканец? Работает во французском банке?

– Он такой же республиканец, как я нацист. До апреля сорок пятого он был помощником начальника отдела исследований у Риббентропа, занимался Латинской Америкой. Это номер два. Семья живет в Аргентине, жена и трое детей. Здесь легализован. Имеет громадные связи в Мадриде. Залегендирован вполне надежно. Имеет аргентинское гражданство. Из рабочих, был штурмовиком, его послали учиться в Гейдельберг, потом отправили в МИД, когда там началось гонение на кадровых дипломатов, которые не вступали в твою вонючую нацистскую партию... Мне надо получить их связи. Задача ясна?

– А тебе? – спросил Штирлиц и усмехнулся. – Ты свою задачу понял?

Гарантированная тайна переписки

1

«Полу Роумэну,
посольство США, Мадрид, Испания,

Дорогой Пол!

Только сегодня я, наконец, спокойно выпил, спокойно посмотрел в глаза Элизабет, спокойно поиграл с Майклом и Джозефом в сыщиков и гангстеров, спокойно прошел по дому, как бы заново его оглядывая, и спокойно лег в кровать. Правда, уснуть не мог, но это было уже не от обиды и ощущения полнейшей безысходности, но оттого, что слишком переволновался за последние два месяца. Поэтому не сердись, что я не отвечал тебе, просто не мог сесть за стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.